

ГАНС-ИОАХИМ ДИСНЕР
КОРОЛЕВСТВО ВАНДАЛОВ

Взлет и падение

ЕВРАЗИЯ
 Санкт-Петербург
 2002

За помощь в осуществлении издания данной книги издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор: *Каролинский А. Ю.*

Диснер Ганс-Иоахим

Д48 Королевство вандалов/Пер, с нем. Санина В. Л. и
 Иванова С. В. — СПб.: Евразия, 2002. — 224 с. 15ВЫ 5-8071-0062-Х

Настоящая книга посвящена истории государства вандалов. Вандалов — победителей Рима, вандалов, не сумевших удержать римское наследство. Попытка воспроизведения греко-римской цивилизационной модели, сопряженная с принятием арианства и сопровождающаяся жестокими гонениями на ортодоксальную церковь, вылилась в противоестественный и нежизнеспособный симбиоз. Естественный порядок вещей был восстановлен византийским императором Юстинианом I — истинным поборником римской традиции.

ББК 63.3(0)4 УДК 94
ISBN 5-8071-0062-Х

© Санин А.В., Иванов С. В., перевод с немецкого, 2002
 © Лосев П. П., обложка, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора

Глава I. Проблематика великого переселения народов. Вандалы и вандализм

Глава II. Первое появление вандалов. Родина, ранняя история и переселение через Силезию и Венгрию в Испанию

Глава III. Борьба с Западной Римской Империей, вестготами и свевами. Испанское «королевство»

Подготовка похода в Африку

Глава IV. Кризис и падение римской Северной Африки. Борьба берберов и низших слоев населения против господствующего порядка. Ортодоксальная и донатистская церкви

Глава V. Вторжение вандалов и королевство вандалов и аланов в Северной Африке

- Римское и вандальское господство
- Подготовка и осуществление вторжения в Африку
- Вандальская власть с 429 по 442 гг. и государство вандалов при Гейзерихе (442-477 гг.)
- Государство вандалов при Гунерихе (477—484 гг.)
- Государство вандалов при Гунтамунде (484-496 гг.)
- Государство вандалов при Трасамунде (496-523 гг.)
- Государство вандалов при Хильдерихе (523-530 гг.)
- Государство вандалов при Гелимере (530—533/34 гг.)

Глава VI. Византийские преобразования и последние вандалы

Глава VII. Вандальское государство как политически-военная и культурная общность

- Королевская власть и государство
- Родовая знать, служилая знать и рядовые вандалы
- Войско и флот
- Управление и экономика
- Арианская и ортодоксальная церкви
- Искусство; язык и литература

Глава VIII. Вандалы, жители провинции и берберы

Заключение

Примечания

Приложения

- Библиография
- Хронологические таблицы
- Карта королевства вандалов

Указатели

- Именной указатель
- Географический указатель

ОТ РЕДАКТОРА

Исследования немецкого ученого Ганса-Иоахима Диснера посвящены основанию в 442 г. королевства вандалов и истории его существования. Это малоизученная в советской и российской историографии тема, и необходимость в переводе данной работы назрела уже давно. Сразу же после падения Западной Римской империи имя вандалов стало обрастать домыслами и мифами; но насколько реальна картина, нарисованная римскими писателями, и почему именно имя вандалов стало синонимом дикости и разнузданности? С этого Диснер начинает рассматривать многие спорные проблемы, связанные с Великим переселением народов в целом и вандальским королевством в частности. В орбиту его внимания попадают не только вандалы, но и общие перемены, сотрясавшие Запад в течение V—VI вв.

Действительно, успех варваров нельзя понять в отрыве от глубокого политического и экономического кризиса, охватившего Римскую империю, иначе трудно объяснить, как незначительные по численности, скверно вооруженные и неорганизованные варварские племена смогли прорвать римскую границу. Уже в III в. в империи начался хозяйственный и политический упадок. Необходимость вести постоянные войны и охранять границы обходилась римской казне очень дорого. В V в. тяжкое налоговое бремя и бесчинства римской администрации на местах привели к тому, что население империи стало видеть в государстве прямого эксплуататора и перестало быть заинтересованным в его защите, зачастую предпочитая переходить на сторону варваров. Восстания обедневших слоев римского общества, колонов и рабов отвлекали на себя римские войска, ослабляя оборону империи. Боеспособность и моральный дух римской армии резко падали. В этих условиях правительству пришлось пойти на уступки варварам, надеясь, что неистовые полчища удастся приручить, навязав им «римский» образ жизни. Так германские племена получили доступ к возделанным землям. Римляне использовали варваров как для подавления внутренних мятежей, так и на границе империи против других племен. В знаменитой битве при Каталаунских полях на стороне римлян против гуннов бились вестготы и аланы. Но ситуация вышла из-под контроля: вместо того чтобы «романизировать» варварские племена, римляне испытали на себе влияние обычаев и традиций своих противников. Итальянский историк Ф. Кардини писал об этом периоде: «Варвары были повсюду... впереди — в наступающих ордах, и позади — под знаменами римских легионов». И в конце концов власть над Италией плавно перешла к остготскому королю Теодориху, старавшемуся поддерживать видимые признаки существования римской административной системы. К этому времени племена вестготов уже закрепились на Иберийском полуострове, а вандалы — в Северной Африке.

Судьба варварских королевств, образовавшихся на руинах Римской империи, была различной. Некоторые из них (королевства франков, вестготов) существовали еще долгое время, удерживаясь у власти не только благодаря своей силе, но и потому, что смогли заручиться поддержкой влиятельного ортодоксального духовенства и местного римского населения. Вандалов же ждала иная участь — после недолгой войны их государство в 534 г. было завоевано войсками византийского императора Юстиниана и прекратило свое существование. Причины триумфа и гибели вандалов стоят в центре работы Диснера, давшего в этом разделе полную картину социальной, политической, экономической и культурной жизни их королевства.

Глава I

Проблематика великого переселения народов. Вандалы и вандализм.

В современных исторических исследованиях и исторической науке Великое переселение народов занимает достаточно важное место. Его значительная протяженность в пространстве и времени, позволяющая поместить его в исторический период между «поздней античностью» и «ранним средневековьем», которые, с одной стороны, тесно переплетены, а с другой — имеют четко очерченные границы, наряду с историческими исследованиями обеспечила благодатную почву для множества исторических фантазий и даже породила обильную романтическую литературу (1). Великое переселение, безусловно, являлось важным фактором как для клонившейся к закату истории Рима, так и для развивающихся германских и романских государств, не говоря уже о Византийской империи и восточном мире, который в скором времени захватили мусульмане. Широта исторических и географических рамок этого события подводит нас к выводу, что когда мы говорим о Великом переселении, мы говорим о весьма сложном историческом явлении, если даже не принимать во внимание переселения, выходящие за рамки гуннской и германской областей, например нашествия североафриканских берберов и мусульман. Эта привычка к локализации сегодня подвергается сомнению, тем более что, например, нашествие берберов (мавров) нельзя исключать из Великого переселения народов, так как оно происходило одновременно с важнейшими этапами перемещения германских племен (вандалов).

Начиная с XIX в., в связи с так называемой теорией катастроф, Великое переселение зачастую стали считать основной причиной упадка Западной Римской империи. Сегодня надо отказаться от

подобного рода преувеличений в оценке значения Великого переселения, указав на то, что (как уже подчеркивали, основываясь на знаниях своей эпохи, Жан-Баттиста Вико или Эдуард Гиббон (2)) к кризису и, в конечном итоге, падению империи привел упадок самой римской государственности и позднеримского общества. Если принять это предположение об упадке государства, то сразу возникает масса различных факторов, которые, представляясь достаточно важными, попеременно выходят на первый план. Наряду с противоречиями между различными классами позднеантичного общества, которые приводили к волнениям, беспорядкам и более крупным восстаниям, характерными причинами гибели империи были также ранняя варваризация государства (прежде всего армии), экономическое и социальное уничтожение среднего класса и пышный расцвет бюрократии, противопоставлявшей себя огромным массам населения. Во всяком случае, рассматривая историю позднеримской империи и причины ее падения, нельзя не учитывать эти исторические феномены. Явной ошибкой можно назвать вывод о том, что как на Западе, так и на Востоке решающими были все эти негативные явления; ведь относительно более высокой социально-экономической или военной стабильностью или же культурным превосходством невозможно объяснить тот факт, что, вопреки проявлениям упадка и атакам врагов, восточная часть Римской империи смогла укрепиться и превратиться в Византийское государство. Первые волны переселения народов одинаково сильно затронули как Восток, так и Запад империи (378 г., Адрианополь!), тогда как более поздние волны все больше устремлялись на Запад, но, тем не менее, Восточная Римская или Византийская империя, по крайней мере, до распада государства гуннов после смерти Аттилы, оставалась непосредственным объектом нападения кочующих племенных групп.

В своей работе «Римская история» А. Хойс делает почти аналогичный вывод: «В этой связи вторжение германцев является, естественно, важным событием. Однако напрашивается уже высказанное соображение, и можно спросить: потому ли восточной части империи удалось пережить кризис, что она не испытала германского вторжения? Подобное упрощение не соответствует простым фактам, так как Восточный Рим постоянно вынужден был бороться с германскими пришельцами. И кроме того: неужели толчком к падению империи послужили какие-то поселения восточных германцев на границе? После всего того, что история сообщает нам о жизнеспособности этих так называемых государств, было бы слишком большой честью для них считать, что такое положение дел соответствовало действительности. К тому же вторжение «варваров», в сущности, — обычная судьба всякой развитой культуры, не только в античности, но и в Индии, Китае, а еще раньше в Египте. Но собственных сил варваров недостаточно для каких-либо важных изменений. Вопрос в том, противопоставляется ли им эффективная внутренняя сила самосохранения, которая выдерживает политические катастрофы, может ассимилировать чужое и способна восстановить сама себя. Западной Римской империи этого явно не удалось» (3).

Трудно что-либо добавить касательно различных «влияний» переселения народов, хотя мы вряд ли стали бы отзываться о мире новых возникших государств так же пренебрежительно, как Хойс. Несмотря ни на что, является объективно неоправданным вытекающее отсюда преуменьшение значения Великого переселения, которое можно было бы показать более детально, указав на малочисленность германских сил, «примитивность» их вооружения и способов ведения войны (у них не было осадных орудий!) и на изначальную неспособность к более высокой административной и культурной деятельности. Дело в том, что если настаивать на незначительной важности переселения народов, то тогда причины ослабления и, в конечном счете, гибели Рима следует искать исключительно во внутреннем упадке. Этому, однако, противостоит так называемая теория преемственности, которая также привлекла пристальное внимание Хойса. Согласно ей античность, «внутри которой происходили эти перемены, не прекратила своего существования после предполагаемого "упадка"» (4). К этому Хойс добавляет следующее: «Упадок античности, понимаемый как изменение формы, а именно только так его и следует понимать, является никак не постепенным или вытекающим из имманентного закона умирания, а четко очерченным и поддающимся анализу процессом». Хойс полагает, что при подобном сужении подхода выводы из оговоренного им понимания не подлежат сомнению. Это не дает нам основания считать преобразования в античной структуре жизни, которые были в полном разгаре с III века, смертельным процессом разложения. Поздняя античность очень отличается от ранней, собственно, античности, однако это эпохи, относящиеся к одной и той же истории, эпохи, имевшие один и тот же

«исторический субъект». Им была свойственна преемственность, и в этом смысле Византия является подлинным продолжением античности. Если бы всей империи была уготована судьба Восточного Рима, то, вероятно, никому не пришло бы в голову, что античности придет конец (5).

В определенной степени мы разделяем такое видение этого вопроса. Однако прежде всего мы хотели бы поставить вопрос об «оправдании» концепции со столь сильным биологически-морфологическим уклоном, которая восходит к О. Шпенглеру и его предшественникам. Тогда можно было бы поинтересоваться, действительно ли «упадок античности» является «четко очерченным и поддающимся анализу процессом». Это имеет еще большее отношение к фактам, хотя и об этом можно было бы поспорить, чем к причинным связям и «фону». Нам также не вполне ясно, был ли в поздней античности тот же «исторический субъект», что и в классической античности. Как в таком случае можно было бы точнее определить этот субъект? Кроме того, границы таких понятий, как «упадок» и, соответственно, «падение» и «великое переселение народов», следовало бы по возможности четко разграничить с понятием «преемственности», которая еще мало изучена; преждевременное смешение неприемлемо с методологической точки зрения. Вряд ли можно утверждать, что внутренний упадок империи, переселение народов и преемственность были одинаково важными и решающими факторами. Наиболее удовлетворительным для нас представляется следующее определение: после начала внутреннего кризиса Римской империи в результате волн великого переселения народов Западная Римская империя пришла в упадок; однако в «государствах-наследниках», прежде всего в Византии, сохранилась определенная преемственность социально-экономических и культурных структур Империи (например, рабство, латинский язык, церковная организация и культура).

Отсюда можно подойти к определению самого феномена «великого переселения», которое тематически напрашивается само собой. Мы будем исходить из типологии и подчеркнем следующее: античность, для которой было характерно преобладание рабовладения, постоянно переживала так называемые переселения народов; при этом на территории, заселенные и управляемые обществами, стоявшими на более высоком культурном уровне, проникали племена, части или группы племен (народности), находившиеся на более низком культурном уровне. И, наоборот, при завоевании территорий, стоящих на более низком уровне развития, мы говорим о колонизации (ионийское и дорийское нашествия, переселение народов стоят по одну сторону, а греческая и римская колонизация — по другую). Изначально переселения народов, в том числе и в период поздней античности, имеют достаточно примитивные признаки. Во-первых, они состояли не только из войн, а по большей части состояли в передвижении отдельных родов, кланов и более значительных групп, к которым по пути присоединялись другие, «дополнительные» группы. Поэтому зачастую эти волны переселений бывали неоднородными, им не хватало должной силы военного удара и способности систематически владеть и управлять захваченными территориями. Во-вторых, в дальнейшем они заканчиваются скорее мирным заселением, чем захватом земель и основанием «полноценного» государства. Большинство из них удовлетворялось положением римских федератов, которым выделяли пахотные земли и на которых возлагали военные обязательства. Первоначальная неприязнительность переселяющихся племен связана с их сравнительно низким уровнем культуры и общественного расслоения, а также частыми угрозами со стороны врагов или неблагоприятными климатическими условиями, которые, похоже, и были главной причиной всех переселений.

Нередко эти переселяющиеся группы временно возвращались к уже изжитому ранее кочевому или полукочевому образу жизни. Однако когда, несмотря на растущее сопротивление римлян, они постепенно добились все больших успехов (речь идет прежде всего о периоде, начиная с 410 г. н. э.) и познакомились с благами античной цивилизации, вместе с личными и коллективными притязаниями стала усиливаться тенденция к покорению как можно большей части территории империи. Здесь находится отправная точка для основания самостоятельных государств или «королевств» на границе империи и образования феодального мира, состоящего из мелких государств. Начавшись с переселения народов, этот процесс перетекает в Средневековье. Во время второй фазы великого переселения вместо военно-политической борьбы между римскими и варварскими силами часто обнаруживаются противоречия на сравнительно более высоком уровне: война развернулась между «местной» ортодоксией и арианством, проникшим вместе с германцами, римской и более примитивной германской бюрократией, которая, однако, уже находилась в переходных к феодализму формах, а также между новой варварской аристократией и различными

слоями общества, входившими в состав населения империи. Разумеется, грубое поначалу подавление всего «римского» или «романского» мало-помалу смягчилось (6), и в конце концов, не прошло и нескольких десятилетий, как возникли самые разные формы мирного сосуществования, и в ходе многообразного процесса романизации и христианизации (например, обращение германцев-ариан в ортодоксальную веру) варвары были ассимилированы представителями более высокой культуры и цивилизации. Важным последствием переселения народов является также дальнейшая общественная дифференциация внутри германского населения, в особенности становление знати и королевских родов (образование династий).

Наши предыдущие размышления закономерно подводят нас к вопросу, обоснованно ли мы употребляем название «вандалы» и в особенности термин «вандализм». При этом мы приближаемся к общей оценке великого переселения народов. Современные исследования вопроса строятся главным образом на том основании, что то отрицательное значение, которое придавалось слову «вандалы», прежде всего с XVII и в XVIII в., указывая на враждебность к культуре и стремление к ее разрушению, является по меньшей мере сильным преувеличением. Рассмотрение истории понятий «вандал» и «вандализм» позволяет пролить свет на эту проблему. Некоторые писатели — современники великого переселения — считают вандалов, так же как и других варваров, жестокими разрушителями. К этому вердикту присоединились и средневековые писатели. Однако отрицательная оценка слова «вандал» является следствием прежде всего «свободного» литературного творчества писателей эпохи Просвещения. Так, в негативном смысле употреблял слово «вандал» Вольтер, следуя английским образцам (7). С другой стороны, в 1794 г. епископ Григорий Блуаский использовал термин «вандализм» (совсем в другой общественной сфере) для критики известных проявлений Французской революции (8). В один миг это слово (вместе с его производными) произвело фурор и проникло в основные культурные языки, например английский, немецкий, итальянский, испанский и португальский. Даже классики, такие, как, например, Шиллер, быстро восприняли новый термин (9). В то время как названия других племен, участвовавших в переселении народов, например бургундов или франков, либо совсем не получили отрицательного развития, либо, как готы и гунны, лишь до определенной степени служили для обозначения варварства и бескультурья, то участь вандалов оказалась менее счастливой. Естественно, причины столь негативного отношения следует искать и в источниках того времени. В принципе, можно пойти еще дальше, приняв во внимание более древнюю греческую этнографию (достигнувшую своих вершин во времена Геродота и в его работах). Однако при ограниченности ее географических и духовных горизонтов она не в состоянии сказать что-либо о далеких и малоизвестных народах. Эти упоминания в целом были скудными, неточными и часто также негативными, так как за неимением надежных источников в ходу нередко были выдумки, искаженные рассказы о путешествиях или ошибки переводчиков. Стереотипные представления той древней этнографии, зачастую путавшие одни народы с другими и исходившие к тому же из сомнительного положения о культурном и духовном превосходстве греко-римского мира, нередко сохранялись вплоть до поздней античности и Средневековья (поскольку из литературных соображений писатели большей частью заимствовали оригиналы известных предшественников) и особенно сказывались при характеристике враждебных варварских племен (10).

Помимо политической вражды, как раз в эпоху переселения народов часто становится актуальным еще и вопрос о религиозном соперничестве (ортодоксальных писателей с арианами или даже с язычниками-варварами). Кроме того, по-прежнему сохранялась антипатия образованных римлян по отношению к невежественным и культурно враждебным не-римлянам. Таким образом, на основании «принципиальной» вражды между «римлянами» и «варварами» в V в. сформировался устрашающий образ вандалов и других варваров. В нем дикость, жестокость и бесчеловечность сочетались с вероломством и даже трусостью. Лишь изредка встречаются указания на такие положительные черты, как целомудрие (11), справедливость и стойкость. Несомненно, благодаря упоминанию о некоторых положительных качествах (а также разнице в местах рождения писателей) этнографический образ варварских племен получает определенную многоплановость и многоцветность. Повсюду можно заметить, что оценка индивидуальных черт варварских племен не следует единственной схеме, и к последней обращаются писатели, возлагающие долю ответственности за падение империи на ее правительство и население. В целом же, конечно, переселение народов и стоявшие за ним племенные союзы получали резко отрицательную

характеристику и оценку. Авторитетные писатели и духовные лица того времени, выразившие, по существу, общественное мнение, такие как Иероним, Августин, Орозий, Ориентий или Проспер Тиро и многие другие, доказывают жестокость вандалов и других варваров даже на примере отдельных событий. Они упоминают самые разные формы насилия, такие как разбой и грабежи, порабощение и убийство, рисуя впечатляющую картину бедствий покоренного населения. О злодействах вандалов на самый разный лад рассказывают современные хроники, донесения, переписка, литературные произведения и даже имперское законодательство (12). Однако во всех литературных жанрах необходимо принимать во внимание преувеличение, которое, в зависимости от ситуации, объясняется либо риторическими приемами, либо праведным гневом, либо даже политической пропагандой. Следует упомянуть еще одну точку зрения, на которой особенно настаивает французский исследователь Кр. Куртуа (13): мы почти ничего не знаем о более точных причинах и обстоятельствах варварской «жестокости». Несомненно, часто она вызывалась или усиливалась упорным сопротивлением и нагнетанием страха со стороны влиятельных кругов, прежде всего аристократии и духовенства, и соответствовала военному и международному праву того времени (14). В этой связи также можно было бы указать на «негуманность» римского правосудия. Кроме того, классовые противоречия внутри пирамиды римского общества давали варварам возможность одерживать верх. Они настраивали один слой населения против другого, в частности, обращались с высокопоставленными людьми как с военнопленными или рабами, хотя часто справедливость требовала по крайней мере равного отношения (15). Во всяком случае ни племена, участвовавшие в великом переселении в целом, ни вандалы в частности не заслуживают того жесткого приговора, который заложен в термине «вандализм». Несомненно, ведение войны на более поздних стадиях исторического развития, которые действительно можно было бы охарактеризовать как империалистические, зачастую было более жестоким. При этом даже необязательно обращать свой взор в самое далекое прошлое, а можно указать на нашествие монголов в Средние века. Естественно, мы не пойдем настолько далеко, чтобы обсуждать «патриархальные» методы ведения войны у племен, участвовавших в переселении народов. Однако следует подчеркнуть, что и для них война была всего лишь «ultima ratio» (последним доводом), которой они, хотя и с неохотой, подчинялись по причине своей слабости в других отношениях. Сравнительно мелкие племена, такие как бургунды, свевы или даже вандалы, в особенности старались добиваться своих целей по возможности без использования военных средств или же стремились к скорейшему восстановлению мира. Более беспристрастные авторы засвидетельствовали эту часто повторяющуюся ситуацию и даже с похвалой отозвались об этом (16). Этим авторам также был неизвестен тот факт, что переход власти от римлян к германцам часто положительно сказывался на положении некоторых групп населения империи, прежде всего более бедных слоев (17). Отсюда был уже один шаг до взвешенной, даже апологетической оценки великого переселения и его участников. Сначала его совершали лишь изредка (а потом главным образом с моральной и богословской точки зрения) такие писатели, как Сальвиан из Массилии, Проспер Тиро или Кассиодор. Когда эти писатели с оптимизмом, который кажется нам порой неприемлемым, отмечали нравственно-религиозные качества варваров и ожидали от них обновления умирающего римского мира («mundus senescens»), поскольку те очень хорошо адаптировались, то они очень сильно ошибались в своих оценках предполагаемого развития истории. И все же они заранее лишили более глубокого основания легенду о «вандализме» племен, участвовавших в великом переселении, которая тогда только зарождалась, но продолжает существовать и по сей день (18).

Глава II

Первое появление вандалов. Родина, ранняя история и переселение через Силезию и Венгрию в Испанию.

Название «вандилии» («вандильеры») появляется уже у писателей периода ранней империи, таких как Тацит и Плиний Старший (1). Тогда вандалы вместе с кимврами и тевтонами следовали по одному маршруту, а также были связаны с бургундами, варнами и готами. Современные исследования всегда отмечают, что вандалы вторглись в область между Эльбой, Одером и Вислой с

севера или северо-запада («прародиной» их предположительно была, скорее всего, Ютландия и бухта Осло); там они, наверное, и познакомились с римлянами. Через торговые отношения с вандалами, с территории которых вывозился прежде всего янтарь, римские купцы и писатели сформировали определенное (слегка литературно обработанное) представление об обычаях и нравах этой германской группы. Поэтому археологические материалы, которые удалось обнаружить и собрать главным образом перед Второй мировой войной, имеют особое значение для изучения древности и протоистории вандалов. Примерно с 100 г. до н. э. в Силезии явно обнаруживает себя «вандалский» религиозный союз лутцев. Судя по этому названию кажется, что оно может относиться и к кимврам, и к раннему кельтскому населению Силезии (2). Возможно, культовый союз был учрежден под влиянием пришедших с севера вандалов-силингов, которым обязана своим названием и Силезия (область вокруг горы Цобтенберг). Племенной союз лутцев был изначально связан с гермундуно-богемским союзом марбодов и вместе с гермундурами разрушил так называемое королевство Ванния (50 г. н. э.(??)). Следующее упоминание о вандалах в письменных источниках появляется только около 171 г. н. э.: по случаю большой войны с маркоманами хасдингская группа вандалов, в отличие от силингов сохранившая самостоятельность, под предводительством Рауса и Рапта появилась на северной границе дакских земель и попросила впустить их на римскую территорию (3). Наместник Секст Корнелий Климент отказал им в этой любезности, так что дело дошло до нескольких сражений с римскими отрядами, а также с племенем костобоков. Вскоре после этого хасдинги поселились на территории в верховьях Тиссы (северо-восточная Венгрия и часть Словакии), видимо, на основании соглашения с Римом. Возможно, в 180 г. они были включены во всеобщий мирный договор Рима с маркоманами и квадами. Затем только в 248 г. снова упоминаются некоторые племена хасдингов, которые присоединились к нашествию готов под предводительством Аргайта и Гунтериха в Нижней Мезии. В 270 г. хасдинги в союзе с сарматами под предводительством двух королей предприняли большой поход в Паннонию. Однако они потерпели тактическое поражение и смогли отойти обратно только после того, как оставили в заложниках детей короля и знати, и отдали 2000 своих всадников для вспомогательного отряда в римскую армию (так называемый *ala VIII Vandilorum*). Вполне очевидно, что эти походы полностью провалились. Может быть, поэтому они время от времени прощупывали и другие направления и впоследствии продвигались главным образом на запад. Согласно историку Зосиме (4), солдатскому императору Пробу (276—282 гг.) удалось разбить отряды вандалов-силингов (приблизительно в 277 г.), которые в последний раз появились под именем лугиев. Вскоре после этого (278 г.) тот же самый император все-таки был вынужден снова сражаться с якобы превосходящими силами вандалов и бургундов в Реции, вероятно, на реке Лех. После поражения германцам пришлось покупать мир в обмен на выдачу пленных и добычи. Похоже, они все же не соблюдали условий мирного договора, поэтому император еще раз напал на них, взяв в плен их предводителя Игилоса и большую часть воинов, и переселил этих варваров в Британию. Вероятно, к этому принудительному поселению восходит сегодняшний Кембриджшир (5). Немного позже часть вандалов, смешавшихся с готами и гепидами, проникла дальше на юг. Согласно историку Иордану, писавшему о готах, около 335 г. племена вандалов получили от императора Константина Великого земли в Паннонии (главным образом в Западной Венгрии), что, правда, не было подтверждено археологическими изысканиями. Напротив, их многолетнее пребывание в северо-восточной Венгрии подтверждается, в том числе и археологическими данными (6).

Скудные указания письменных источников о передвижениях вандалов, которые чаще всего приводили к военным столкновениям с римлянами или племенами варваров, вообще сильно нуждаются в пополнении данными археологии с мест поселений вандалов. Для разгадки интересующего нас вопроса представляются полезными результаты исследований, проводившихся в течение десятилетий на территории Ютландии и особенно Силезии. Е. Шварц (7) не без основания отмечает, что в Силезии, в области к югу от Познани и в направлении Карпат, плотность находок необычайно высока. В Центральной (Виттенберг, Цорбит, Артерн) и Западной Германии (Мушенхайм/Веттерау) обнаружены лишь отдельные находки (8). Приблизительно после 100 г. до н. э. на территорию Силезии пришла вполне сформировавшаяся культура вандалов, которая, правда, должна была вступить в соперничество с остатками кельтского населения к югу от Бреслау (Вроцлав). К перемещению вандалов (или племен, от которых они произошли) с северо-запада на юго-восток уже давно привлекает наше внимание факт очень большого сходства между культурами

Силезии и Северной Ютландии. Конечно, речь при этом шла о кочевом союзе (9), который включал большую часть населения не только Ютландии, но и датских островов и южной Норвегии. Интересно, что археологические раскопки на местах поселений свидетельствуют о том, что Северная Ютландия (сегодняшнее название Вендсюссель; а мыс Скаген ранее назывался Вандильскаги) во II в. до н. э. была очень плотно заселена (доказано существование многочисленных поселений и кладбищ) и что многочисленные земельные участки, которые сегодня поросли верещатником, активно обрабатывались (10). Вскоре плотность населения уменьшилась, что обязывает нас принять в расчет мощный отток людей в восточном или южном направлении, причем не исключено, что переселенцы двигались через Балтийское море в область устья Одера и Вислы (11). Невозможно точно определить племена, принимавшие участие в этом движении, однако в первую очередь необходимо иметь в виду упоминаемых Тацитом и Плинием Старшим гариев, гелленов, манимов, телизиев, наганарвалов, а также ванов и амбронов. Контакт амбронов с передвижением кимвров и вандалов указывает на тесную связь этих переселений друг с другом. Мы вряд ли можем четко идентифицировать эти различные племена: они теряются в сумерках древности, которая еще только начинает медленно превращаться в историю. Поэтому большинство особенностей, о которых сообщается в письменных источниках, представляется возможным установить прежде всего с этнографической точки зрения, причем часто и здесь остается место для разночтений. Так, согласно Тациту, гарии отправлялись на войну в боевой раскраске, так как «ведь во всех сражениях глаза побеждают первыми». Это психологическое объяснение вызывает сомнения. Скорее стоит предполагать религиозные причины, тем более в том же самом тексте Тацит изображает культовые обычаи родственного племени наганарвалов. Последние поклонялись в священной роще божественным братьям-близнецам, Алькам, которых римляне отождествляли с Кастором и Поллуксом, то есть с Диоскурами. То, что они изображались в виде оленя или всадника на лосе, дает нам основание предполагать шаманский или тотемный контекст (12). В немецких сагах эти божественные братья называются Хартунгами, что соответствует вандальскому Хацдингоц и означает «волосы женской головы». Это впервые проясняет смысл названия хасдингов, которых скорее всего можно локализовать в области бухты Осло (современный населенный пункт Халлингдаль). Таким образом, племя и династия хасдингов, очевидно, уходит своими корнями в глубь истории германских племен. Мы уже отмечали также, что Цобтенберг около Нимпча, должно быть, как-то связан со священной рощей наганарвалов (13). Тогда следовало бы принять во внимание контакты между наганарвалами и синлингами, название которых передалось горе (см. выше), а затем, через славян, и стране (Slenz, Slez, Slezko, Schlesien). Не вполне ясно, что означает собирательное имя «лугии», которое некоторыми через ирландское «lugie» (клятва) возводится к значению «даввшие клятву». Поскольку существует кимврское имя собственное «Lugius», становятся очевидными вандало-кимврские взаимоотношения (14). На раннесилезском этапе истории, должно быть, существовали различные отношения между вандалами и кельтами (особенно на территории между Бреслау и Нимпчем). Вандалы все сильнее теснили это древнее население, перенимая некоторые из его культурных и технических достижений. Существуют заимствования в области изготовления оружия и строительства укреплений (а также чеканки золотых и серебряных монет), а кроме того, вандалы частично переняли кельтский обряд погребения, который пришел на смену их обычаю кремации в яме (15). На вандалов повлияли и кельтские поселения городского типа (которые со времен Цезаря назывались крепостями (*oppida*)). Однако в целом в Силезии и некоторых соседних областях вандалы все больше добивались и культурной победы, несмотря на препятствия, чинимые граничившими с ними на востоке готскими племенами, которые, например, вытеснили вандалов из области *Мазур* (?). Как уже упоминалось, в ходе борьбы с римлянами и некоторыми придунайскими племенами развернулась, главным образом во II и III вв., экспансия в Карпаты; к области расселения вандалов-хасдингов принадлежала и северо-восточная Венгрия, так же как и некоторые части Словакии.

В IV в. особыми политическими и общественными центрами стали так называемые княжеские дворы, где создавались многочисленные произведения искусства. Очень характерны для данного периода три богато украшенные княжеские гробницы в Сакрау (Верхняя Силезия), описанные М. Яном (16): «Это целые погребальные дома со стенами метровой толщины из крепкого булыжника, погребальные помещения достигают 5 м в длину, 3 м в ширину и 2 — в высоту. Потолок в этих захоронениях непременно отделялся деревом. Такие погребальные помещения обставлялись

кроватями, столами, стульями и другими предметами быта, сделанными, вероятно, из дерева, из которых сохранилась лишь малая часть. Таким образом, в могилы усопших этих княжеских фамилий укладывались не только одежда, украшения, еда и питье, но их погребальные комнаты делали еще и удобными — как для живых». Ян указывает на соседство в Сакрау предметов римского производства (сосуды из стекла, бронзы и серебра) с вандало-готскими погребальными принадлежностями, причем он считает, что произведения германского искусства находились на таком же высоком уровне, что и римские. Прежде всего это обнаруженные в Сакрау и других местах двух- и трехзубые пряжки или золотые подвески с припаянными филигранными украшениями, которые по своему исполнению и изяществу являются большим достижением. Разумеется, и сами гробницы отражают высокий уровень мастерства, которое, должно быть, достигло своего расцвета в строительстве крестьянских домов и особенно княжеских резиденций. Естественно, гробницы в Сакрау отражают и тот факт, что на «княжеских дворах» крестьянское население вандалов преодолело простые социально-экономические формы или придало им дальнейшее развитие. Здесь были накоплены огромные богатства, которые предоставлялись соплеменникам, дружинникам и зарубежным гостям. Однако несомненно, что именно в IV в. культурный и жизненный уровень всего вандалского населения или, по крайней мере, той части, что поселилась в Силезии, повысился. Об этом свидетельствуют инструменты, украшения или образцы керамики, нередко испытывавшие на себе влияние готского стиля. После заимствования гончарного круга и закрытой гончарной печи (17) налажилось производство красивой дорогостоящей керамики, которую раньше нередко считали средневековой (тонкостенные изделия, в отличие от больших сосудов с узким или широким горлышком и зернистой поверхностью; декор из волнистых линий, печати и т. д.).

На основании этих достижений Ян утверждает, что IV в. был апогеем могущества и развития вандалской культуры. По этому поводу можно высказать некоторые сомнения, так как основание государства в Африке при Гейзерихе во многих отношениях открыло большие перспективы, чем те, которые в IV в. были у государств в Силезии, Словакии и Венгрии. Во всяком случае, принижение уровня жизни, достигнутого племенами вандалов уже в IV в., неуместно и способно привести, например, к недооценке переселения народов и участвовавших в нем племен, которую допустил Хойс.

Разумеется, общественное и культурное развитие вандалских государств, должно быть, также весьма различалось в зависимости от места и времени. Возможности, предоставляемые Силезией, были лучше, чем на землях дальше к югу, хотя бы уже потому, что вандалы там прожили дольше. К северу, востоку и (если распределение земель для поселений в Паннонии императором Константином исторически достоверно) к югу и западу от Дуная условия, с которыми вынуждены были иметь дело хасдинги, были полностью иными, нежели у силингов в Силезии. Вероятно, хасдинги также испытали на себе восточное влияние, вступив в сношения с аланами, племенем иранского происхождения. В целом, однако, развитие хасдингской группы протекало аналогично развитию силингской, пока в конце IV века не усилилось давление готов и гуннов с востока. Возможно, этому способствовал голод, связанный с очень большой плотностью заселения территории, так что в конце концов было принято решение отправиться на запад вместе с аланами и некоторыми группами гепидов и сарматов (18). Этот переселенческий союз, во главе которого стоял Годигизел, король хасдингов (с которым впервые появляется на свет королевская династия), охватывал достаточно ограниченную часть вандалов, поселившихся в Венгрии; впоследствии между Гейзерихом и оставшимися в Венгрии соплеменниками еще продолжали существовать слабые связи (19). В 401 г. римский полководец Стилихон, сам вандал по происхождению, сумел вернуть из Реции (Тироль в Южной Баварии) своих «соотечественников», промышлявших грабежом, и об этом с похвалой отзываясь придворный поэт Клавдиан родом из Александрии (*De bello Pollentini*, 414 и сл.). Тогда Стилихон предоставил подвластным Годигизелу племенам федеративный договор, который они заключили на правах военнообязанных поселенцев некоторых земель Винделиция и Норика (юго-восточная Бавария — Австрия). Конечно, для обеих сторон это было вынужденным решением. И все же в результате измотанные германские племенные союзы приобрели прежде всего сравнительно стабильное место проживания, а империя, испытывавшая, по крайней мере со времен битвы при Адрианополе (378 г.), весьма существенный недостаток в военной силе, получила дополнительный воинский контингент на одном из опасных фронтов. Тем не менее вандалы снова пришли в движение, когда в конце 405 г. вторгнуться в Италию вознамерилось большое войско

язычников, состоявшее в основном из остготов. Однако не успел Стилихон отпраздновать победу над войском, возглавляемым королем Радагайсом, как вандалы, нарушив федеративный договор, вступили в область Рейна и Неккара, которую защищали для империи франки. Должно быть, на данном этапе к «вандалам» в свою очередь присоединились отряды силингов и квадов. В битве с франками король Годигизел был убит. Потеряв предводителя, войско выбрало королем его сына Гундериха (Гунтарики) и, как сообщают достоверные источники, настояло на переправе через Рейн в канун нового 406 года. Кажется, что особенно сильно в результате этого вторжения пострадала область в окрестностях Майнца (20). В последующие годы вандалы и их союзники по переселению взымали дань в отдаленных частях Галлии, в том числе у многих важных городов, таких как Трир, Реймс, Турне, Аррас, Амьен. Тот факт, что на своем пути они практически не встречали сопротивления, объясняется быстротой их продвижения к границам Пиренейских гор. Естественно, и в Галлии присутствовали лишь незначительные части римской армии, которые в лучшем случае могли встать на защиту Пиренеев и отдельных самых важных городов, таких как, например, Толоса (Тулуза). Поскольку германцы не могли преодолеть Пиренейские проходы, то в конце концов они опустошили также обширные территории южной Галлии, в области Нарбонна, где уцелели лишь немногие города, например Тулуза, где оборону возглавил епископ Эксуперий. Наряду с военными и политическими слабостями Рима решающее значение для быстрого успеха вандалов и их союзников имели противоречия внутри населения империи, на чем особенно настаивает Сальвиан из Массилии. Более бедные слои населения относились к «смене власти» главным образом равнодушно или даже положительно. При вторжении варваров они могли перейти на их сторону или присоединиться к багаудам, которые уже давно вели борьбу за землю, или же по крайней мере оказывать тайную поддержку этим антиримским силам. Таким образом, в силу отсутствия полководцев организация обороны легла на плечи видных деятелей общества, порою даже епископов. Эта неприемлемая ситуация сохранялась долго. Ответственность за бедствия, постигшие в то время Галлию, современники по большей части возлагали на полководца Стилихона, которого также обвиняли в тайном сговоре с вандалами (что представляется нелепым) (21). Однако обстановка в Галлии постепенно выявляла напряженность отношений и противоречия, существовавшие внутри западной части империи. Зимой 407 г. британские легионы провозгласили своим императором обычного солдата, Константина (III). Под предлогом войны с вандалами он переправился в Галлию и прежде всего призвал из Булони имевшиеся в наличии римские части. Затем, заключив соглашения с франками и другими племенами, он укрепил рейнскую границу. Наконец, приняв также меры и в отношении вандалов и завоевав таким образом политический авторитет, он позаботился о защите интересов галльского населения во всяком случае лучше, чем бездеятельный законный император Гонорий, пребывавший в безопасной Равенне. И все же Константин не мог защитить границу Пиренеев от предстоящего прорыва вандалов, тем более что в его собственных рядах постоянно обнаруживалась измена. Поэтому при содействии предавшего Константина наместника Геронтия переселяющимся племенам удалось преодолеть Пиренеи. Отсюда, опустошая и грабя все на своем пути, что красочно описано хронистами Хидацием и Орозием, они распространились по другим частям Иберийского полуострова. От этого первого натиска переселения народов земля, на которую уже в течение нескольких столетий не ступала нога завоевателя, ужасно пострадала. Об этом говорят многочисленные свидетельства современных писателей, знавших испанских, или иберийских, беженцев (к ним, кстати, принадлежит и пресвитер Орозий) и собиравшихся извлечь уроки из их судьбы (22). Постепенно обстановка стала все-таки снова стабилизироваться. Измотанные постоянными миграциями племена теперь определялись на постоянное поселение, поэтому они должны были попытаться наладить контакты с римскими властями и некоторыми слоями населения. Уже в 411 г. с империей был заключен федеративный договор, по которому хасдингам отходила восточная, свевам — западная Галисия (северо-западная Испания), в то время как силинги получили Бетику (южная Испания), а аланы — Лузитанию (примерно соответствует Португалии) и область Нового Карфагена (восточная Испания). Разумеется, это действие нельзя рассматривать как государственно-правовую передачу земель (23): большинство городов на юге и востоке Испании, прежде всего порты, остались в подчинении у Рима. И в целом (временное поселение вандалов, аланов и свевов на римской территории без окончательного урегулирования вопроса о собственности), и в частности (отношение федератов к местным жителям) многое осталось неясным. Поэтому следует с предельной осторожностью говорить о возникновении, начиная с 411 г.,

на территории Иберийского полуострова многочисленных германских государств, хотя в известном смысле речь шла о государственных новообразованиях. И если не принимать во внимание аланов и вандалов, свевы, присоединившиеся к ним в ходе переселения, все-таки создали на севере полуострова государство, просуществовавшее долгое время.

Глава III

Борьба с Западной Римской империей, вестготами и свевами. Испанское «королевство». Подготовка похода в Африку.

Естественно, равеннское правительство (уже с 411 г.) пыталось избавиться от обременительных иберийских федератов. Вскоре представился удобный случай столкнуть германцев друг с другом, и современные писатели, например Орозий (*Historia adversum paganos*, VII, 43), вновь стали обсуждать пожелание Тацита побеждать и уничтожать врагов путем внутренних раздоров между ними (*Germania*, 33), а политики — претворять его в жизнь при первой же возможности. При нападении на Испанию в 416 г. вестготскому королю Валлии удалось взять в плен короля силингов Фредебала, после чего последний был передан в Равенну. Оказавшиеся без руководства силинги потерпели множество поражений, а в 418 г. вестготы разбили и аланов, так что для иберийских федератов в целом сложилась угрожающая обстановка. Однако внезапное отступление Валлии снова позволило им вздохнуть свободно и теснее сплотиться в политическом отношении. С 418 г. хасдинги, силинги и аланы были объединены на правах личной унии королем хасдингов. Имя «хасдинги», которое ранее обозначало целое племя, постепенно стало использоваться исключительно для названия династии. Наконец, вводится титул «*rex Vandalorum et Alanorum*» («король вандалов и аланов»), который, однако, можно обнаружить только со времен Гунериха (477—484 гг.) (1).

Впоследствии правительство Западной Римской империи предпринимало попытки оттеснить вандалов-аланов как своими силами, так и при помощи свевов. В 418—419 гг. у Нербазийских гор произошла битва, в которой окруженные свевы в конце концов чуть не потерпели поражение. Однако подоспевшее на помощь римское войско заставило вандалов отступить на юг и нанесло им поражение при Бракаре (Брага). Вследствие этих битв местопребывание вандалов явным образом изменилось. В 422 г. поход малоизвестного полководца Кастиния снова поставил вандалов в тяжелое положение. Кастиний дал уже окруженным вандалам еще один бой (что было роковой ошибкой), закончившийся для него (возможно, из-за предательства вспомогательного войска вестготов) полным поражением. В битве пало 20 000 римлян (эта цифра, конечно, — следствие свойственной античности манеры количественного преувеличения), а сам Кастиний едва спасся за стенами Тарракона (Таррагоны). После этой битвы у вандалов началась полоса успехов, которые также показывают продуктивность и успешность этого племени, далеко не главного из всей совокупности народов, участвовавших в переселении. Церковный писатель Сальвиан (*De gubernatione Dei*, VII, 11, 46), со своей стороны, дает понять, что вандалы имели успех по причине своей веры (сначала римская армия приводила их в ужас), так как выносили перед своим войском Библию как своего рода знамя. Из этого, хотя и не совсем ясного, эпизода мы узнаем две вещи: во-первых, во время переселения или во время пребывания в Испании вандалы приняли христианство, а именно арианство; во-вторых, из новой веры они пытались извлечь также политическую выгоду. Возможно, это объясняется более примитивными религиозными представлениями, которые теперь переплелись с христианством, однако вырисовывается также некоторая тенденция, сыгравшая особую роль прежде всего в политике Гейзериха. К этому вопросу мы еще вернемся. Благодаря победе над Кастинием вандалы постепенно овладели южным побережьем Испании. Уже в 425 г. они (на реквизированных римских кораблях (2)) грабили Балеарские острова и даже побережье Мавритании. В последующие годы флот вандалов был расширен и укомплектован, по крайней мере в значительной степени, одноплеменниками. Еще более значительными были успехи на суше: к 428 г. в сферу влияния вандалов были включены все римские города, включая важные метрополии Гиспалис (Севилья) и Новый Карфаген (Картахена). Таким образом, политическое, военное и, естественно, экономическое положение вандалов-аланов на момент смерти Гундериха (428 г.) явно

улучшилось по сравнению с первыми годами в Испании. После Гундериха, умершего при разорении Севильи, трон наследовал его сводный брат Гейзерих Новому властителю предстояло решить непростую задачу, так как одновременно с подготовкой похода в Африку ему пришлось улаживать конфликт со свевами.

Гейзерих привлек к себе больший интерес как современников, так и потомков, чем другие представители Великого переселения. Несмотря на свое неясное происхождение (он был незаконным сыном Годигизела и рабыни, по всей видимости, не германского происхождения), он давно был признан всеми как законный кандидат на престол. Еще до смерти сводного брата он проявил себя как опытный полководец и умный дипломат, так что ему даже отводили ведущую роль в формировании политики вандалов. Пожалуй, можно даже говорить о «совместном правлении» Гундериха и Гейзериха до 428 года (3). Источники изображают этого правителя (основываясь на его последующих впечатляющих успехах) как энергичного, тщеславного и корыстолюбивого человека, который умел действовать быстрее, чем другие успевали подумать. Хотя источники обычно очень расходятся в своих суждениях, мы все же можем принять характеристику Гейзериха как одного из тех тиранов и деспотов, которые зачастую играли видную роль в более ранние периоды античной истории.

О ситуации вокруг «королевства вандалов» можно сказать очень мало конкретного. Глядя со стороны, мы видим, что успехи и неудачи чередуются друг с другом, хотя со времени победы над Кастинием, несомненно, положение вандалов на Иберийском полуострове значительно усиливается. Однако свевы и, в первую очередь, вестготы и в дальнейшем продолжали представлять скрытую угрозу, поэтому вполне вероятно, что Гейзерих предпринял свой поход в Африку только для того, чтобы избавиться от этих надоедливых соседей. Пожалуй, экономические факторы первоначально имели для него меньшее значение: с 409—411 г. в распоряжении вандалов было много земельных участков и пахотной земли из выделенных им земель; кроме того, особенно со времени победы над Кастинием, очень значительной была военная добыча, состоявшая из людей, имущества и недвижимости. Можно сразу подчеркнуть, что переселение вандалов в Африку (как и многие другие миграции эпохи Великого переселения) следует объяснять, во всяком случае, не экономическими причинами (такими, как голод!). Уже было отмечено, что, должно быть, отношения вандалов с римскими гражданами провинции, жившими в Испании, были различными. Как и в Галлии, после прекращения грабежей и всяческого насилия, связанного с вторжением, устанавливались и мирные контакты с местными жителями. Но есть все основания сомневаться в том, что у вандалов было много друзей среди граждан, пользовавшихся политическим, экономическим и духовным авторитетом. Орозий, который сам вынужден был спасаться от них бегством (*Historia adversum paganos*, III, 20), тем не менее признает, что вандалы, которые все больше занимались мирным трудом, хорошо обращались с провинциальными римскими гражданами (имеются в виду прежде всего мелкие землевладельцы и наемные работники), так что последние начинали предпочитать бедную, но свободную жизнь под властью варваров прозябанию под властью римской бюрократии с ее налоговым гнетом (VII, 41, 7). Римские чиновники, офицеры и солдаты, не говоря уже о многих землевладельцах и духовных лицах, бежавших из Испании, думали иначе, но и от них до нас дошли некоторые свидетельства. Во всяком случае, касательно проводимой вандалами внутренней политики и их тактики в отношении к населению одно действительно можно сказать с полным основанием: она была, насколько это было возможно, терпимой и, в известном смысле, даже оказала влияние на соплеменников. И, напротив, с началом вторжения в Северную Африку эта терпимость все больше уступает место арианскому фанатизму, который во многих отношениях имел роковые последствия.

Глава IV

Кризис и падение Римской северной Африки. Борьба берберов и низших слоев населения против господствующего порядка. Ортодоксальная и донатистская церкви.

Кризисные явления в позднеримской Северной Африке представляются в рамках нашей темы по меньшей мере достаточно важными, ведь вандалам удалось легко завладеть областью, уже расшатанной внутренними неурядицами, в то время как захват сильной территории был бы затруднительным, если вообще возможным (1). Истоки африканского кризиса следует рассматривать в рамках всеобщего кризиса империи в III в. н. э. Однако эти негативные явления были преодолены, в то время как серьезные процессы разложения IV и начала V веков, охватившие как социально-экономическую, так и политическую и культурную сферы, перебороть полностью было уже никак нельзя. Для рассмотрения этих негативных явлений необходимо расширить сферу исследования. Примечательно, что и в период своего расцвета, который правильнее всего отождествить со всеобщим подъемом империи во II веке н. э., римская Северная Африка обнаруживала симптомы болезни. Городская экономика того времени набирала все больший вес, система латифундий распространилась до границы с пустынными и полупустынными областями, где часто выращивались зерно, фрукты и оливки, а рубежи оборонялись при помощи «современной» фортификационной системы (лимес¹). Фортификационные и городские сооружения, улицы, мосты, порты и водопроводные системы свидетельствовали об успехах римской цивилизации до самой пустыни и горных областей. Но все-таки Рим, как бы ему ни хотелось, не мог оказать на население такого влияния, которое привело бы к романизации всех сторон жизни. Хотя многие выдающиеся римские писатели были «африканского» происхождения (Тертуллиан, Апулей, Августин), латинский язык все же не смог прижиться повсеместно. Очень прочно укоренились пунический и берберский диалекты; часто возникала потребность в переводчиках, а латинские надписи в Африке часто представляют образцы весьма испорченной латыни. То же самое происходило в других культурных и общественных сферах. Религиозные представления местного населения в Северной Африке уже после христианизации его подавляющей части обнаруживают одну весьма характерную особенность: может быть, мы вправе сказать, что ярко выраженные здесь фанатизм и пуританство (2) зачастую были весьма заметны и в повседневной жизни, и в быту. Борьба и усобицы IV и V веков свидетельствуют о том, что и внутри ограниченной лимесами зоны лишь часть населения сознательно становилась на сторону Рима и относилась к империи именно так, как того хотели правительство и верные Риму поэты и писатели. Большинство же взирало на империю с безразличием и лишь с оговорками считало себя римскими гражданами или подданными империи. Многие жители Северной Африки и не скрывали своего отрицательного отношения к римской власти, при этом формы сопротивления были чрезвычайно разнообразными (от религиозных и социально-экономических до политических). С особенной силой самые разные антиримские настроения и действия сконцентрировались в ряде крупных восстаний IV века, отчасти связанных с донатистским расколом (3). Пограничные укрепления (лимесы) были упразднены еще во времена Диоклетиана (284—305 гг.), так что и извне было видно, что римская Северная Африка стала утрачивать свои территории. Племена, обитавшие по ту сторону лимесов, все чаще стали возмущаться, и население приграничных областей непосредственным образом ощущало это на себе в ходе их разбойничьих набегов. Однако и в пределах лимесов жили некоторые не вполне мирные племена, склонные к мятежу. Это обнаружилось в связи с восстанием одного мавританского князя-федерата по имени Фирмий (372—375 гг.), который поднял знамя восстания, испугавшись наказания императора по какому-то незначительному поводу. Его приверженцы — берберы из Кабилии и население примыкающих земель и городов Мавритании — признали его царем, а возможно, и императором, и, кроме того, ему удалось привлечь на свою сторону даже часть римских войск. О том, как далеко зашло восстание, свидетельствует имевшее вскоре место его продвижение в направлении Нумидии и установление связей с еретиками-донатистами, которые всегда питали к

¹ Лимес — в Римской империи система пограничных укреплений, состоявших из рвов, валов с палисадами и сторожевыми башнями. — *Прим.ред.*

Риму враждебные настроения. После подавления восстания Фирмия и до мятежа Гильдона (397—398 гг.), его брата, имели место лишь незначительные волнения, которые тем не менее тоже были важными показателями кризиса. Во время восстания своего брата Гильдон хорошо зарекомендовал себя в глазах римлян, поэтому его продвигали по службе и в конце концов пожаловали ему должность главнокомандующего римской армией (комита Африки). Сначала и в этой должности он проявил себя как надежный человек, однако оказалось, что он лишь выжидал удобного случая, чтобы восстать против правительства Западного Рима (формально добровольно перейдя на сторону императора Восточной Римской империи Аркадия (4)). Объявленный правительством в Равенне «*hostis publicus*» (врагом государства), Гильдон вскоре попытался завладеть Африкой и переустроить ее на свой лад. С самого начала в его распоряжении имелись соответствующие возможности и резервы: благодаря тому, что губернаторы провинций, включая верховных гражданских губернаторов (*vicarius Africae*), состояли у него в подчинении, в его руках оказалась вся территория Магриба. Под его командованием находились мобильные воинские части, а кроме того, для реализации своих планов он мог привлечь и пограничные гарнизоны. В этом отношении возможности Гильдона были гораздо большими, чем у его брата. Ему сразу удалось привлечь на свою сторону племена гетюлеров, арцугов и насамонов, жившие за пределами римских границ, подчинить себе некоторые вооруженные отряды ранее угнетенного сельского населения (рабов, колонов, циркумцеллионов). С помощью столь многочисленных приверженцев в Северной Африке были осуществлены меры, выявившие недостатки предыдущей политики и, по крайней мере на начальном этапе, имевшие своей целью социальную революцию. Несмотря на некоторые сомнения, присутствующие в современных исследованиях (5), можно с уверенностью сказать, что за счет перераспределения собственности он хотел ослабить или окончательно ликвидировать господствовавшие ранее экономические отношения, а самому сделаться крупнейшим собственником в Северной Африке, заняв место императора. Однако он уделил соответствующее внимание и своим помощникам, которые ранее принадлежали к неимущим слоям населения. Донатистская церковь, всегда выступавшая как сообщество бедных и праведных, гонимых миром, признала власть Гильдона и сотрудничала с ним. Под прикрытием Гильдона донатисты боролись со своими внутренними схизматиками (рогатисты, максимианисты), чтобы впоследствии организовать еще более мощный, чем прежде, фронт против ортодоксальной церкви. То, что в данной ситуации донатисты вынуждены были связаться с Гильдоном, в то время как этот «генерал» как минимум охотно терпел их поддержку, вполне понятно. Ортодоксальная церковь могла поддерживать только законное правительство и иметь связи только с церквями за морем, в то время как донатисты, ограниченные территорией Африки, соответственно, поддерживали сепаратизм. Влиятельный епископ-схизматик Оптатий из Тамугади (Тимгад) считался особенно фанатичным приверженцем Гильдона, так как он почитал «генерала» почти как Бога. За спиной Гильдона Оптатий проводил в жизнь своеобразную социальную программу. Себя он прочил в защитники интересов обеспеченных слоев, требуя за свою деятельность большого вознаграждения, а также вмешивался в имущественные отношения религиозных и социальных противников, при этом рабы, колоны и циркумцеллионы, вероятно, весьма охотно оказывали ему помощь. Разумеется, для таких далеко идущих планов необходимо было много помощников, которых, в свою очередь, нужно было щедро вознаграждать и одаривать. Собственность, которая вскоре «скопилась» в руках Гильдона и Оптатия, требовала, кроме того, большого количества рабочей силы и управляющих, которых нужно было набирать по возможности из надежных людей. Несмотря на столь масштабные планы и начинания, восстание Гильдона было сравнительно быстро подавлено. Карательная экспедиция была поручена Масцезелу, брату Гильдона, и в начале 398 г. ему удалось наголову разбить силы изменников при Аммедаре (Хайдра). Сам Гильдон не пережил своего поражения и был убит своими соратниками. Конфискованное имущество было столь значительным, что правительство вынуждено было учредить специальную имущественную администрацию (подразделение императорской канцелярии частного имущества (*comitiva rerum privatarum*)). Из последствий восстания Гильдона необходимо отметить значительные волнения в сельской местности, благодаря которым донатисты, бывшие сторонники Гильдона, смогли продержаться еще некоторое время; постоянно предпринимались попытки отобрать у «окупантов» конфискованное императором имущество, и один закон 399 г. (6) говорит о подавлении восстания «*Saturiani* и *Subafrensens*». Если судить по названиям племен, то представляется, что речь шла о восстании местных жителей, сопровождавшемся многочисленными

грабежами, однако место мятежа мы не можем точно установить. Немногим больше известно нам о языческом восстании, потрясшем город Каламу (Гельма) в 408 г., спустя долгое время после официального запрета и упразднения языческих праздников и храмов. Поссидий, епископ этого города, принадлежавший к ортодоксальной церкви и впоследствии ставший биографом Августина, позиции которого и без того были ослаблены его противниками-донатистами, решил воспрепятствовать предстоящей языческой процессии, из-за чего против него повернулась значительная часть населения. Народ попытался поджечь базилику, разграбил соседний монастырь, дьяконский склад и забил до смерти одного монаха. Самому Поссидию едва удалось спастись. Хотя здесь речь идет об одном эпизоде, данное событие все же представляет для нас интерес в силу целого ряда причин (и последствий). Возможно, за этой процессией или восстанием кроется забота о хлебе насущном, так как часть обитателей Каламы жила за счет языческих мистерий (7). Вероятно, именно поэтому влиятельные люди города отнеслись к данному восстанию довольно безразлично. Кроме того, среди них, конечно, были сторонники донатизма или (как, например, в римском Сенате) язычества, стремившиеся осложнить жизнь поддерживаемой правительством ортодоксальной церкви, но при этом, естественно, не хотевшие нарушать закон. По крайней мере, в одном из писем Августина содержится намек на подобные мотивы (*Письмо 91*).

Последний этап существования римской Африки начинается в 410—411 гг. Казнь Стилихона (408 г.) вызвала новые беспокойства в Африке, так как донатизм был тогда официально признан, а разграбление Рима вестготами под предводительством Алариха (24 августа 410 г.) не осталось без ответной реакции и на юго-западе империи. Беглецы, переправившиеся из Италии в Африку, сообщали об ужасах, связанных с переселением народов, теперь достигшем столицы вселенной, вызывая в умах мирно настроенных провинциалов апокалиптические картины конца света. Языческие противники Рима, напротив, видели в разорении Рима справедливое возмездие за отречение от старых богов. Кроме Иеронима и Орозия, ожесточенную полемику с консервативными языческими кругами вел (413—426 гг.) в своей работе «О граде Божиим» Августин. После стабилизации ситуации в Италии правительство снова обратилось к проблемам в Африке. В 410 г. всегда неустойчивая позиция населения была укреплена путем отмены, с хвалебной ссылкой на «*devotio Africae*» (верность Африки) (*Кодекс Феодосия*, XI, 28, 5), всех задолженностей по налогам, имевшихся у африканских землевладельцев. Здесь, как и в более поздних законах, землевладельцы отчетливо изображены в качестве столпов государства, что также было оправдано ввиду их влияния на все остальное сельское население. В связи с многочисленными жалобами ортодоксальных христиан на июнь 411 г. в Карфагене был назначен решающий религиозный диспут между ортодоксальной и донатистской церквями (8). Хотя назначенный императором руководитель этой дискуссии, трибун и нотариус Марцеллин, очень заботился об объективности, или, по крайней мере, так казалось, исход дела был предрешен. И действительно, донатизм был осужден (причем окончательно); при помощи различных законов и под угрозой самых строгих наказаний была предпринята попытка добиться как можно более полного перехода схизматиков в лоно ортодоксальной церкви. План удался не до конца, однако донатисты полностью утратили свои позиции во всех важных общественных сферах, за счет чего ортодоксальная церковь и верные империи силы получили соответствующий прирост. Правда, вполне понятно, что из сосланных донатистских епископов и клириков или насильно обращенных посредством телесных наказаний и принудительных работ рабов и колонов немногие стали пылкими сторонниками существующего режима. Как и всегда во времена гонений, повсеместно стало бурно расти сопротивление и оппортунизм. При вторжении вандалов обнаружилось, что тут и там уцелели донатисты и другие гонимые, которые были готовы свести счеты со своими противниками. Между тем уже после начала преследования донатистов вспыхнуло восстание, которое известно прежде всего как восстание тогдашнего главнокомандующего войсками в Африке Гераклиана. В дни кризиса 410 г. Гераклиан остался верным императору, однако в начале 413 г. все же побоялся отъезда в Италию, так как в его командовании стали заметны значительные злоупотребления. Восстание началось с сокращения или прекращения поставок зерна и других продуктов питания в Италию, что должно было вызвать голод, прежде всего в Риме (9). Наконец, Гераклиан во главе флотилии напал на Италию, с тем чтобы лишить императора Гонория короны, которую он носил довольно бесславно. Разбитый военачальником Маринием при Отрикуле, Гераклиан бежал обратно в Африку, однако был взят в плен и обезглавлен в Карфагене (лето 413 г.). В его падение по непонятным причинам оказались

вовлечены также некоторые верные императору люди, например Марцеллин. Возможно, свою роль сыграли интриги донатистов. Впрочем, подавление восстания как раз вынудило правительство принять по отношению к донатистам еще более жесткие меры. Теперь схизматикам было запрещено составлять завещание или вступать в права наследства. Постепенно они все оказались почти вне закона.

Офицеры и чиновники, находившиеся на руководящих должностях в африканском диоцезе, периодически получали от правительства, а также от официальной церкви новые инструкции о преследовании схизматиков, что считалось чрезвычайно важным политическим делом. Даже переписка Августина с крупными землевладельцами, чиновниками и военными постоянно отражает неизменную озабоченность церкви и государства вопросом обращения схизматиков, которое, как они настаивали, главным образом начиная с 410—411 гг., должно было осуществляться с применением самых жестких средств. Здесь приходится по ходу дела констатировать важную идеологическую отправную точку для более поздних преследований еретиков (вплоть до инквизиции) (10). Донатисты реагировали на эти гонения в основном пассивными формами сопротивления (бегство, приспособление), в которых нередко находил выражение их фанатизм (самоубийство) (11); в этом проявляется их стойкость и сила, какие бы большие потери они ни несли в количественном отношении. Позиция ортодоксальной церкви по отношению к донатизму становилась все более жесткой и даже приобретала радикальные формы, которые шли рука об руку с растущим консерватизмом. Кроме того, при этом церковь сделала вывод о том, что империя (при всех ее недостатках) является наилучшим из возможных государств, желающим мира, а также «гарантирующим» безмятежное распространение ортодоксального христианства. В этой связи становится существенным союз церкви с богатыми имущими слоями, которые сохранили свой статус-кво. Однако мы хотели бы еще настойчивее, чем в более ранних работах, подчеркнуть (12), что для церкви речь прежде всего шла о сохранении общин (состоявших в подавляющем большинстве из бедняков и представителей среднего слоя), которым угрожали как социально-революционные выступления, так и непрекращающиеся вторжения племен, участвовавших в переселении народов. Эту заботу можно было бы единогласно признать одним из призваний церкви. Ей соответствовала тенденция к приобретению собственности в больших объемах и, тем самым, к обретению власти над еще большими толпами рабов и колонов. Здесь вырисовывается двойственность процесса. Ради возможности заботиться о бедных и прежде всего о вдовах и сиротах необходимо было добиться увеличения пожертвований и других текущих доходов церкви; чем более крупным собственником становилась церковь, тем сильнее по своему социальному положению она приближалась к богатым и власть предреждающим, отдаляясь от народа, которому теперь можно было дать лишь один совет — трудиться и «нести обычное рабское иго, не ставшее ничуть легче» (Августин, *Исповедь*, VII, 6). В творчестве Августина, который имел и должен был иметь многочисленные контакты с представителями высших слоев, особенно четко и часто прослеживается антагонизм, возымевший силу и за пределами африканской церкви.

Непоследовательная социально-политическая позиция ортодоксальной церкви несомненно была противоречива и тесно перекликалась с аналогичной экономической и социальной политикой государства. Хотя ввиду постоянной угрозы нападения со стороны племен, участвовавших в переселении народов, особенно необходимы были реформы в сфере налогов и рекрутской системе, с тем чтобы усилить пограничные укрепления и пробудить или поднять патриотизм более широких слоев населения, со стороны правительства не последовало никаких решительных шагов. Императоры не могли справиться с самыми богатыми сенаторами, которые одновременно занимали высшие государственные должности или находились в тесной связи с высшими чиновниками (13). Результатом этой слабости было дальнейшее обнищание народа и сокращение среднего слоя. О бедственном положении народа уже написано так много, что мы воздержимся от более подробного изложения данного вопроса, отметив, что весьма показательным в этом отношении было поведение рабов и колонов (что подтверждается многочисленными свидетельствами), которые охотно переходили на сторону захватчиков-варваров (14). Из произведений Опатия из Милевы, Августина и Сальвиана мы узнаем, что созданный литературой в незапамятные времена образ «верного» раба в действительности крайне редко находит подтверждение. До сих пор недостаточно принимался во внимание процесс сокращения среднего сословия, которое невозможно было ликвидировать (что было обусловлено трудностью разграничения сверху и снизу). В Африке этот процесс был заметен

по постоянному уменьшению численности слоя куриалов и землевладельцев, торговцев и ремесленников, которых они представляли. Если в III в. эти сословия еще могли пополняться снизу (15), то в IV в. они переживали упадок, чтобы в будущем вообще оказаться обреченными на уничтожение. Интересно, что, по словам достоверных юридических источников, незадолго до вторжения вандалов в проконсульской провинции вряд ли можно было найти пригодных куриалов (т. е. людей, обладающих необходимым для вступления в курию имуществом) (см. Кодекс Феодосия, XII, 1, 186 от 27.4.429). В то время как еще в IV в. курии часто состояли из 100 и более членов (16), Валентиниан III в своей новелле (XIII, 10 от 445) постановил, что для работоспособности городского совета достаточно трех куриалов. В подобных документах находит отражение процесс сокращения среднего сословия в римской провинции Африка; из-за вторжения вандалов он еще больше усилился. Экономический спад в Северной Африке в целом обусловлен прежде всего неправильным торговым оборотом и развитием средств производства и производительных сил. В то время как земледелие еще процветало (17), плодородие почвы лишь отчасти шло на пользу местному населению, так как подати в адрес центрального правительства были высоки (в первую очередь, налоги на пшеницу и растительное масло), а соответствующий эквивалент, например в форме эффективной защиты границы, отсутствовал. Благодаря предоставлению самостоятельности латифундиям, которые государство предпочитало в качестве основных поставщиков налогов и рекрутов, города оказались оттесненными на второй план. Из-за перемещения многих ремесел и промыслов в деревню товары стали автаркическими (независимыми от импорта), а городская экономика очевидным образом все сильнее склонялась к упадку. На место обычных денежных форм товарообмена все более явно приходил натуральный обмен (в том числе и при сборе налогов), что означало, самое меньшее, отступление к более примитивному состоянию. Конечно, эти формы связаны с давно возникшими феодальными или дофеодальными структурами, которые проявились также в возрастании личной материальной зависимости (колонов, буккеллариев, «верноподданных»). Господство натурального хозяйства проявляется также в том, что бедняки (*pauperes*), изображаемые многочисленными источниками, часто выступают как владельцы хижин, домов, скота или рабов, однако почти никогда — как собственники денег. Свободные денежные средства были редкостью и у среднего сословия и, должно быть, использовались в основном для уплаты налогов и покрытия самых насущных повседневных потребностей. В соответствии с вышесказанным, нам хорошо известно о скапливании, прежде всего драгоценных металлов, в руках богатых сенаторов (18). В этих обстоятельствах большую роль играли займы; поскольку их возвращение часто оказывалось невозможным, насущным стало требование насильственной отмены долговых обязательств, которое так или иначе включалось в программу циркумцеллионов, или восставших (Фирм, Гильдоу). В этой ситуации все более четкие очертания стали приобретать зависть и ненависть бедных к богатым, апатия и бегство от мира представителей обедневшего среднего слоя. Помимо насильственных действий, часто упоминается о попытках освободиться от гнетущих отношений зависимости при помощи хитрости. Однако в основном переход к более благоприятным условиям жизни и труда не удался; уже со времен Константина I постоянно выходили законы, привязывавшие людей, относящихся к курии и коллегии, и прежде всего колонов и рабов, к их статусу. Несвободному было сравнительно трудно добиться освобождения (а иногда даже нежелательно, так как бывший раб с трудом мог найти приличную работу), а преимущество быть принятым в сословие клириков, монахов, военных или служащих предоставлялось редко. Несмотря на требование «*iustum pretium*» (включавшее справедливое вознаграждение и зарплату) и отмены «*turpe lucrum*» (позорная прибыль), которые постоянно выдвигались Августином и другими авторитетными людьми, повседневная практика протекала в основном противоположным образом. Правительство волей-неволей поддерживало экономически сильных, отнимая у бедных их жалкие средства опять же на уплату налогов. Естественно, формы экономического и социального кризиса были необычайно разнообразными, так же как и способы выхода из этого затруднительного положения, которые встречались тут и там и которые следовали из ситуации и позиции влиятельных людей. Ввиду успешности великого переселения народов каждому благоразумному человеку стало ясно, что кризис может легко привести к катастрофе. Тем не менее мы хотим проиллюстрировать эту проблему на примере последнего главнокомандующего римской армией в Африке, комита Африки Бонифация, который сам оказался повинен в обострении кризиса.

Вероятно, Бонифаций занимал в армии руководящие посты еще в молодом возрасте (19). С 417 г. он появляется в Африке, сначала как командир пограничного гарнизона в Южной Нумидии, а с 422/423 гг. — как верховный главнокомандующий всей африканской армией. Впрочем, из-за ссоры с Кастинием он покинул его экспедицию против вандалов в Испанию. Бонифаций добился существенных успехов в борьбе против африканских берберов (вероятно, против племен гетулеров и арцугов), а также в обращении донатистов, которые еще оставались в его области. Идеологическая поддержка его дела нашла отражение в адресованных ему письмах Августина (№ 185 и 189), из которых первое дошло до нас под характерным названием «De correctione Donatistarum» (Об исправлении донатистов). В нем Августин последовательно отстаивает свое учение *Coge-Intrare*, которое, исходя из Лк. 14, 23, требовало принудительного обращения и указывало путь средневековой инквизиции. Естественно, отец церкви не имел в виду физического уничтожения схизматиков; однако он рассудительно принимал в расчет определенную долю потерь, включавшую тех, кто избежит обращения из-за самоубийства, и требовал в случае неповиновения применения всех необходимых принудительных мер. В этом письме, написанном в 417 г., Августин рассматривает переход массы донатистов в лоно ортодоксальной церкви как уже свершившийся факт; он указывает на большое количество вновь приобретенных членов общины и «освобожденных деревень, имущества и городов различной степени важности» (185, VIII, 33). Влияние этого и второго послания на Бонифация, похоже, было весьма существенным. Долгие годы полководец очень добросовестно исполнял свои обязанности по отношению к государству и ортодоксальной церкви. После смерти первой жены он даже хотел отказаться от мирской жизни, уйдя в монастырь; роковым образом Августин и его друг Алипий удержали его от этого решительного шага, так как считали его незаменимым военным защитником церкви и народа: ошибка, значение которой едва ли получило должную оценку, и которой суждено было решить судьбу Северной Африки. Хотя поначалу Бонифаций по-прежнему поддерживал законную династию в борьбе с узурпатором Иоанном (424—425 гг.), тем не менее в 427 г. из-за интриг Феликса, командующего армией, императрица Галла Плацидия (правившая за Валентиниана III) дала ему повод для измены. Это решение было роковым для всей страны. И не только потому, что Африка пострадала от измены Бонифация, а некоторые области были опустошены его войсками или карательными экспедициями, высланными из Равенны; скорее потому, что благоприятной ситуацией воспользовались племена, поселившиеся по ту сторону лимеса, которые напали на культурные области, не встретив сопротивления. В 427—428 гг. в Африке продолжал царить хаос, повлекший за собой борьбу всех против всех. Живший при Юстиниане историк Прокопий отмечает, что в этой ситуации, с трудом отбив первую карательную экспедицию, Бонифаций, опасаясь дальнейшего ухудшения обстановки, призвал вандалов при благоприятных обстоятельствах вступить в Африку. В такой форме этот призыв является неисторичным (20). В лучшем случае разжалованный полководец рассчитывал на сотрудничество с некоторыми отрядами вандалов, которых он собирался соответствующим образом отблагодарить. Решение, к которому он в конце концов пришел, выглядело совсем по-другому. Так как успехи вестготского войска под предводительством императорского полководца Сигисвульта, который и сам, несомненно, был готом (настроенным проариански), в борьбе с Бонифацием пришлись не по душе ортодоксальной церкви и другим верным империи силам, это стало причиной примирения Бонифация с правительством, последовавшим, самое позднее, в начале 429 года. Теперь Бонифация снова приветствуют как комита Африки. Однако восстановление порядка, естественно, было иллюзорным. Сама «гражданская война» принесла с собой много проблем, прежде всего подорвав еще не утраченное благосостояние Африки. Непокорные племена берберов проникли далеко в глубь римской территории и натолкнулись на рабов и колонов, которые в значительном количестве были готовы защищать существующий порядок. Однако нестабильная ситуация в этой римской провинции привлекла внимание вандалов (даже если предложение союза со стороны Бонифация является и неисторичным), которым казалось, что здесь они найдут много преимуществ по сравнению с Иберийским полуостровом. Поэтому в мае 429 г., спустя несколько месяцев после примирения Бонифация с правительством Западной Римской империи, началось вторжение вандалов в Северную Африку.

Глава V

Вторжение вандалов и королевство вандалов и аланов в Северной Африке.

Римское и вандалское господство

Нам, разумеется, важно рассмотреть «фон», на котором совершилось вторжение вандалов в Африку, как бы мало о нем ни было известно самим завоевателям. Впрочем, было бы весьма интересно узнать, насколько хорошо Гейзерих был информирован о масштабах кризиса, разразившегося именно в римской Северной Африке. Точно определить это невозможно, так как мы не можем установить, действительно ли существовала связь между Бонифацием и Гейзерихом. Однако нет сомнения, что та или иная информация в распоряжении нового короля вандалов была, и необходимо признать, что к осуществлению далеко идущих планов его подтолкнуло имевшееся у него общее представление о положении, сложившемся в Африке в то время. Вместе с тем это значит, что он не хотел допускать крупных ошибок, которые могли бы причинить ему существенный урон как новому правителю на внутри- и внешнеполитической арене. Если говорить конкретно, то, вероятно, оккупация Африки представлялась Гейзериху более простым делом, чем длительная борьба за земли на Иберийском полуострове, на которые претендовали свевы, вестготы, а также римские войска. Надо полагать, что политическую, идеологическую и военную подготовку кампании в Северной Африке Гейзерих сосредоточил в основном в своих руках. На тот момент он, несомненно, уже пользовался большим моральным авторитетом среди соплеменников, а также родовой знати, но еще не обладал господствующим положением. У вандалов, как и у других племен, участвовавших в Великом переселении, плоды побед над Римом родовая знать и королевская власть сначала делили поровну. Быстрые и сравнительно многочисленные военные успехи частично гасили «конкурентную борьбу» между королевской властью и знатью. Правда, и у вандалов она разразилась в открытой форме восстания знати в 442 г., которое король смог подавить, только пролив немало крови (1). Как бы он ни старался утвердить свою власть, примерно в 428—429 гг. его позиции ослабели. Поэтому африканскую кампанию нельзя было навязать влиятельным соплеменникам силой, и он скорее всего вынужден был воздействовать на знать с применением дипломатических средств. Несомненно, в соответствующих переговорах сыграли роль упоминания о богатстве Африки, о столь желанном роскошном образе жизни, а также политическом значении этой римской области. Влиятельные вандалы и аланы уже в Испании познакомились с удовольствиями более высокоразвитой цивилизации и, конечно, с радостью были готовы променять свое вполне приемлемое положение зажиточных землевладельцев, которым, правда, постоянно угрожали нападения нуждавшихся в земле варваров, вновь и вновь проникавших туда, на образ жизни африканских латифундистов.

Естественно, мы не можем ничего с уверенностью сказать о важности экономических мотивов и об их связи с соображениями политического характера. Сам Гейзерих, обладавший самой точной, насколько это возможно, информацией, строил далеко идущие планы. Когда Сальвиан, как и некоторые другие писатели, наряду с названными причинами африканской кампании указывает еще на ее религиозный и моральный аспекты, то мы получаем еще один «мотив» для завоевания этой части южного континента, находившейся во власти Рима. Сальвиан считает (на основании собственного понимания и мнения авторитетных источников), что вандалы были призваны к завоеванию Африки, так же как ранее Испании, самим Богом (2). Они и сами открыто распространяли подобные мнения, и мы хотели бы отметить искренность веры варваров, но видим, что за всем этим стоит режиссура короля и его просвещенного окружения. Основной массе соплеменников, в отличие от знати, вряд ли были свойственны чисто экономические и политические рассуждения, и, вероятно, инстинктивно они не поддерживали эти столь тщательно и подробно разработанные планы, преследовавшие далеко идущие цели, которые Гейзерих уже собирался осуществить. Такого рода соображения, исходящие из государственных интересов, вряд ли могли оказать влияние на большую часть членов племени, сознание которых еще находилось на раннеисторической стадии развития, не говоря уже о том, чтобы увлечь их. Таким образом, необходимо было создать некую концепцию, которая бы на базе осознания антиортодоксальной миссии ариан указывала на то, что это «священная», а не захватническая или грабительская война, важность которой могла бы быть понятной большинству людей. Оставалось только подождать, пока

они вскоре не научатся сочетать высокую честь участия в «священной войне» с личной выгодой, и это означало бы победу плана короля внутри своего собственного племени.

Здесь необходимо поставить вопрос о легитимности власти вандалов в Испании и Африке и прежде всего о законности королевства в Африке. Этот вопрос можно было бы решить положительно на основании определения, данного Р. Ферреро: «Правительство является легитимным, когда власть признается и осуществляется в соответствии с принципами и правилами, безоговорочно принятыми всеми, кто ей подчиняется» (3). Не отрицая реалистичности циничной формулировки Ферреро, мы все же полагаем, что в этом вопросе следует разобраться глубже, тем более что данное определение оставляет в стороне собственно внешнеполитический аспект, а также слишком уж недвусмысленно основывается на предпосылках нового времени. Во всяком случае, Августина и некоторых из его современников гораздо больше занимал вопрос о возможной легитимности государств, образованных в результате Великого переселения, так как он был связан с проблемой падения Римской империи. Когда большинство современных Августину писателей признают законность Римской империи на основании рациональных, традиционных и харизматических соображений и отвергают законность государств, созданных Великим переселением, то это вполне понятно. Эти писатели по большей части стояли на простой позиции традиции и удобства и «обосновывали» ее подробным описанием черт характера своих соперников-варваров, подчеркивая их дикость, необузданность, примитивность, лживость и тому подобные проявления их нрава, бравшиеся часто из воздуха. В общем, как бы хлестко ни научились эти писатели критиковать римскую бюрократию и рабовладельческий порядок, для них античная культура, римская цивилизация и ставшее христианским государство значили все, а варварский мир — ничего. Как уже упоминалось, на вторгшиеся племена смотрели либо как на варваров-грабителей, либо как на бескультурных чужаков, которые могли претендовать в лучшем случае на определенный этнографический интерес. Рассчитывать на большее «уважение» им приходилось редко, разве что со стороны, например, Сальвиана из Массилии или автора сочинения под названием «*De vocatione omnium gentium*» (Об именовании всех народов) (вероятно, Проспера Тиро), которых, возможно, из-за этого считали апологетами Великого переселения (4). Прежде всего, Сальвиан не только видит (даже слишком хорошо) недостатки римского общественного устройства с его фискальной системой, эксплуатацией и отсутствием гуманности, за что и последовало заслуженное наказание в виде Великого переселения, но и подчеркивает скромность, смирение и чистоту вандалов (опять же не без преувеличений) и выводит из этого положение о переходе власти от римлян к германцам. По поводу примечательных «причинных связей» с массалийским пресвитером здесь не поспоришь (5). Важно, что он считал справедливым наказание жителей римской провинции, выразившееся в том числе и в покорении Африки вандалами; по его мнению, легитимность власти вандалов строится прежде всего на моральной (если хотите, даже религиозной) основе, так как варвары установили в известном своей порочностью Карфагене более нравственный порядок, чем это смог сделать Рим (6).

Готский писатель и историк Иордан также выражает мнение, что Гейзерих получил «санкцию» («*auctoritas*») от Бога, чем и обеспечивается легитимность власти вандалов (7). Остальные писатели того времени разделяют мнение Сальвиана о том, что африканцы и другие провинциалы совершили много грехов и сами заслужили наказание в виде иностранного господства. Они придерживаются «аскетического» понимания переселения народов, считая его заслуженной карой, однако они почти никогда не доходят до апологетического подхода к образованию государств в результате Великого переселения. Прежде всего это касается Августина, который во время осады Гиппона Регию Гейзерихом остался в городе и, хотя и не участвовал в организации обороны против вандалов, однако всемерно поддерживал вооруженное сопротивление с религиозной и моральной точки зрения. Мы узнаем об этом прежде всего со слов его биографа Поссидия, который и сам был впоследствии сослан Гейзерихом и которого, как и Августина, нужно считать последовательным борцом против вандалов (8). Поссидий обращает внимание на то, что часто воля к уничтожению и яростная злоба вандалов, прежде всего по отношению к богатым и клирикам, в конце концов обращалась против всего римского. То, как Поссидий изображает отдельные эпизоды вторжения, не оставляет сомнения в том, что он отказывает вандалам в каком бы то ни было моральном праве на завоевание. Если более поздние писатели, такие как, например, Проспер Тиро или Виктор из Виты, и следуют за ним в этом отношении, то их оценки, естественно, совпадают не полностью. В частности, неизбежно самое разное влияние оказал на настроение и точку зрения этих писателей быстрый

расцвет вандальских государств. Как ни странно, даже после заключения мира в 442 г. западно-римское правительство еще долго проводит антивандальскую политику. Несмотря на то, что Валентиниан III, должно быть, сочувствовал вандальскому престолонаследнику Гунериху, так как отдал ему в жены свою дочь Евдокию, тем не менее он неоднократно говорил о вандальском разорении в своем законодательстве (Nov. Val. 34 от 451: *Wandalica vastastio*), изображая перед народом, что когда-нибудь эту утраченную африканскую территорию можно будет отвоевать. Естественно, подобные отзывы не могли не пробуждать сомнений в легитимности государств вандалов. Это положение прекратилось не ранее нашествия Гейзериха на Рим (455 г.); но, пожалуй, началом этого процесса можно считать только 474 г., когда восточно-римский император Зинон — между тем как западно-римское государство уже агонизировало — оказался готов к прочному миру с вандалами и гарантировал им «право владения имуществом».

Итак, существовали чрезвычайно большие препятствия для признания вандальских государств де-факто, а уж тем более — де-юре. Это было связано с отсутствием баланса в соотношении сил и особенно с враждебным в большинстве случаев отношением провинциального населения к варварам. Поэтому определение Ферреро оказывается очень сомнительным. Суровость римской бюрократии и тяжесть налогового гнета склоняла лишь часть богатого населения на сторону германцев. Остальная же часть, являющаяся определяющей с точки зрения экономики и политики, тем решительней противодействовала проникновению варваров и понимала борьбу с ними в основном не как военную, а все же как политическую и идеологическую. Итак, новое господство необязательно принималось безоговорочно. На образ мысли оппозиционно настроенных подданных не могла соответствующим образом повлиять ни жестокость, ни ласка нового властелина. В государстве вандалов это будет отчетливо проявляться вплоть до конца V — начала VI века. Даже тогда церковные писатели, вроде Виктора из Виты и Фульгенция из Руспы, очень негативно отзывались о варварских правителях; они, конечно, «признавали» их де-факто, но тем не менее — со ссылкой на большую древность римской власти и на права византийского императора — отказывали им в подлинной легитимности. Конечно, для этих более поздних свидетелей злодеяния периода вторжения и образ действий вандалов были существеннее, чем политические соображения в узком смысле. В них все-таки неизменно теплилась мысль о реставрации.

Подготовка и осуществление вторжения в Африку

Ход вандальского нашествия можно набросать несколькими мазками. Хотя варвары еще не до конца были убеждены в правильности африканского плана своего короля, они тем не менее охотно последовали за ним, после того как в 428 или 429 г. возникли новые военные осложнения со свевами и вестготами. Как показывают некоторые замечания писателей (9), оба этих народа скорее всего подстрекались к нападению равеннским правительством. Поначалу они не смогли оказать на вандалов сколь-нибудь сильного давления. Одна группа свевов, проникшая в начале 429 г. под руководством Гермигара через Бетику в провинцию Лузитания, потерпела поражение от Гейзериха под Эмеритой (Мерила); свевский вождь погиб. И все-таки Гейзерих теперь ускорил подготовку нашествия, осуществление которого могло быстрее всего избавить его от опасности стратегического окружения свевскими, вестготскими и западно-римскими войсками. В мае 429 г. король со всей массой вандалов и аланов, к которым присоединились отдельные иноплеменные группы, переправился из Юлии Традукта (Тарифа) в Африку (10). В этом предприятии замечательную роль должен был сыграть вандальский флот, поначалу состоявший в основном из захваченных римских кораблей. Во всяком случае, вандальские переселенцы не отправились на кораблях в одну из центральных североафриканских гаваней; для этого флоту, пожалуй, не хватало мощности, а при использовании морских путей сообщения следовало считаться со штормами, мелями и внезапными нападениями. Таким образом, очевидно, имел место лишь довольно скромный морской переезд из Юлии Традукта в Тингис (Танжер), осуществленный, несомненно, с большим успехом. Ввиду технического несовершенства, которое — зачастую даже в отношении оружия — характерно для нападений племен эпохи Великого переселения, переезд в Марокко может уже сам по себе считаться действительно успешным предприятием. Очевидно, уже тогда Гейзерих показал себя умелым организатором, который смотря по обстоятельствам назначает способных руководителей. Прежде

все это относится, естественно, к марш-броску приблизительно на 2000 км от Тингиса к Карфагену, проведенному в кратчайшие сроки. Источники почти ничего не говорят об этом, однако факты безошибочно позволяют сделать такой вывод. На этом марше, который, естественно, по возможности придерживался римской сети дорог и затронул ряд важных городов (Волубилис, Альтава [Ламорисьер, взятый между 14.8. и 1. 9. 429 г.], Тасакора, Большой Порт, Картенна, Цезаря [Шершель], Икосий [Алжир], Ауция [Омаль], Ситифис [Сетиф], Цирта [Константина], Калама [Гельма], Тагаст [Сук Ахрас], Сикка Венерия [Эль Кеф], Тубурбо майус [Касбат]), речь шла о том, чтобы быстро и четко решить одновременно военные и организационные задачи. Около 15 000 воинов Гейзериха, по большей части кавалерийские формирования, лишь при временной поддержке флота должны были ускоренными темпами вести наступление в направлении Карфагена. Хотя они натолкнулись на римские войска только в восточной Мавритании или Нумидии, взятие городов все же представляло для них большие сложности. Они не везли с собой никаких осадных орудий и не имели ни малейших представлений об искусстве войны. Поэтому мы можем предположить, что в действительности они время от времени применяли определенные военные хитрости, как сообщает епископ поздневандальского периода Виктор из Виты (11): они собирали население окрестностей и гнали его на города, чтобы продвигаться под прикрытием этого живого щита или же отравить местность вокруг укреплений трупами этих людей. Сходный образ действий засвидетельствован позднее у монголов Чингисхана. Наряду с этими наступательными задачами вандало-аланские воины должны были также обеспечивать безопасность собственного обоза, то есть эскортировать по меньшей мере 60 000 женщин, детей, рабов и перебежчиков вместе со скотом и транспортными средствами. О способе решения этой задачи нам ничего не известно. Я предполагаю, что по существу это предприятие тоже удалось, хотя и с достаточно высоким процентом потерь. Оказавшиеся из-за этого в убытке вандалы, разумеется, могли во всех отношениях возместить свои потери и в Нумидии или в проконсульской провинции. Как показывают некоторые проповеди Августина (12), без сомнения относящиеся к этому периоду, сразу же нашлось множество перебежчиков и коллаборационистов, которые не только радостно приветствовали смену политической власти, но и предавали в руки вандалов богатых и влиятельных граждан, которые затем выкупались за большие деньги. Рабы часто сбегали от своих хозяев и предавали их, надеясь получить свободу и благосостояние. По всей видимости, уже в первые годы этого вандальского нашествия прежний порядок ослаб или полностью исчез по всей Северной Африке: варвары, столь уступавшие в численном отношении, сумели употребить существовавшие в стране противоречия себе на пользу и достигли многих успехов, несомненно, скорее за счет демагогического использования социальных противоречий Северной Африки, чем благодаря своим военным достижениям. Конечно, на стороне вандалов наряду с многочисленными рабами и колоннами сражалось и большинство донатистов и ариан, ожидавших от них прежде всего защиты, а также восстановления своего вероисповедания. Число «*profiteurs de la guerre*» (получивших выгоду от войны), о которых говорил еще П. Курсей (13), должно быть, было очень велико, в то время как количество стойких приверженцев Рима постоянно убывало.

Характерно, что ничего не говорится о сопротивлении вандалам со стороны населения страны. Крупные землевладельцы со своими вооруженными «*buccellarii*» и «*saltuarii*», часто укреплявшие свои владения, по всей видимости, полностью капитулировали перед нападением вандалов. Конечно, следует учитывать и то, что прежде всего в области к югу от Цирты многие землевладельцы пострадали от берберских набегов 427—429 гг. Может быть, у вандалов было много явных и тайных сторонников и в городах, так как быстрый захват таких крупных городов, как Цезаря, Икосий или Калама, выглядит довольно неожиданным. Во всяком случае, Цирта и Карфаген устояли перед набегами берберов; после взятия Карфагена вандалы летом 430 г. двинулись на Гиппон-Регий, вблизи которого против них выступил военный командующий Бонифаций. С остатками мобильных частей и со своими собственными телохранителями, которые, по всей видимости, играли решающую роль и в численном отношении, Бонифаций все-таки чувствовал, что не сможет на равных сражаться с вандалами на открытой местности. Возможно, он учитывал и возможность перехода своих войск, настроенных по большей части проариански (большинство вестготских федератов), на сторону вандалов, придерживавшихся также арианского вероисповедания. Таким образом, представляется разумным его решение защищать от вражеского войска Гиппон-Регий. Тем самым он выигрывал время и мог надеяться на возможную помощь

восточно-римских войск. Бонифацию удалось оборонять важнейший портовый город Гиппон-Регий против вандалов на протяжении 14 месяцев (июнь 430 — июль 431 гг.). Еще в самом начале этой осады, принесшей большие потери обеим сторонам, умер Августин (28 августа 430 г.), в конечном итоге испытавший таким образом на самом себе бедствия переселения народов. Биограф Поссидий, рассказывая об этом, нашел особенно трогательные слова, уделив самой осаде лишь несколько предложений, хотя и был очевидцем событий (*Vita Augustini*, 28, 12f). После того как Бонифаций оставил Гиппон-Регий, Гейзерих сделал удобно расположенную и, по всей видимости, не слишком поврежденную крепость своей первой «резиденцией» на африканской земле. По крайней мере, присутствие вандальского населения в области Гиппона-Регия засвидетельствовано в надписи от 474 г. (14)

Потеря Гиппона-Регия привела к дальнейшему развалу западно-римских оборонительных позиций. В то время как Бонифаций был отозван в Италию, чтобы выступить там против Аэция, в Африку — скорее всего в начале 432 г. — отправилась восточно-римская экспедиция под руководством военачальника Флавия Аспара, алана по происхождению. Этот знаменитый восточно-римский полководец, которому были переданы также и западно-римские части, вряд ли мог достичь успеха, хотя и вандалы не сумели одержать окончательную стратегическую победу. Поэтому до 435 г. ранее процветающая африканская окраина переживала все ужасы большой войны, чувствительные для почти что всех слоев населения. Как уже упоминалось, карательные меры вандалов и их союзников затронули, естественно, прежде всего землевладельческую знать, а также ортодоксальных монахов, монахинь и священников, которые могли считаться самыми стойкими приверженцами прежней системы. Эти слои частично уничтожались или же потерпели значительный урон вследствие ссылок, изгнаний, порабощений или перевода на положение колоннов. Если они и не были затронуты лично, они были по меньшей мере лишены свободы передвижений, как явствует из служебной записки карфагенского митрополита Капреола, адресованной участникам Эфесского собора, от 22. 6. 431 г. (15)

Вандальская власть с 429 по 442 гг. и государство вандалов при Гейзерихе (442-477 гг.)

Ввиду неблагоприятного военного положения и, вероятно, принимая во внимание лишения населения (являвшиеся предметом законов западного римского императора Валентиниана III), в 435 г. после некоторых предварительных переговоров равеннское правительство согласилось на заключение мира в Гиппон-Регии. С римской стороны ответственным за ведение переговоров был императорский уполномоченный Тригетий, в то время как инициатором со стороны вандалов скорее всего был сам Гейзерих. Уступки западной римской империи были велики, но не настолько значительны, как мы могли бы предположить, исходя из наших скудных сведений о ходе войны. Вандалы сохранили свой статус федератов и получили за это часть римского диоцеза Африка: северо-западная часть Проконсульской Африки, а также часть Нумидии и Ситифийской Мавритании (то есть приморские пограничные области современных республик Туниса и Алжира)², выделенные в качестве областей для колонизации. Выделение земель производилось, очевидно, по принципу *hospitalitas* (режима гостеприимства), который ранее применялся в отношении римских войск. В рамках поземельного налога, которым обычно облагались федераты, Гейзерих, очевидно, взял на себя обязательства по ежегодным поставкам зерна и масла. Временная же передача его сына Гунериха в качестве заложника не могла подпадать под условия договора 435 г., а была согласована только в 442 г. (16)

Если условия этого договора наносили Западной Римской империи значительный материальный и политический ущерб, они на длительное время чрезвычайно стеснили и Гейзериха. Правда, едва ли федеральные отношения включали военные обязательства в их прежнем смысле, так как вандалы не предоставляли в распоряжение Западной Римской империи вспомогательные войска; в крайнем случае можно было бы думать, что Гейзерих в 435 г. взял на себя оборону новых вандальских и римских границ от набегов берберов. Конечно, его стратегические планы должны были в принципе сводиться к тому, чтобы освободить свою территорию от все еще сдавливавших ее

² Римская Африка делилась на следующие провинции: Мавритания Тинританская, Бизацена, Нумидия, Мавритания Цезарейская (Ситифская), Триполитания и Проконсульская Африка. — *Прим.ред.*

римских тисков; ибо, в особенности при условии оказания соответствующей помощи со стороны Византии, те области в Африке, которые остались под властью равеннского правительства, представляли собой идеальный плацдарм для нападения на вандалскую зону колонизации. Возможно, Гейзерих также обратил внимание на то, что важнейшие в экономическом и транспортно-техническом отношении области Северной Африки — зона вокруг Карфагена — все еще оставались ему недоступны. На основании всего этого африканское новообразование в 30-е годы V века могло считаться «государством» лишь второго или третьего ранга.

Однако поначалу Гейзерих предусмотрительно приспособился к сложившимся отношениям и только однажды во «внутренней политике» преступил границы, установленные для него как для вождя федератов. Так, мы узнаем, что в 437 г. были сосланы биограф Августина Поссидий Каламский и епископы Новат и Севериан (17). Пятерых своих придворных, родом из Испании и придерживавшихся ортодоксальной веры, король вандалов приказал сначала сослать, а затем казнить; таким образом, вскоре после 435 г. религиозные гонения определенно возобновились; мы не знаем всех подспудных мотивов, и все же, возможно, в эти годы речь шла о том, чтобы по меньшей мере заставить замолчать оппозицию и установить, в особенности при дворе, политический климат исключительно вандалского и арианского толка. Таким образом, идеологическое сосуществование уже тогда казалось вандалскому королю практически невозможным; до нас доходят сведения о многочисленных случаях следующих лет, когда он ставил ортодоксов из своего окружения перед альтернативой: обращение в арианство или суровое наказание. Естественно, причины, а также скрытые мотивы такого образа действий по большей части носят скорее политический, чем религиозный характер; король мог ожидать подлинной лояльности только от своих единоверцев, в то время как ортодоксы постоянно попадали под подозрение в тайных связях с Западным Римом или Византией.

Хронист Проспер Тиро сообщает о различных варварских пиратских предприятиях против Сицилии и других островов, происходивших в 437 и 438 гг., не упоминая имени вандалов. Почти неоспоримым выглядит предположение, что при этом речь идет о начале нового вандалского наступления, которое, быть может, было несколько замаскировано и все же ясно обозначало для пораженных римлян и их правительства следующие цели вандалов. Правительство в Равенне в те годы было вновь чрезвычайно стеснено внешнеполитическими условиями. Германская экспансия в Галлии принимала все больший размах. Правда, Аэцию с помощью гуннов в 436—437 гг. удалось разрушить рейнское государство бургундов (18); между тем вестготы продвигались дальше, и военачальник Литорий потерпел от них в 439 г. тяжелое поражение под Толосой (Тулуза). После этого вестготы в добавление к своим аквитанским владениям получили часть провинции Новепопулана и, вероятно, были признаны Валентинианом III самостоятельным, освобожденным от статуса федератов народом (19). Ввиду этой новой, благоприятной для них ситуации свевы взяли Эмериту (Мерида) и до 441 г. захватили провинцию Бетика и область Картагены, вновь присоединенные к империи после ухода вандалов. Теперь Гейзерих решил, что время пришло; 19 октября 439 г. он напал на Карфаген, едва ли готовый к обороне вследствие заключенного мирного договора, и присоединил его к своей державе (20). Одновременно скорее всего ему досталось фактическое господство над остальной частью провинций Проконсульская Африка и Бизацена. После или во время этого нападения остатки римских вооруженных сил и большая часть гражданского управленческого аппарата, по всей видимости, были уничтожены. Во всяком случае, равеннскому правительству после 442 г. стоило больших усилий заново организовать военное и гражданское управление в еще остававшихся под его властью частях Нумидии и Мавритании. После стремительного успеха под Карфагеном Гейзерих обозначил следующие цели своих военных действий: он отстроил флот и вскоре начал совершать грабительские высадки на Сицилии и на побережье южной Италии. Страх западно-римского правительства перед вандалской угрозой теперь можно было ясно оценить по лихорадочно предпринимаемым оборонительным мерам, которые включали в себя направленную в Константинополь просьбу о помощи. Валентиниан III прежде всего приказал заново укрепить Рим и Неаполь и ввел чрезвычайные налоги, чтобы получить возможность набрать большее количество войск. Принимались меры против дезертиров и был объявлен ставший уже обычным рекрутский набор в виде налога. Так как следовало опасаться повторения событий 410 г., в конце концов было выпущено «чрезвычайное постановление», согласно которому граждане должны были сами вооружаться для защиты отечества и своего имущества: знак крайне серьезного

военного положения, так как массы населения за столетия отвыкли от строевой службы. Так как Азида был послан в Галлию, во главе италийских вооруженных сил встал готский военачальник Сигисвульт, который в 427—428 гг. уже руководил экспедицией против мятежника Бонифация. Его успехи сначала были очень скромны; и все же вандалское «нападение» в 441 г. было остановлено после вступления в Сицилию восточно-римского экспедиционного корпуса. Войска Гейзериха потерпели неудачу при попытке взять Палермо и, более того, попали в затруднительное положение и на остальных направлениях. Гуннские набеги на византийскую территорию, которые, возможно, следует объяснять договоренностью между Гейзеритом и Атилой, вскоре все же вынудили византийцев отвести свой флот, и без того не совершивший ни одного нападения на африканские позиции вандалов. После того как Валентиниан III был брошен на произвол судьбы восточным императором Феодосием II, бывшим, между прочим, вдохновителем знаменитого свода законов *Codex Theodosianus* (Кодекс Феодосия), он был вынужден стремиться к мирному улаживанию конфликта с вандалами. И в самом деле, в 442 г. был заключен договор, в сущности исходивший из «status quo» и в этом отношении оказавшийся для вандалов гораздо более благоприятным, чем соглашение 435 г. (21) Теперь вандалский король признавался суверенным правителем определенных областей африканского диоцеза, а именно центральной области вокруг Карфагена (Проконсульская Африка), и, кроме того, западной части Триполитании и восточной части Нумидии. Мы не знаем, на каких условиях Гейзерих обязался впредь поставлять в Италию пшеницу; во всяком случае, из этой экономической связи в будущем больше не возникало никакой зависимости государства вандалов от Западной Римской империи; нельзя усматривать никакого умаления вандалского суверенитета также и в том, что королевский сын Гунерих был на несколько лет отправлен заложником в Италию, это послужило лишь дополнительной гарантией мирного договора. Впрочем, позднее, в 445 или 446 г., Гунерих был отпущен домой и вернулся в Африку даже помолвленным с дочерью императора Евдокией. Если в 435 г. можно было говорить о том, что вандалские земли были окружены римской территорией, то в 442 г. это было уже не так; правда, во владениях Равенны оставалась восточная Триполитания, а также мавританские и западно-нумидийские области. И все же эти оставшиеся под властью императора провинции были истощены войной, а их реорганизация протекала с большими затруднениями. Из законодательных постановлений Валентиниана, касавшихся этих африканских территорий, можно заключить, что обстановка, сложившаяся в них, весьма напоминала хаос. Военные походы привели к многочисленным переделам собственности, происходившим также и незаконным путем; в особенности трудно было поселить на римской территории граждан, изгнанных из вандалских областей, и обеспечить необходимое военное прикрытие. При этих обстоятельствах африканские провинции, остававшиеся под властью западной империи, в действительности больше не представляли собой опасности для независимого вандалского государства. Возможно, королю вандалов удалось даже проникнуть в тыл противника, так что с 455 г. он смог открыто прибрать эти территории к рукам.

Еще до заключения мирного договора Гейзерих ввел на завоеванных землях радикальные новшества. Примечательно, что он приказал начать отсчет новой эры со взятия Карфагена (так называемая королевская эра). Вместе с римским управлением он устранил и налоговые кадастры, что можно оценить как — возможно, лишь демагогическое — обозначение отрицательного отношения к римской фискальной системе. Такие писатели, как Сальвиан, серьезно восприняли эти предприятия Гейзериха, в то время как Виктор из Виты или Прокопий, со своей стороны, подчеркивали жесткость вандалских эксплуататорских порядков, которые вскоре вновь стали заметны и в сфере налогообложения. В продолжение курса начатой в 429—430 гг. внутренней политики Гейзерих вновь стал со всей строгостью действовать против крупных землевладельцев, прежде всего против сенаторского круга, и против ортодоксального духовенства. Конечно, не все сенаторы, а также епископы и клирики были отправлены в изгнание, однако вряд ли им удалось избежать экспроприаций прежде всего в Проконсульской Африке, который под названием *sortes Vandalorum* («наделы варваров») стал областью варварской колонизации. Многие знатные люди или клирики были также обращены в рабство или переведены на положение колонов, в случае если они не успели вовремя сбежать на запад или за море. Только на последней фазе правления Гейзериха (прежде всего с 455 г.) началось определенное движение вспять, в ходе которого из Италии в Африку вернулись даже сенаторские семьи и частично были восстановлены в своих владениях (22). Конфискованное

имущество и поместья удерживал король, притязавший на права верховного собственника над всеми землями, или предоставлял их вандальской знати, рядовым вандалам или арианской церкви. Еретическая церковь обогатилась прежде всего культовыми и хозяйственными зданиями ортодоксальной церкви и ее обширными земельными владениями. Из источников постоянно создается впечатление, что арианское духовенство, проживавшее не только в Карфагене, но и по всей стране, было чрезвычайно состоятельно. Оно часто пользовалось авторитетом, по всей видимости, больше из-за своего богатства, чем из-за своих пастырских или богословских достижений (23). Естественно, вандальская родовая и служилая знать также владела значительными богатствами, так как отчужденные крупные земельные владения с их дворцами, укрепленными домами и усадьбами предоставляли жизненное пространство большому числу германских новопоселенцев. Каждый из рядовых свободных вандалов вследствие этого получал под надзором своего «тысячника» (*millenarius*), который исполнял наряду с военной и административные функции, земельный надел вместе со скотом, рабами и колонами. Само собой разумеется, в государстве вскоре возникло расслоение по заслугам и положению. Конфискованное римское имущество в Карфагене перешло почти исключительно в собственность короля или арианской церкви, захватившей «*Basilica Maiorum*» (Великую церковь) и другие культовые сооружения. Сравнение с позднейшим образом действий остготов в Италии безоговорочно свидетельствует о том, что вандалы показали себя жестокими деспотами, повсеместно сеявшими в покоренном населении страх и ненависть. Конечно, в дальнейшем произошло определенное смягчение режима, и во многом устремления были направлены на уравнивание между поработителями и поработенными.

Усилия Гейзериха по преобразованию своего государства еще в 442 г. были замедлены широкомасштабным заговором родовой знати. Подробности едва ли возможно реконструировать, и все же вполне вероятно, что вандальская и аланская родовая знать после благоприятного мирного договора 442 г. опасалась дальнейшего усиления королевской власти. Как и в других группах, участвовавших в переселении народов, первые большие победы над Римской империей наряду с королевской властью укрепили силу и самосознание знати и у вандалов. Все же это едва ли нашло выражение во внешней политике, и, наверное, еще до 442 г. среди аристократов, зачастую бывших родственниками короля, возникло большое недовольство. Вполне возможно, что нити заговора ведут к вестготскому двору; дочь вестготского короля Теодориха I — скорее всего около 440 г. — вступила в брак с Гунерихом, но была Гейзерихом отослана к отцу изувеченной. Почти одновременно в крови был утоплен заговор знати, так что один хронист замечает, что эти внутренние раздоры стоили большего кровопролития, чем проигранная война (Проспер Тиро) (24). Теперь у Гейзериха были полностью развязаны руки и во внутренней политике. Вместе с «политическими» привилегиями знати он устранил и избирательное право, и политическое право свободных вандалов на собрания и тем самым открыто устремился к установлению деспотии. Порядок наследования престола был однозначно установлен по принципу старшинства. Отныне наряду с телохранителями и свитой король располагает также служилой знатью, представляющей собой «противовес» родовой знати (25). Правда, остатки родовой знати продолжали спокойно жить в своих дворцах и имениях. Однако королевское недоверие уже никогда не улеглось и при наследниках Гейзериха и не терпело от знати никакого превышения власти. Знатные вандалы занимали те или иные почетные должности и назначались застройщиками или время от времени также командирами довольно крупных воинских формирований или флотских контингентов. В остальном они больше не принимали никакого участия в руководстве государством, которое король осуществлял, напротив, с помощью устроенной по иерархическому принципу и распределенной по многим сферам деятельности служилой знати из способных германцев и римлян. Здесь следует указать, что эта служилая знать, связанная с королем прежде всего клятвой верности, должна была выполнять различные административные, полицейские и военные задачи, за что она вознаграждалась деньгами, натурой или земельными наделами. У этой служилой знати были как германские, так и римские корни (восходящие к поздне-римской бюрократии), и во многом она демонстрирует признаки предфеодального или феодального развития. Многие представители этого «чиновного дворянства» сходны со средневековым дворянством, не имевшим бенефиция (26), другие же скорее всего — но это остается неопределенным — с владельцами бенефиция, ибо они несут службу только за земельные наделы. Определенные категории римской служилой знати, по всей видимости, также вознаграждались только почетными должностями или должны были довольствоваться тем, что за свои заслуги причислялись к «друзьям»

(amicī) короля. И все же даже во враждебно настроенных по отношению к вандалам источниках иногда мельком упоминается, что милость короля варваров была полезна для каждого и часто связывалась с материальными выгодами. После лишения власти римской бюрократии на служилую знать была возложена высшая ответственность и за управление государством и его составными частями. При этом во многих отношениях она получала поддержку со стороны арианского духовенства, которое иногда исполняло даже полицейские функции (здесь можно провести определенную аналогию с расширением полномочий ортодоксальных епископов в поздне-римское время). Иногда арианские клирики, рекрутировавшиеся из германских и римских областей, проявляли себя фанатичными приверженцами королевской политики силы, с которой они были связаны на радость и на горе. Поэтому ортодоксальное духовенство, прежде всего до 455 г., а затем вновь при Гунерихе, должно было со всей энергией и самопожертвованием отстаивать свои последние позиции, особенно в Карфагене и в области «sortes Vandalorum» (наделов варваров) (27).

Следует предположить, что с 442 г. усилению вооруженных сил уделялось по меньшей мере такое же большое внимание, как и развитию административной налоговой системы и положения служилой знати. Впрочем, уже упоминавшееся положение вандальского «тысячника», которому достались задачи как административного, так и военного руководства, вполне можно рассматривать как связующее звено между двумя этими различными областями. По поводу военного развития здесь следует заметить лишь, что, по всей видимости, оно шло по пути исключительно количественного усиления. Но и в этом отношении нельзя ожидать слишком многого. Гейзерих следил за тем, чтобы его конница оставалась боеспособной, и при случае пополнял ее ряды мавританскими вспомогательными войсками. Эти мавританские подкрепления он, однако, направлял прежде всего на постоянно готовый к нападению флот, который состоял преимущественно из маленьких, быстроходных судов и мог достичь различных областей, осуществлять наблюдение за ними, а также опустошать из Карфагена и некоторых других стоянок дальние части Средиземного моря. Военная организация нового вандальского государства была нацелена на нападение прежде всего на острова и заморские земли. На самом деле можно было бы говорить о концепции наступательной обороны, которую и имел в виду Гейзерих, уделяя исключительное внимание кавалерии и флоту. Однако такая ограниченная установка была принята самое раннее в 455 г., в то время как до этого времени основные усилия все-таки направлялись на завоевание африканских земель, остававшихся под властью Рима. Несмотря на эти отнюдь не маловажные задачи, Гейзерих оставил в полном пренебрежении пехоту, осадную технику, а также фортификацию. Естественно, при этом определенную роль сыграл страх перед возможной изменой укрепленных городов, а возможно, также намерение приучить вандалов к бою на открытой местности и не расплывать свои силы, распределяя их по многочисленным городам и различным укрепленным участкам границы. То, что наследники Гейзериха сохраняли эту имевшую право на существование тактику, быть может, до 477 г., было особенно рискованно; после того как апогей могущества вандалов остался позади, они забросили все укрепленные сооружения, так что мавры во время своих опустошительных набегов без помех могли проникать в центральные области государства, а византийцы позднее не испытали никаких сложностей при захвате всех африканских городов (28).

По причине своего все-таки скудного военного потенциала Гейзерих в последующие годы и десятилетия действовал прежде всего дипломатическими методами, которые в случае необходимости подкреплялись грабительскими и пиратскими набегами. Скорее всего в 445 г. был предпринят пиратский поход против северо-западного побережья Иберии, находившегося во власти свевов (29). Возможно, это предприятие внесло свой вклад в достижение освобождения Гунериха, который, очевидно, проявил такую любезность и пробудил к себе такую симпатию, что с ним обручили пятилетнюю императорскую дочь Евдокию (445—446 гг.) (30). Императорское благоволение усилило в честолюбивом Гейзерихе стремление вступить в более тесные отношения с легитимной императорской династией Западно-Римского государства, причем, должно быть, с этим совпало намерение обеспечить собственную «легитимность» с отдаленной перспективой когда-нибудь стать наследником всей западной империи. При таком стечении обстоятельств Гейзерих пошел на уступки равеннскому правительству, по меньшей мере во второстепенных вопросах. Так, он допустил избрание ортодоксов новыми епископами в Гадрумете (Сус), а позднее и в Карфагене (454 г.) (31). Искренность римской политики Гейзериха по многим причинам ставится под сомнение, тем более что начиная самое позднее с 450 г. он вел переговоры с гуннским королем Аттилой, чтобы

побудить того к нападению на вестготов. Так как одновременно он заключил пакт о ненападении с восточно-римским императором Маркианом, напрашивается мысль, что эта система соглашений должна была не только служить в конечном счете ослаблению или уничтожению могущественного тогда государства вестготов, но и была направлена на разделение Западной Римской империи на гуннскую и вандалскую сферы влияния. В натянутые отношения между западной и восточной империями, обострившиеся согласованной политикой вандалов и гуннов, в конце концов был вовлечен военачальник Аэций, бывший долгое время другом гуннов. Вследствие этого он возглавил западно-римские войска, боровшиеся совместно с вестготами против ворвавшегося в Галлию Атили, и остановил его в битве на Каталаунских полях (451 г.). По разным причинам Гейзерих должен был расценить эту неудачу гуннов как свое собственное поражение. И все же без каких-либо действий с его стороны в последующие годы для него вновь сложилась чрезвычайно благоприятная ситуация. Распад гуннского государства после смерти Атили (453 г.) и убийство Валентиниана III бывшим телохранителем Аэция (16 марта 455 г.) создали в мире новое политическое положение. Так как Валентиниан III все-таки считался последним отпрыском легитимной династии, которая традиционно пользовалась большим уважением, а также внес огромный личный вклад в сохранение гбнущей империи, его смерть привела к возникновению вакуума власти, чем не замедлили воспользоваться враги империи. Сенатор и патриций Петроний Максим, который, кстати говоря, был связан с убийством Валентиниана, тщетно пытался в качестве новопровозглашенного императора укрепить свою власть и авторитет вступлением в родственные отношения с домом Феодосия-Валентиниана (32). Он женился на вдове императора Евдоксии против ее воли и выдал его дочь Евдокию, уже обрученную с Гунерихом, замуж за своего сына Палладия. Беспokoйство в Италии, обусловленное сменой правления и опрометчивыми поступками Петрония, перешло в хаос, когда в поход против Петрония выступил Гейзерих. Теперь у короля вандалов под рукой были удобный повод для нападения. После смерти Валентиниана III он счел расторгнутым договор от 442 г., кроме того, он чувствовал себя обязанным отомстить за родственника. В Риме тогда даже распространился слух, что императрица-вдова Евдоксия сама потребовала мести Петронию от короля вандалов. Поразительна быстрота, с которой действовал Гейзерих. Уже в конце мая 455 г. — едва ли через два с половиной месяца после смерти Валентиниана — он со своим флотом, на котором прибыли наряду с вандалскими и мавританскими войска, встал на якорь в устье Тибра. В Риме после этого возникла паника, многие стремились как можно быстрее покинуть Вечный город. Беснующиеся толпы обратились против императора, которого 31 мая забросали камнями. В качестве защитника населения теперь мог выступить только папа, Лев I, который мужественно сопротивлялся, как в свое время Атиле при нападении гуннов на Верхнюю Италию (452 г.), так и сейчас Гейзериху. Король вандалов дал гарантии, что не произойдет никаких пыток, пролития крови и поджогов, но зато в течение 14 дней систематически разграблял город. 16 июня 455 г. Гейзерих оставил Рим, взяв с собой ценные произведения искусства и благородные металлы, а также не забыв перевезти в Карфаген множество высокопоставленных заложников и тысячи квалифицированных ремесленников. Среди заложников оказались не только многие сенаторы, но к ним были причислены и вдовствующая императрица Евдоксия, и ее дочери Евдокия и Пладидия. Потребовались многолетние усилия восточно-римских императоров Маркиана и Льва I, пока Евдоксия и Пладидия не были отправлены в Константинополь. Однако Евдокия должна была вступить в брак с Гунерихом, с которым в свое время обручилась, и терпеливо выжидала 16 лет. Затем ей удалось бежать на восток.

Наряду с экономическими выгодами военная «демонстрация» против Рима привела также к усилению политической значимости вандалского государства. Гейзерих доказал, что к его голосу следует прислушиваться и при решении внешних дел Римской империи; он настоял на заключении династической связи с валентинианской династией и таким образом достиг — по крайней мере, по мнению многих современников — довольно высокой степени легитимности. Во внешней сфере экспедиция 455 г. предоставила ему и другие возможности: северо-африканские области, оставшиеся под властью Рима, если они не были уступлены берберским племенам, были включены в вандалскую сферу влияния. В целях усиления своих позиций в Средиземном море Гейзерих также приобрел теперь Балеары, Корсику, Сардинию и Сицилию. За исключением Сицилии эти важнейшие островные владения вандалов оставались под их властью вплоть до византийского нападения 533 г.; таким образом, на протяжении нескольких поколений они располагали значительной полосой

обеспечения, которая могла прекрасно защищать африканские владения со стороны моря. Если смотреть в целом, теперь уже можно утверждать, что совершить нападение на африканские территории было гораздо легче из пустынных и степных земель, чем с моря; вследствие этого вскоре после смерти Гейзериха началось сокращение этих — никогда не обозначавшихся твердой пограничной линией — материковых владений. Прибрежные области с важными портовыми городами, такими как Цезаря, Сальды или Гиппон-Регий, охранялись лучше всего и потому держались до последнего. Начиная с 455 г., по всей видимости, королевство вандалов все отчетливее принимало характер средиземноморского государства и тем самым морской державы. Исследования Готье и Куртуа в особенности доказали, что основание для такой жесткой постановки вопроса было в сущности слишком незначительно. Вандальский флот и его опорные пункты не подходили для широкомасштабных операций наступательного характера и иногда оказывались бесполезными и в оборонительных действиях. Хотя Гейзерих — подобное утверждение о его наследниках было бы спорным — вкладывал большую часть сил и денег, которыми он располагал, во флот, тот так и не стал независимой силой, которая могла бы на продолжительное время гарантировать господство над довольно обширными территориями средиземноморского побережья. Кроме того, усиленное строительство флота обусловило ослабление сухопутных вооруженных сил, в особенности пехоты, и оборонительных сооружений. Несмотря на эти слабые моменты, проявившиеся уже во времена расцвета королевства вандалов, нельзя недооценивать политические и военные возможности, предоставившиеся новому африканскому государству начиная с 442 и прежде всего с 455 г. Благодаря лабильности тогдашнего положения в мировой политике государство вандалов было одним из самых значимых факторов в комбинации средиземноморских государств и представляло собой желанного союзника попеременно для Византийского, Вестготского или Гуннского, а позднее и Остготского государства. Так как внутренняя оппозиция начиная с 455 г. была оттеснена на второй план, она частично примирилась со своим положением и нередко находила компромисс с новыми властителями. Также и мавро-берберское население, не напрямую находившееся под властью вандалов, частично признало вандальского короля своим «сюзереном»; таким образом, дружественные и враждебные тенденции по отношению к вандалам в этих слоях по крайней мере на время пришли в равновесие.

И все-таки еще до смерти Гейзериха вандальская власть много раз подвергалась серьезным испытаниям на прочность. Некоторые из последних западно-римских императоров, например Авит (455—456 гг.) и Майориан (457—461 гг.), хотели отомстить за позор 455 г. и одновременно упрочить свои собственные позиции (33). В 456 г. Гейзерих напал на Авита и послал флот из 60 кораблей в Нижнюю Италию и на Сицилию. С помощью Рецимера, военачальника готско-свевского происхождения, Авит сумел нанести вандалам поражения под Агригентом и в водах Корсики. Однако и в тот момент вандалы сохранили свое морское господство, поскольку Авит был изгнан коалицией, а его противнику и наследнику Майориану потребовалось определенное время, чтобы укрепиться на престоле. Затем Майориан спланировал ответное нападение и при моральной поддержке Византийской империи и с вестготской помощью собрал флот из 300 кораблей и довольно большое войско. Стратегический план сводился к войне на два фронта. В то время как император собирался напасть на западные земли Гейзериха из Картахены, тогдашний правитель Далмации Марцеллин должен был избрать в качестве поля деятельности сицилийские воды. Гейзерих почувствовал себя в опасности и попытался спасти свое положение переговорами. Тем самым ему, несомненно, удалось выиграть время, что позволило ему в соответствии тактикой «выжженной земли», известной уже в античности, опустошить мавританское побережье (34). Затем при поддержке римских изменников ему удалось захватить часть вражеского транспортного флота. Чаши весов тут же склонились на его сторону. Майориан отказался от запланированных действий и выразил готовность к заключению мира. Подробности этого договора, действовавшего всего несколько лет, остались нам неизвестны; очевидно, Гейзерих обязался прекратить свои пиратские набеги, в то время как Майориан, очевидно, был вынужден отречься от союза с Марцеллином и отчетливо заявить о своем отказе от Африки и большинства островов. Высказывалось также мнение, что западно-римский император должен был признать «определенные притязания Гейзериха на нечто вроде будущего занятия... императорского трона» (35). После убийства Майориана 2 августа 461 г. Гейзерих в соответствии со своим часто подчеркиваемым особым «пониманием права» счел договор, заключенный с этим императором, расторгнутым и заново начал навещать итальянское

побережье. После этого дело дошло до переговоров с Византийско-восточно-римским государством, которое теперь все больше всем своим весом вмешивалось в вопросы, касающиеся западной империи. После некоторых переговоров между императором Львом I и Гейзеритам Евдоксия и Плацидия были отпущены в Константинополь; императорскую дочь выдали замуж за уважаемого Гейзерихом сенатора Олибрия, ставшего в качестве шурина Гунериха в то же время вандалским кандидатом на западно-римский трон, который он смог на короткое время занять в 472 г. Вместе с тем в 462 г. был заключен договор между Гейзерихом и Византией, в котором, возможно, содержалось также и соглашение о кандидатуре Олибрия. Очевидно, что вандалский король хотел достичь в Италии и других областях западной римской империи положения второго лица, что, впрочем, натолкнулось на мощное сопротивление.

Так, имперский военачальник и «делатель императоров» Рецимер почувствовал угрозу своему положению со стороны вандалов и несколько раз пытался прийти к соглашению с византийским императором по поводу кандидатуры на престол. Поэтому в 465 г. после смерти западного императора Ливия Севера императором был провозглашен сенатор Антемий, который, однако, не был признан Гейзерихом. Сведения источников слишком обрывочны, чтобы можно было рассматривать упреки в нарушении договора, направленные тогда Гейзерихом византийскому правителю, как оправданные в моральном и юридическом отношении. С точки зрения государственной целесообразности теперь вандалскому королю, конечно, не оставалось ничего другого, кроме как протестовать, а затем подчеркнуто возобновить свои пиратские походы. Так как он был осведомлен о значительном наращивании войск византийцев, направленном против его территории, он также продолжил создание своей собственной оборонительной системы. Его террористические нападения распространились теперь наряду с побережьем Италии также на Иллирию, Пелопоннес и многочисленные острова Эгейского моря, так что они становились слишком обременительны и опасны для Константинополя.

Предстоящему византийскому нападению Гейзерих пытался, кроме того, помешать ведением переговоров с королем вестготов Еврихом и правителем свевов Ремисмундом; оба короля, вероятно, не уклонились от сближения с Гейзерихом, потому что таким путем они могли надеяться на скорейшее овладение частями распадающейся Западной Римской империи. Король вандалов, по всей видимости, вел переговоры и с остготами под предводительством Теодориха Страбона о нападении на Константинополь (36). К этим опасным дипломатическим ходам вскоре добавились нападения на столь важные центры, как Александрия, которые едва смогли дать отпор. Все-таки императору Льву I удалось до весны 468 г. собрать военные силы, которые современные источники оценивали в 100 000 человек и 1100 кораблей и которые должны были действовать вместе с западно-римским контингентом Марцеллина, чтобы взять в клещи вандалское государство (37). На долю Марцеллина на сей раз выпала задача сформировать правое крыло, чтобы напасть на область Карфагена из Сардинии и Сицилии; византийский военачальник Василиск (шурин императора), Ираклий и Марс должны были наступать на Карфаген со стороны Триполитании, осуществив тем самым взаимодействие сухопутных войск и флага. Начало военных действий было многообещающим. После поражения вандалских войск в Триполитании Ираклий и Марс продолжили наступление на север. И все же Василиск, который являлся верховным командующим всей экспедиции, очевидно, не сумел согласовать операции сухопутных войск и флота. Василиск после успешных боев с вандалским флотом высадился на мысе Меркурия (Кап Бон), едва ли за 60 км от Карфагена, и хотел дожидаться там соединения с остальными войсками; естественно, он чувствовал, что один он слишком слаб для решающего нападения. То, что он даже заключил в этой ситуации по просьбе Гейзериха пятидневное перемирие, весьма по-разному истолковывалось уже современными ему источниками. Оказался ли он жертвой подкупа — еще большой вопрос. По меньшей мере, однако, его следует упрекнуть в крайней беспечности при разведке положения врага. Последующие события чрезвычайно ясно показывают, что византийское военное начальство было очень плохо знакомо с местными условиями и с подлинным состоянием военных сил у вандалов. Обманывая противника видимостью честных мирных намерений при заключении договора о перемирии, Гейзерих в действительности с чрезвычайной осмотрительностью приступил к подготовке контрудара. Очевидно, в его распоряжении находилось достаточное количество кораблей и войск, которые едва ли были задействованы до того и, возможно, были стянуты из стратегической «полосы обеспечения» островной области. Скорее всего, также и главные силы африканских войск не потерпели столь

большого урона, как думал Василиск. Таким образом, Гейзерих смог — вероятно, по истечении срока перемирия — при благоприятном ветре совершить широкомасштабное нападение брандерами на византийский флот, весьма пострадавший от этого внезапного удара. Оставшиеся корабли, спасаясь, летом 468 г. отошли на Сицилию. Другие планы нападения византийцев были отменены после убийства западно-римского военачальника Марцеллина. Экспедиционный корпус, еще остававшийся в Африке, также получил теперь приказ двинуться обратно на восток.

Гейзерих соответствующим образом воспользовался предоставленной военной и политической свободой действий. Он вновь упрочил свое господство над островными владениями и возобновил свои пиратские предприятия. Кажется, только в 472 г. состоялось временное мирное урегулирование с византийским государством; в соответствии с ним после смерти западно-римского императора Антемия в апреле 472 г. новым императором был провозглашен кандидат Гейзериха Олибрий. Конечно, в этом участвовал также Рецимер со своими войсками, который тогда, очевидно, находился в согласии с вандалами. Желанная цель вступления в родственные отношения с западно-римской императорской фамилией, к которой Гейзерих стремился уже давно, была тем самым достигнута; правда, уже 2 ноября 472 г. Олибрий умер, и вследствие этого новое положение дел потеряло силу. Примечательно, что на тот же год выпал побег Евдокии, супруги Гунериха, в Иерусалим, который был вызван, согласно источникам, тем отвращением к арианству, которое должна была испытывать принцесса из строго ортодоксального дома. И все-таки время побега дает повод к размышлениям и невольно связывает его с политическими событиями на Западе, прежде всего в Италии. Гейзерих и Гунерих, кажется, не придали серьезного значения этому побегу невестки и супруги (38).

Напротив, вандальский государь с новой силой возобновил свои грабительские походы в восточное Средиземноморье и тем самым побудил наследника Льва Зинона, который из-за своего исаврийского происхождения натолкнулся на значительные трудности во внутренней политике, заключить прочный мирный договор с вандальским государством. Летом 474 г. (39) вследствие этого был заключен «вечный» мир между византийским и вандальским государствами; гарантировалось сохранение их границ по принципу «status quo» (Северная Африка, Балеары, Питиузские острова, Корсика, Сардиния, Сицилия); возможно, в мирный договор был втянут и новый западно-римский император Юлий Непот (474—475 гг.). Ввиду любезности византийцев Гейзерих разрешил сенатору Северу, руководителю византийского посольства, проводившему переговоры в Карфагене, свободное исповедание для ортодоксальных христиан в столице вандальского государства; разрешалось также вернуться сосланному ортодоксальному духовенству, но без права занятия кафедры митрополита, оставшейся вакантной на время их ссылки. Всех военнопленных, находившихся в распоряжении королевской семьи, Гейзерих отпустил без выкупа, в то время как остальных военнопленных следовало выкупать по соглашению с их теперешними владельцами.

Мир 474 г. во многих отношениях знаменует собой венец жизненного пути Гейзериха, который с помощью этого соглашения привел основанное им государство к пику развития, по крайней мере в том, что касается внешней стороны дела. Африканские позиции вандалов были — или казались — теперь совершенно укрепившимися, а флот мог вести как наступательные, так и оборонительные действия из многочисленных опорных пунктов островной полосы обеспечения. Примечательно, что к концу своего правления Гейзерих уступил новому властителю Италии, Одоакру, большую часть Сицилии в обмен на соответствующую ежегодную дань: на будущее, по всей видимости, в качестве стратегической полосы обеспечения вандальскому государству было достаточно западной части вокруг Лилибея (Марсалы); в соответствии с несколько иной трактовкой, Одоакр таким образом стал не только союзником, но и чем-то вроде вассала вандальского короля, который с помощью «ссуды» не столько отдал часть Сицилии, сколько, напротив, благодаря этому приобрел влияние на Италию (40). С этой точки зрения ссуду, предоставленную Одоакру, можно представить в тесной связи с захватом Рима (455 г.) и поддержкой Олибрия (472 г.); различными способами Гейзерих, должно быть, пытался достичь по сути именно того, что и удалось ему в конечном итоге.

Из всего этого явствует, что первый король африканского вандальского государства до последних дней своей жизни неумоимо занимался внешней политикой. Внешняя политика для него играла абсолютно доминирующую роль, так что он, естественно, насколько вообще позволяют об этом судить сомнительные источники, практически пустил внутреннее развитие своего королевства,

особенно начиная с 442 г., на самотек. Тем самым мы, впрочем, никоим образом не хотим принять на веру язвительные суждения ортодоксальных писателей или замечание Аполлинара Сидония, который говорит, что уже в 458 г. Гейзерих стал ленив, а его здоровье было загублено распутством и развратной жизнью (41). Этот вердикт в любом случае преувеличен. И все же вследствие такой неустанной дипломатической и военно-политической деятельности короля, получавшей достаточную поддержку, пожалуй, со стороны лишь немногих способных соратников, прекратилось, должно быть, проведение многих необходимых внутривосточных реформ. Внутривосточные «достижения» Гейзериха выглядят чрезвычайно незначительными, прежде всего, по сравнению с достижениями остгота Теодориха, известными нам в особенности по «*Variae*» Кассиодора (42). Они в сущности ограничиваются колонизацией вандалами и аланами *sortes Vandalorum*, установлением института миллениариев (тысячников), развитием служилой знати и связанным с этим введением принципа старшинства в наследовании престола (43). Принимая во внимание отрывочный характер источников, нельзя с уверенностью сказать, была ли частично проведена Гейзерихом или же только выносилась на обсуждение благоприятная для всего населения налоговая и административная реформа. Складывается лишь впечатление, что вандальское налогообложение было несколько мягче и гуманней, чем византийское. Может быть, это было обусловлено вандальским пониманием второстепенности административной функции и ни в коем случае не должно означать что-то вроде признания королем своей гуманитарной обязанности; Гейзерих был прагматичным политиком, который, конечно, уделял необходимое внимание и области государственных финансов, не позволяя себе отвлекаться на гуманитарные аспекты. Хотя он поначалу и уничтожил римские налоговые кадастры, подобная снисходительность не могла продолжаться сколь-нибудь долгое время. Разумеется, можно было несколько снизить налоговые квоты по сравнению с обычным для позднеримского времени уровнем, ибо бюрократия была теперь не столь сильно развита, а войны вандальского государства частично «самоокупались» (добыча, военнопленные). Отчасти внутренняя политика Гейзериха показала себя опрометчивой уже вскоре после его смерти. Порядок наследования престола, в соответствии с которым королем всегда должен был становиться старший из мужского потомства Гейзериха, уже при Гу-нерихе стал причиной внутриклановых убийств и около 480 г. вызвал тяжелый кризис среди вандалов. Политика преследований ортодоксальной церкви оказалась, с одной стороны, слишком жесткой, а с другой стороны, слишком непоследовательной. Миссионерская деятельность арианства, несмотря на благожелательнейшее отношение, и содействие государства, оставалась чрезвычайно ограниченной, в то время как ортодоксальная церковь по причине ее большой внутренней силы и лучшей организации (44), а также в силу ее связей с ойкуменой и во времена тяжелейших гонений могла в основном сохранить свой «капитал» и даже оказывать влияние на вандалов. Уже при Гейзерихе ортодоксальная церковь, придерживаясь духа и учения Августина, постепенно сумела обратить свое положение гонимой церкви в новую силу. Их готовность идти на страдания и их твердость в убеждениях импонировали даже самым фанатичным противникам и сильно способствовали тому, что вандальское господство в Африке и на островах вновь показалось населению чуждым и враждебным. Искусные попытки Гейзериха и его наследников использовать некоторые из группировок мавританских племен, постепенно складывавшихся в государственные образования, против провинциальных римлян, хотя и имели большое значение в военном отношении, но не оказали продолжительного воздействия на внутривосточные и внутриафриканские условия. Правда, вандальское государство до самого конца могло рассчитывать на военную помощь многих мавританских племен, и Прокопий в своем интересном сообщении (Война с вандалами, II, б) разъясняет, что мавры принадлежали к последним сторонникам несчастного короля Гелимера. И все же, как уже упоминалось, многие мавританские государства занимали при наследниках Гейзериха постоянно враждебную позицию по отношению к вандалам и представляли собой неизменную угрозу для сухопутной границы. При Гильдерихе мавро-берберские грабительские походы достигали даже восточного побережья сегодняшнего Туниса. Таким образом, незначительность вандальского военного потенциала вместе с определенными внутривосточными просчетами, часть вины за которые лежит и на Гейзерихе, привели к упадку, катастрофические размеры которого еще очевиднее проявились во время похода Велизария.

Несмотря на все это, нельзя не обратить внимание на величие достижений Гейзериха, который по праву считается многими исследователями уникальной фигурой среди германских

королей великого переселения народов (45). Он не был обделен ни физической и моральной трудоспособностью, ни целеустремленностью в политических и военных действиях. Естественно, он не мог прыгнуть выше головы, а также предъявить своим соплеменникам и немногим сотрудничавшим с ним римлянам требования того уровня, который был необходим для того, чтобы создать на обломках позднеримского порядка новое, внешне- и внутривосточно-политически сильное государство. Так как преодолеть противодействие ортодоксальной церкви никогда не удавалось, у вандалского королевства не было никакой подлинной идеологической силы; не было никакой «программы» — за исключением служения королю, — с помощью которой можно было бы привести к какому-либо единству диаметрально противоположные интересы вандалов и провинциалов (если не учитывать берберское население). Да и готовность вандалов и аланов к военным мероприятиям или к административной деятельности, очевидно, не увеличивалась со временем. При непривычном климате комфортный образ жизни состоятельных провинциалов представлял собой большой соблазн; так как многие вандалы, прежде всего, естественно, родовая и служилая знать, жили в благоприятных экономических условиях, они охотно обратились к роскошной жизни в банях, театрах, парках и дворцах, которая уже столетиями являлась характерным признаком африканского «сибаритства» и с которой довольно безуспешно боролись церковные писатели. Несмотря на многочисленные запреты, общение с римлянами, которое приводило к смешанным бракам, принимало все больший размах; оно наложило отпечаток и на духовную жизнь следующих поколений вандалов, так что в конце концов появились и «придворные духовники», и «придворные поэты». И даже короли, как Трасамунд, занимались богословскими проблемами. То, что часть вандалов обратилась к продуктивной культурно-созидательной деятельности, можно расценить как благоприятный знак; разумеется, они постоянно находились под римским влиянием и не смогли создать, например, собственной литературы. Даже произведения их богословов (которые также реконструируются лишь по полемическим сочинениям ортодоксов) демонстрируют сильное влияние ранних ариан или их ортодоксальных противников (46).

В любом случае, картина вандалского государства в конце правления Гейзериха была разнородной. Наряду с прогрессивными линиями видны и сомнительные штрихи, а иногда уже и признаки упадка. Хотя правитель, которого зачастую называли деспотом, крайне редко проявлял свои человеческие свойства и чувства и в общем последовательно поступал в соответствии с государственной целесообразностью, он все же не совсем справлялся с требованиями, которые ставило перед ним государственное строительство. Тот факт, что вандалское государство надолго пережило его, ни в коем случае нельзя расценивать как доказательство абсолютной прочности этого образования.

Государство вандалов при Гунерихе (477—484 гг.)

Гунерих, по возрасту старший сын Гейзериха, переживший своего отца, в соответствии с порядком наследования, существовавшим у вандалов, уже много лет считался наследником престола. Вследствие этого после смерти отца (24 января 477 г.) он смог без всяких препятствий взять власть в свои руки, а в течение более чем семилетнего периода правления даже укрепить ее с помощью силы и дипломатии. Гунерих пришел к власти, когда ему было более 50 лет; тем не менее мы едва ли что-нибудь знаем о его жизни в то время, когда он был наследным принцем, за исключением его брака с дочерью Теодориха I, а также Евдокией. Также нам неизвестны какие-либо детали того периода, когда он находился в качестве заложника при императорском дворе Западной Римской империи (435 или 442 гг.). Из-за радикальных внутривосточно-политических мероприятий, направленных прежде всего против ортодоксальной церкви, его яростно осуждали ортодоксальные церковные авторы (Виктор из Виты), дав ему нелестную характеристику деспота и еретика. По сравнению с Гейзерихом особенно заметно, что Гунерих отказался от примата внешней политики и обратился, в первую очередь, к внутривосточно-политическим проблемам. Может быть, в этом следует усматривать критическое отношение к политике отца, своевременно исправить которую сын еще считал возможным (47).

Очень скоро Гунерих был вынужден смириться с рядом внешнеполитических неудач и, как результат, с территориальными потерями. В расположенной на юго-западе области горного массива

Аврес, прилегающей к вандалскому королевству территории, где еще в недавнем прошлом население вело борьбу против колониальных устремлений вандалов, дело дошло до восстания нескольких берберских племен, которые в конце концов сбросили вандалское господство. Помимо прочего, роковую роль при этом сыграли «открытые» границы королевства, которые теперь должны были немного отодвинуться на северо-восток. Тем не менее к северу от горного массива Аврес влияние вандалов, похоже, оставалось достаточно ощутимым еще на протяжении десятилетий (48). Вскоре начались раздоры и с Византийской империей, так как Гунерих возобновил притязания, выдвинутые еще его отцом; прежде всего, он потребовал выдать ему имущество Евдокии. Гунерих использовал «испытанное» средство — он снова предпринял грабительскую войну на море, так что император Зинон вскоре склонился к заключению мира. Бросается в глаза тот факт, что теперь Гунерих отказался от выдвинутых им сначала требований; возможно, ему снова стали доставлять беспокойство берберы горного массива Аврес, а Византия могла, при известных условиях, угрожать использованием этих племен для стратегического окружения вандалского королевства. В обмен на согласие беспрепятственного арианского богослужения в Византийской империи Гунерих в конце концов согласился даже на восстановление карфагенской епископальной кафедры: карфагенским епископом приблизительно в июне 481 г. был избран ставший известным благодаря своей честной позиции Евгений. Естественно, эта дата является очень значимой для религиозно-политической позиции Гунериха. До лета 481 г., разумеется, не может быть и речи о преследовании ортодоксов, ведь до этого момента король вандалов не строил никаких планов в этом направлении: иначе восстановление карфагенской кафедры было бы попросту бессмысленным, так как это сразу давало новый стимул укреплению ортодоксии в ключевой области вандалского королевства. На первом этапе правления Гунериха вообще известно только об одном случае преследования по религиозно-политическим мотивам — о преследовании манихеев, что должно было приветствоваться как арианской, так и ортодоксальной церковью. Естественно, первоначальную терпимость Гунериха в отношении ортодоксии можно считать вынужденной, учитывая известные политические обстоятельства. Может быть, у сына Гейзериха было намерение, как и у его преемника Гунтамунда, использовать большой «запас» своих подданных-ортодоксов против доставлявших все больше беспокойств и часто находившихся еще во тьме язычества племен берберов, правда, доказательств тому представить невозможно. Вескую причину первоначальной терпимости к ортодоксии, несомненно, следует усматривать в том, что Гунерих хотел еще больше, чем его отец, подчеркнуть свое господствующее положение по отношению к собственным соплеменникам. Об этом свидетельствует и то, что он приказал переименовать город Гадрумет (Сус) в Гунерихополис (после византийского завоевания переименован в Юстинианополис); однако его главной целью было снова установить принцип наследования престола по прямой линии вместо старшинства. Таким образом, он планировал утвердить наследование трона за своим сыном Хильдерихом, рожденным ортодоксальной Евдокией, и этой цели он добивался прямо-таки с ожесточенным фанатизмом, посвятив ей все свои силы.

Вскоре среди вандалов стала заметной сильная оппозиция этой реакционной цели. Знать пришла в беспокойство, и даже старые соратники Гейзериха, которых он на смертном одре особенно настойчиво рекомендовал своему сыну, заняли, как и родственники короля, скептическую или отрицательную позицию по отношению к его новым планам. И здесь со всей силой наружу вышло то демоническое и деспотическое начало в характере Гунериха, которое сближает его с таким драматическим образом, как, например, шекспировский Макбет. По принципу «divide et impera» (разделяй и властвуй) король попытался разбить и уничтожить различные группировки открытой, тайной и, наконец, даже потенциальной оппозиции. Служилая знать, среди которой называют *comites* («графы»), *nobiles* (нобили) и даже *praepositus regni* («препозиты империи»), понесла чрезвычайно жестокие наказания за неопределенность своих позиций или же за ортодоксальные убеждения; многие служилые люди потеряли свое денежное или натуральное вознаграждение и были приговорены к унижительным каторжным работам; у других была конфискована собственность, а сами они были отправлены в ссылку на Сицилию или Сардинию. Некоторых устранили по приказу короля, казнив их через сожжение или другими жестокими способами (49); при этом возраст или высокое положение жертвы не служили препятствием. Так был позорно казнен королевский канцлер Хельдика, поставленный еще Гейзерихом; его жена также была приговорена к смертной казни. Вообще, бросается в глаза, что устранялась родня наказанных, так же как и их

слуги. В конце концов король жестоко покарал арианских священников и собственных родственников. Он считал, что должен непременно заручиться идеологической поддержкой арианской церкви, и поэтому предоставил ей большие возможности, прежде всего финансовые; в ответ он ожидал безоговорочной преданности себе и своей политике. Арианский патриарх Юкунд, который ранее был «придворным священником» Теодориха, брата Гунериха, был публично сожжен, так как король подозревал его в заговоре против своего «нового» порядка престолонаследия. Также были казнены или брошены на съедение диким зверям другие неблагонадежные священники. Все эти жестокости надо рассматривать в значительной мере как средства защиты интересов государства, которые можно отстаивать, при известных условиях, даже с помощью устрашения. Кроме этого, ясно виден один мотив этих наказаний: так как источники в основном скрывают подоплеку, нам, конечно, не хватает понимания твердой последовательности в осуществлении королем политики гонений. Не случайно повсюду было направлено прежде всего против родственников короля, в особенности против его брата Теодориха, который, может быть, сам того не желая, стал центром оппозиции, так как в соответствии с принципом старшинства он мог считаться наследником престола после смерти Гунериха (50). Разумеется, супруга Теодориха в особенности настаивала на этом праве, так что Гунерих приказал казнить ее мечом. Один из сыновей последовал за ней по этому скорбному пути, в то время как другие родственники и сам Теодорих отделались изгнанием.

Несомненно, таким образом, в течение 481 г. или, самое позднее, к началу 482 г., оппозиция новому порядку престолонаследия и другим притязаниям Гунериха была уничтожена или, во всяком случае, полностью разбита. Итак, теперь Гунерих мог заняться «решением» вопроса ортодоксальной веры, используя такие же радикальные средства. Непосредственные причины для преследований ортодоксов, к сожалению, опять же неясны. Естественно, оппозиционная аристократия установила тесные связи с неарианской частью населения, может быть, даже с ортодоксальными священниками. Поэтому во время гонений на ортодоксов проявляется также и стремление короля заручиться поддержкой нового порядка наследования престола со стороны епископов; тем не менее Гунерих по-прежнему не доверял им в политическом отношении и поэтому неоднократно пытался пресечь любые контакты с заморской ортодоксальной церковью. Может быть, одновременно и политическая активность императора Зинона подвигла короля вандалов к тому, чтобы снова отказаться от первоначального благорасположения по отношению к ортодоксам, позиция которых оставалась неизменной, то есть враждебной к еретикам и вандалам. Переход от преследований знати к гонениям на ортодоксов естественно видеть в том, что ортодоксальная служилая знать была для короля ощутимой помехой. При этом свою роль могло сыграть и чувство «национальной» обиды. Король и арианская церковь, естественно, осуждали своих соплеменников, в основном служилую знать, если замечали их в известном одеянии при посещении ортодоксального богослужения (51). В результате возникали первые столкновения и наказания. Должно быть, непосредственно вслед за этим последовал запрет на занятие любых государственных и придворных должностей не-арианами. Следующее решение затрагивало ортодоксальную церковь прежде всего с финансовой точки зрения: а именно, постановление, что имущество умерших епископов переходит в государственную казну, в то время как наследники покойного должны заплатить в королевскую казну по 500 солидов. Самое позднее к началу 483 г. гонения приняли еще больший размах: почти 5000 епископов, священников, диаконов и влиятельных мирян-ортодоксов из Проконсульской Африки были собраны в городах Сикка Венерия (Эль Кеф) и Ларес, а оттуда под строгой охраной вандалов и мавров были переселены в несколько пустынных областей, находившихся под властью местных племен. Современник этих событий, хронист Виктор из Виты, который, несмотря на свою ортодоксальную позицию, может считаться надежным свидетелем, эпически изобразил это скорбное переселение 5000 человек как «страсти» и во многих отношениях сохранил его для истории (II, 26ff). Посредством этого масштабного мероприятия Гунерих хотел полностью очистить от ортодоксов Проконсульскую Африку или, по меньшей мере, *sortes Vandalorum* (наделы варваров): руководящая прослойка в результате ссылки была почти полностью ликвидирована, а с мирянами надеялись легче справиться.

Наконец, эдиктом от 20 мая 483 г. король назначил на 1 февраля 484 г. собор как ортодоксальных, так и арианских епископов из находившейся под его властью части Северной Африки, явно надеясь этим внешне законным действием, в значительной степени имитировавшим религиозный спор ортодоксов и донатистов 411 г., еще больше расшатать фундамент ортодоксальной церкви. Демарш Византии так же не заставил Гунериха отказаться от своего плана,

как и «контрпредложение» Евгения созвать вместо африканского вселенский собор (52). Естественно, подобное предложение карфагенского митрополита можно считать весьма опасным; если, по утверждению Виктора из Виты, Евгений обосновывал свой план тем, что «все повсюду покорились его (Гунериха) власти», то король мог принять эту лесть исключительно как насмешку или провокацию. Мнение Евгения, что вопросы такой важности относятся к компетенции не местного, а вселенского собора, к делу не относится, тем более что он должен был иметь в виду, что римские императоры уже давно вмешивались в церковные и догматические вопросы. Поэтому приказ короля был поддержан. Собор состоялся при большом количестве участников: бросается в глаза, что наряду с неопределенным числом арианских епископов в соборе приняло участие 460 ортодоксальных епископов, в том числе из таких областей, как Ситифская и Цезарейская Мавритании, которые подчинялись вандальскому государству не полностью и не непосредственно. Примечательно, что эти епископы своим появлением выразили солидарность своим гонимым коллегам, хотя они в большинстве своем не разделили их скорбного пути. То же самое относится и к епископам Сардинии. Обе стороны очень хорошо подготовились к собору; ортодоксальные епископы предложили даже богословский манифест, известный под названием «*liber fidei catholicae*» (Книга ортодоксального исповедания). Однако очень быстро эта встреча привела к ожесточенным столкновениям и потасовкам, за которые, по словам Виктора, однозначно несет ответственность арианский патриарх Кирилл (Кирила). Гунерих в ответ на это издал несколько декретов, в которых вина за срыв заседаний возлагалась исключительно на ортодоксов, причем в этих декретах упоминается и о волнениях среди населения. Также многократно осуждается деятельность ортодоксов в землях, принадлежавших вандалам, несмотря на действовавший в этом отношении запрет. Основное содержание королевского указа сводилось к переходу всех ортодоксов в арианство до 1 июня 484 г. Вместе с тем, всем упорствующим в соответствии с их рангом и социальным положением впредь грозили большие денежные штрафы вплоть до конфискации имущества, а также бичевание и ссылка. Отдельные положения этого законодательного акта, касающегося ортодоксов, до мелочей напоминают законы римских императоров о еретиках, которым, таким образом, с выгодой для себя подражал и над которыми одновременно иронизировал Гунерих. Несомненно, в этом можно с полным правом усматривать и своего рода историческое возмездие, так как ортодоксальная церковь под влиянием таких епископов, как Амвросий и Августин, всегда призывала государство к подавлению и насильственному обращению схизматиков, еретиков и язычников. Поэтому законы против вышеупомянутых слоев общества, собранные в Кодексе Феодосия, предоставили Гунериху удобный способ основательно рассчитаться с религиозными противниками, которых он одновременно опасался в качестве политических оппонентов (53). Особенно строгие наказания грозили судьям и их подчиненным, участвовавшим в рассмотрении дел, при их недостаточной строгости.

Осуществление данных указов короля имеет, конечно же, свою собственную историю. Сначала во многих местах они очень строго исполнялись, и исполнительная власть часто была намного фанатичнее, чем текст закона. Органы правосудия, которым, по всей видимости, арианская церковь предоставила себя в распоряжение в качестве «вспомогательной полицейской организации», жестоко действовали в отношении женщин, детей, многократно добиваясь публичных насильственных обращений в арианство. Тем не менее также сильно возросло количество устоявших мучеников и исповедников, и поэтому во время самой жестокой фазы гонений ортодоксальная церковь получила по крайней мере сильную моральную поддержку. Больше всего, естественно, пострадали клир и епископы. У них не только отобрали церкви и церковное имущество и запретили им проводить богослужения, но и запретили проживать в городах и населенных пунктах. Теперь они были свободны как птицы, в то время как арианское духовенство присвоило конфискованное у них имущество. Отчасти участие ариан в насильственном обращении или карательных действиях объясняется, несомненно, их материальной заинтересованностью; с другой стороны, они видели, что это последний шанс присвоить себе власть и авторитет ортодоксальной церкви. Это ясно видно по тем особенно жестоким мерам по отношению к «разжалованным» ортодоксальным епископам, которые часто преследовались своими арианскими соперниками сильнее, чем исполнительными органами власти. Так, хотя рассказывают, что Гунерих просто затоптал конем группу епископов, которая неожиданно осадил его своими просьбами при одном из его выездов верхом, с другой стороны, он еще раз вступил в переговоры с оставшимися в живых и обещал им вернуть их

должности, если они клятвенно пообещают стать сторонниками Хильдериха и прекратить всякую заморскую переписку. Эти требования очень понятны и весьма показательны в отношении «принципов» Гунериха. Были ли эти требования с самого начала задуманы как ловушка, во всяком случае, не доказано. Однако епископы, которые соглашались на вынужденную присягу, вынуждены были селиться наподобие колонов вблизи своих мест службы, в то время как продолжавшие упорствовать подвергались еще более суровому наказанию — ссылке на Корсику: там они должны были валить лес для государственных верфей.

Жестокость гонений на ортодоксов не осталась, как уже было сказано, без соответствующих последствий. Так, постановления Латеранского собора 487 г. признают, что действия Гунериха и его приверженцев привели к многочисленным случаям обращения в арианство не только мирян, но и монахинь, монахов, клириков, пресвитеров и даже епископов. Такие результаты отмечались, конечно, главным образом в Проконсульской Африке и прилегающей части Бизацены. О ситуации на окраинах территорий, находившихся под властью вандалов, мы знаем совсем мало; разумеется, гонения и жестокости со стороны ариан распространялись вплоть до района Габеского залива и на запад до мавританской Типасы, хотя ортодоксы в этих областях составляли, вероятно, подавляющее большинство населения.

Сам Гунерих, должно быть, надеялся на осязаемое усиление власти своего королевства в результате гонений, например, ликвидации многочисленных средних слоев населения. Нет сомнений, что в 483 и 484 гг., когда начали сказываться первые последствия гонений, он надеялся, что насильственное обращение ортодоксов вместе с обузданием родовой и служилой знати дадут ему возможность спокойно править относительно гомогенной массой населения: цель всех властителей со времен «расцвета» восточных деспотий или греческих тираний. Две «случайности», голод лета 484 г. и смерть самого короля 2 декабря того же года, обрекли эти планы на полный провал. Голод, по сообщениям Виктора из Виты, имел большой размах и привел к соответствующим последствиям (54). Люди и звери падали жертвами засухи и голода, а общественные связи повсеместно ослаблялись и разрывались. Торговля и ремесла замерли, а люди в отчаянии устремлялись туда, где, по их мнению, они еще могли найти возможности выжить. Интересно указание Виктора, что многие тщетно пытались продаться в рабство, чтобы не умереть от голода; однако покупателей не было, и даже вандальские рабовладельцы подстрекали своих рабов к бегству, которое обычно жесточайшим образом каралось. Король и его служащие, естественно, были беспомощны перед этой природной катастрофой; и все-таки Гунерих проявил решимость не впускать в Карфаген голодающих, уже большей частью страдавших от заразных болезней. Помощь, по всей видимости, оказывалась только арианам и тем, кто проявлял готовность обратиться в арианство. Из этого замечания, взятого нами опять-таки у Виктора из Виты, мы можем извлечь, что размеры голода были ограничены. На карфагенских складах, несомненно, хранились значительные запасы всего необходимого, которые могли в случае нужды пополняться за счет заморских поставок. Вследствие этого сами вандалы скорее всего вряд ли страдали от голода. То же относится и к обширным окраинам вандальского государства; ибо *Житие Фульгенция*, написанное карфагенским диаконом Феррандом, правда, только около 530 г., в котором наряду со столицей описывается прежде всего южная Бизацена, вообще не упоминает о голоде 484 г. Из этого с необходимостью вытекает, что масштабы засухи в разных областях очень сильно отличались и, например, южная Бизацена вряд ли была ею затронута. Несмотря на это, не следует недооценивать последствия этого голода. По сообщению Виктора, голод еще от случая к случаю приводил к вынужденному обращению в арианство, но в целом оттеснил политику преследований на второй план, так как создалась совершенно новая ситуация и местные власти в областях, пораженных засухой, не могли сложить руки наблюдать за процессами разложения. Их усилия сконцентрировались на заботе о голодающих и больных и на налаживании обычной жизни. Однако со скорой — несколько загадочной — смертью короля гонения в еще большей степени лишились своей движущей силы.

Король умер в тот момент, когда его политика после многочисленных первоначальных успехов стремительно близилась к полному провалу. Он не сумел сломить ортодоксальную «оппозицию», моральная сила и общественный вес которой были заметны как и прежде. Одновременно провалились его планы наследования престола: вместо его сына Хильдериха на троне вандалов и аланов воцарился его племянник Гунтамунд.

Государство вандалов при Гунтамунде (484—496 гг.)

В начале правления Гунтамунда, сына Гензона и внука Гейзериха, ненадежность наследства Гунериха стала, без сомнения, еще более заметна. Новому королю пришлось бы железной рукой или с большой ловкостью взяться за нерешенные проблемы, чтобы обрести хоть какую-то перспективу на успех. Однако соответствующие качества отсутствовали у правителя, который, судя по всему, был просто заурядной личностью; в любом случае, он не достигал масштабов Гейзериха (55). По многим причинам считается, что правление Гунтамунда обозначило начало поздневандалского периода в Африке: жесткая внешняя и внутренняя политика Гейзериха и Гунериха теперь сменилась на более мягкий курс, в котором отражается слабеющая мощь северо-африканского государства. Этому соответствует все более сильная адаптация вандалов к местным нравам и обычаям, к одежде и роскошному образу жизни богатых римлян-провинциалов. Продвигавшаяся быстрыми темпами романизация, которая была частично связана также и с миссионерской деятельностью ортодоксальной церкви, естественно, открыла вандалам и новые блага образования, которые дали им возможность понимать античную культуру, а также христианский образ жизни и по мере надобности пользоваться ими. В этом развитии сказываются определенно позитивные элементы, и все же оно также означает дистанцирование от привычной военной, политической и аграрной деятельности, которая должна была иметь первостепенное значение для вандалов — тонкого высшего слоя общества. В этом отношении вместе с цивилизованным образом жизни, начало которого, естественно, следует возводить к периоду правления Гейзериха, начался социальный упадок вандалов: Прокопий несколькими годами позднее смог очень верно изобразить «конечную стадию» этого развития, противопоставляя изнеженным вандалам невзыскательных и упорных мавров.

Гунтамунд, по всей видимости, считал неудачной прежде всего церковную политику Гунериха и начал проводить новые мероприятия в этой области. Впрочем, даже тогда и речи быть не могло об очень терпимом и либеральном курсе; и все-таки уже в 487 г. Гунтамунд призывает изгнания карфагенского епископа Евгения, а позднее допускает возвращение сосланных епископов и клириков, которые были восстановлены и в церковном имуществе (494 г.). Характерно, что за время правления Гунтамунда на обширных территориях вандалского королевства смогло распространиться монашество; *Житие Фульгенция* говорит об основании новых монастырей и также показывает, что под влиянием монахов тут и там повышался уровень духовной культуры. Религиозно-политический поворот Гунтамунда, конечно, был обусловлен некоторыми внешнеполитическими факторами. Уже в 482 г. император Зинон выпустил промонофизитский закон, так называемый Энотикон, следствием которого явился разрыв между ортодоксальными церквями востока и запада. Арианские круги государства вандалов могли только приветствовать этот раскол, так как опасность конспиративной связи африканских ортодоксов с востоком (которая была до сих пор очень сильна) теперь отпадала. Гунтамунд мог теперь гораздо с большими основаниями, чем его предшественники, рассматривать возможность использования ортодоксального населения Северной Африки против постоянно наступающих берберских племен; по меньшей мере, он должен был стремиться к установлению прочного гражданского мира, так как наряду с берберской опасностью вскоре возникла новая угроза со стороны остготского государства Теодориха. Разумеется, нам кажется сомнительным, что Гунтамунду удалось в действительности установить гражданский мир. Низшие слои арианской церкви были, как и прежде, чрезвычайно враждебно настроены против ортодоксов и в особенности резко выступали против любых миссионерских предприятий в Проконсульской Африке. Фульгенций Руспийский, знаменитый африканский последователь Августина, сам в эти годы пострадал от нападков арианских клириков и был вынужден отступить перед ними. Может быть, именно эта неизменившаяся позиция многих арианских клириков привела к тому, что папа Геласий I еще в 496 г. назвал короля Гунтамунда «гонителем» (56), хотя это суждение, возможно, было вызвано только нерешительной политикой короля.

По свидетельствам различных источников, при Гунтамунде возобновились крупные столкновения между вандалами и мавритано-берберскими племенами южной Бизацены и южной Нумидии. Нападения и грабительские походы кочевников и полукочевников теперь доходили до пограничной области между Тебестой (Тебесса) и Капсой (Гафса), а может быть, уже и области средней Бизацены вокруг Телепта, Суфетулы или Суфеса. Незащищенность вандалских сухопутных границ и неспособность вандалов к боям в горах и пустынно-степных областях теперь привели к

самым роковым последствием. Если Людвиг Шмидт на основании некоторых указаний у поэтов Драконция и Фабия Планциада Фульгенция считает, что «кажется, Гунтамунду в конце концов удалось загнать мавров в их логово» (57), то тогда военное положение вандалов представляется в чересчур благоприятном свете. Ибо наряду с *Житием Фульгенция* так называемые *Таблицы Альбертина* ясно показывают, что юго-западные пограничные области подвергались все большей опасности. В этих «табличках» говорится о некоторых торговых соглашениях, датируемых временем правления Гунтамунда, которые после 21 апреля 496 г. были свернуты; впрочем, они характеризуют скромную жизнь мелких крестьян, работавших в соответствии с полурабским статусом колонов, в пограничной области между Тебестой и Капсой. Жизнь этих крестьян, тщательно проанализированная французским исследователем, очевидно, представляет собой полную противоположность благосостоянию высшего слоя вандалов или провинциальных римских землевладельцев; хотя они, должно быть, обладали личной свободой или же были почти свободны, в хозяйственном отношении они с большим трудом держались на плаву, так что должны были, естественно, в особенности опасаться берберских набегов (58).

Для положения вандальского государства тех лет крайне характерно, что теперь ускоренными темпами образовывались все новые берберские государства, а уже существующие усиливали свои позиции. К сожалению, мы едва ли располагаем достаточно точной информацией об этих государствах, называемых по местности (Уаварсенис, Ходна, Аврес, Дорсале) или по имени правителя (Немемха, Каваон); по своему популяционному и территориальному состоянию это были чрезвычайно шаткие образования, находившиеся под деспотической властью князей, а также их телохранителей и воинов. Современные источники характеризуют представителей этих государств главным образом как скотоводов-кочевников (а также кочевников на верблюдах), которые жили за счет грабежей земледельческого населения. Так как эти туземные государства враждовали между собой, вандальские короли также могли использовать их друг против друга. Часть мавров, во всяком случае, еще на протяжении нескольких десятилетий оставалась под верховной властью вандалов (59).

После того как в Италии начало образовываться остготское королевство, Гунтамунд был вынужден бросить на произвол судьбы некоторые из своих заморских владений. Правда, сначала вандальский король использовал войну между Одоакром и Теодорихом для того, чтобы разграбить Сицилию. Однако вандальские войска были отбиты готами, и Гунтамунд в конце концов был вынужден просить у Теодориха мира: Сицилия была полностью включена в состав остготского государства и отныне больше не выплачивала вандалам никакой дани (491 г.).

Хотя внутривосточное положение государства вандалов при Гунтамунде и определялось внешнеполитическими неудачами, все же оно выделяется — прежде всего по сравнению с периодом правления Гунериха — своим благополучием. Во многих сферах, по всей видимости, продолжалось спокойное развитие, а вне пределов зоны берберского наступления аграрное и ремесленное производство, похоже, вскоре выправились после неудач голодного 484 г. Увеличились и размеры строительной деятельности. Культурные мероприятия короля дали особенный толчок трудам писателей и поэтов, среди которых выделяется Драконций. В Карфагене смог открыть школу грамматик Фелициан. Хотя Гунтамунд уделял развитию культуры не столь много внимания, как его наследник Трасамунд, все же его можно в определенном смысле считать ценителем культуры и искусства. Разумеется, его толерантность и здесь, как и в церковной сфере, имела свои пределы. Так, известный поэт и адвокат Блоссий Эмилий Драконций был заключен в тюрьму, так как он воспел как своего господина вместо короля какого-то чужака — очевидно, византийского императора. Гунтамунд, все-таки менее деспотичный по сравнению с Гунерихом, очевидно, рассматривал поступок известного писателя как государственную измену; поэтому Драконций, несмотря на написанное в тюрьме и наполненное смирением и самоуничижением стихотворение, «*Satisfactio ad Gunthamundum regem Vandalorum*» (Извинение перед Гунтамундом, королем вандалов), несомненно получил свободу (60).

Государство вандалов при Трасамунде (496—523 гг.)

Престол умершего 3 октября 496 г. Гунтамунда наследовал его брат Трасамунд, вершивший судьбы вандалского королевства в течение почти 30 лет (до 7 июня 523 г.). Естественно, на протяжении этого долгого правления выработалась определенная преемственность политики, которая была прежде всего заметна во внутривластных предприятиях. Курс Трасамунда основывается прежде всего на соединении культурных тенденций Гунтамунда с антиортодоксальными мерами Гунериха. Именно по этой причине многие его современники высказывали весьма разноречивые оценки Трасамунда, но тем не менее почти все отмечали многочисленные положительные черты этой личности. Поэты Луксорий, Флавий Феликс и Флорентин восхваляют повелителя за его красоту и приветливость и превозносят его духовные и научные устремления. Даже полемические, направленные против Трасамунда произведения Фульгенция Руспийского или *Житие Фульгенция*, написанное Феррандом, удостоверяют философские и богословские интересы короля, который сделал своей первейшей задачей борьбу арианского учения против ортодоксальной догмы. И все же он пытался обозначить свое королевское превосходство в духовных спорах прежде всего с помощью «убеждения», так что он предстает в более привлекательном свете, чем Гейзерих и Гунерих, представители идеи абсолютной власти и безжалостной государственной необходимости (61).

Во внешней политике определяющим для правления Трасамунда было стремление к улучшению отношений с Византией и с королевством остготов. Король, несомненно, намеревался своей готовностью к компромиссу со средиземноморскими силами ликвидировать или косвенным образом уменьшить постоянно нависающую мавританскую угрозу. Присутствовавшая как среди вандалов, так и среди остготов потребность в безопасности привела — скорее всего в 500 г. — к заключению брака между Трасамундом и сестрой Теодориха Амалафридой (62). Так как оба супруга уже успели овдоветь, мы можем уверенно считать движущей силой династические устремления обоих государств и их правительств: этот брачный союз как составная часть вошел в систему безопасности, которую Теодорих стремился создать с помощью династических браков внутри мира германских государств, образовавшихся в ходе Великого переселения, и удовлетворял честолюбие и политические амбиции Трасамунда, поскольку в приданое супруга принесла ему область Лилибея и свиту из 1000 знатных готв и 5000 вооруженных слуг. Пограничный камень с надписью «*finis inter Vandalos et Gothos*» (граница между вандалами и готами) указывает на изменения, явившиеся следствием брачного договора (63). В политической практике, конечно, готско-вандалская дружба складывалась не так хорошо, как можно было бы предположить. Дело в том, что Теодорих был чрезвычайно заинтересован в поддержании двусторонних дружественных отношений, в то время как Трасамунд больше лавировал и — так как он, конечно, постоянно стремился вернуть своему государству былую мощь — пытался заигрывать с другими государствами, прежде всего Византией. Когда Теодорих в 508 г. запутался в войне на два фронта с Византией и франками, его зять Трасамунд занял выжидательную позицию. Пожалуй, будет несколько опрометчиво вслед за Людвигом Шмидтом делать из этого вывод, что между императором Анастасием I и королем Трасамундом существовал тайный договор (64). И все же Трасамунд по крайней мере до прихода к власти императора Юстина I (518 г.) поддерживал отношения с Византией на самом высоком уровне, о чем свидетельствуют и вандалские монеты. Так, на золотых монетах Трасамунда появляются надпись DN (Dominus Noster) Anastasius PP (Pater Patriae) Aug(ustus) (государь наш Анастасий, отец отчизны Август) и изображение этого императора (65). Так как Юстин и Юстиниан, его племянник, побуждаемые чрезвычайно сильными ортодоксальными пристрастиями, выступили в защиту изгнанных Трасамундом африканских епископов, вандало-византийские отношения с 518 г. начали резко ухудшаться. Между тем в 510 г. чуть не произошел разрыв с государством остготов, так как Трасамунд поддержал деньгами бежавшего в Африку претендента на вестготский престол Гесалеха. Теодорих должен был воспринять это как крайне бесцеремонное отношение, ибо в те годы государство вестготов находилось под остготской опекой; вследствие этого он направил вандалскому королю энергичный протест, после чего Трасамунд послал своему шуруину письмо с извинениями в сопровождении богатых подарков. Эпизод закончился отклонением этих подарков и серьезным предупреждением действовать в будущем более предусмотрительно. С этого момента, кажется, отношения между остготской и вандалской державами снова вошли в нормальное русло.

Конечно, нельзя не удивляться тому, что Амалафриде не удалось оказать на вандалскую политику сколько-нибудь самостоятельное, а тем самым, естественно, проготское влияние. Скорее всего она предприняла такую попытку, однако уступила Трасамунду в искусстве дипломатии; когда после смерти супруга она стала действовать более самостоятельно и составила вместе со своей свитой и, по всей видимости, при поддержке мавританских племен заговор против вышедшего из союза с остготами Хильдериха, она была заключена в тюрьму и умерла загадочной смертью. Хильдерих устранил и ее готское окружение.

Во время правления Трасамунда вандалское государство понесло большие потери и со стороны мавро-бербер-ских племен. Наряду с пустынно-степными племенами, локализуемыми западнее и восточнее, и жителями горного массива Аврес приблизительно с 510 г. начались волнения среди племен из гор среднего Туниса между Тебестой (Тебессой) и Телептом (Мединет-эль-Кедима). Под руководством князя Гуэфана, постепенно приобретающего все большую известность, они начали наступление против культурных территорий. Урон, наносимый вандалам и провинциалам, поначалу был еще более ли менее терпимым, пока сын Гуэфана Антала — может быть, уже с начала 20-х годов VI века — не разграбил города восточного побережья Туниса. Располагавшиеся западнее города Тамугади (Тимгад) и Багаи в поздневандалскую эпоху также стали жертвами берберских нападений; вероятно, на какое-то время они даже попали в руки племен из области Авреса. Направление удара и тенденции этих нападений в целом ясны; к концу правления Трасамунда они представляли собой для вандалского государства угрозу, которая затрагивала не только пограничные и близлежащие области, но и ставила под вопрос общую безопасность. Это явствует даже из экспедиции Трасамунда против триполитанского деспота Каваона, на которого двинулась конная армия. Однако Каваон располагал не только хорошей разведкой, которая доносила ему о силах, направлении движения и, кроме того, намерениях врага и настроениях населения провинций, но и обладал значительными тактическими способностями. Он отгородил свой обоз воинами и верблюдами, а также наездниками на верблюдах и тем самым использовал страх вандалских коней перед верблюдами. По сообщению Прокопия, вследствие этого вандалы потерпели чувствительное поражение (66).

Внутренняя политика Трасамунда известна нам главным образом по сообщениям о возобновившейся церковной борьбе. Трасамунд никоим образом не скрывал своего враждебного отношения к ортодоксальному христианству, однако, в отличие от Гунериха, действовал с помощью более тонких приемов, предоставленных ему его образованием и богословскими познаниями. В общем он, пожалуй, не собирался вновь начинать суровые преследования, которые постепенно сошли на нет уже при Гунтамунде. В качестве основных методов он применял убеждение и подкуп. Обращенные вознаграждались подарками и должностями и могли рассчитывать на помилование в случае, если они до того заслуживали наказания. Честные приверженцы ортодоксальной веры в основном отвечали королю только презрением. Разумеется, с самого начала он с крайним недоверием следил за епископами, и самое позднее с 499 г. бизаценский епископ Руфиниан жил в изгнании на маленьком острове неподалеку от Сицилии. Вскоре после своего восшествия на престол Трасамунд выпустил эдикт, в соответствии с которым епископские кафедры, вакантные из-за смерти занимавших их епископов, не могли быть заняты никем другим. В этом отношении он поступал строже, чем Гунерих до 482 или 483 г. Ибо — прежде всего в 502 г. — еще действовавшие епископы уступили напору осиротевших общин и во многих местах рукоположили новых епископов — последним скорее всего был уже знаменитый аббат Фульгенций Руспийский — и навлекли на себя в качестве наказания изгнание в Сардинию. Этот остров и прежде служил для подобных целей, но прославился именно этим более чем двадцатилетним пребыванием в ссылке многих африканских епископов (число которых называется как 60, 120 или 220). Разумеется, Трасамунд не стал приставлять ортодоксальных пастырей к выполнению самых грязных работ, как это делал Гунерих. Они жили в Каранарии (Кальяри) или в его окрестностях в полной безопасности, объединялись в монашеские общины и в своих душеспасительных трудах даже могли поддерживать связи со своими родными общинами. То, что сообщается нам об исключенных из церковного общения африканцах, навещавших изгнанных епископов, чтобы оправдаться перед ними, проливает определенный свет на великодушие — или равнодушие — Трасамунда. Естественно, в этом одновременно проявляется и огромный авторитет этих изгнанников, пользовавшихся поддержкой папы Симмаха и других итальянских братьев по вере, но и со своей стороны развивавших свою пастырскую и богословскую

деятельность в самых разных направлениях (67). Приблизительно с 515 г. Фульгенций Руспийский становится кем-то вроде представителя этих изгнанников. Его перевезли в Карфаген, где разрешили жить в относительной свободе, но он должен был ответить королю в письменной форме на ряд запутанных богословских вопросов. Как показывают дошедшие до нас сочинения из этого «диспута», Фульгенций обращался к королю с формальной покорностью, но на самом деле с догматической суровостью, как то пристало последователю Августина (*Ad Thrasamundum regem: Contra Arianos* — К королю Трасамунду: против ариан). Очевидно, Трасамунд и его придворные духовники уступали диалектике и казуистике этой школы. В конце концов они отказались от ведения богословских дискуссий и тем самым прекратили последние попытки одолеть ортодоксальное христианство с помощью соответствующих средств. Сложно сказать, кто одержал формальную победу в этой борьбе: само собой, Фульгенций после провала этого нового «религиозного диалога» был вынужден вновь испытать тяжести изгнания; его братья по епископату также оставались в Сардинии до начала правления Хильдериха. И все же во многих отношениях трудно избавиться от впечатления, что с пребыванием Фульгенция в Карфагене наступил окончательный кризис арианства в Северной Африке. С обеих сторон появлялись новые обращенные, однако все еще лишенная руководства ортодоксальная церковь сумела по крайней мере сохранить свой «капитал». Ортодоксальные монастыри в Северной Африке в то время даже переживали свой расцвет и, таким образом, — и в отношении пастырской деятельности — заполняли бреши, возникшие в результате изгнания епископов.

Говоря о духовной жизни во времена Трасамунда, следует назвать нескольких поэтов, таких как Луксорий, Флавий Феликс и Флорентин, которые выдвинулись прежде всего за счет мифологических спекуляций и хвалебных стихотворений, посвященных королю и его столице Карфагену. Из их утрированных описаний — как, впрочем, и из свидетельств ортодоксальной литературы — можно заключить, что во многих отношениях правление Трасамунда все еще было периодом расцвета вандальского государства. Несмотря на нападения мавров, процветали земледелие и ремесла, а Карфаген предоставлял вандалам широчайшие торговые возможности. Король любил роскошь и великолепие и охотно позволял поэтам воспевать себя в качестве строителя, например, роскошных бань. Даже в произведениях Фульгенция или в посвященной ему биографии Ферранда проскальзывает кое-что из этого внешнего блеска. Что парадоксально: эти труды богословского направления возникли отчасти именно благодаря условиям поздневандальской эпохи, а их написанию никто по меньшей мере не препятствовал. Интеллектуальный деспотизм Трасамунда все-таки не приводил ни к какой унификации взглядов, а «гарантировал» духовную свободу, по крайней мере в изгнании. Поэтому письма и другие сочинения Фульгенция ни в коем случае не касаются только проблемы вандальского арианства. Напротив, великий ученик Августина вмешивался в пелагианские споры и рассматривал проблемы, которыми интересовались и в Византийской империи; не случайно богословие Фульгенция повлияло также на схоластику (68).

Государство вандалов при Хильдерихе (523—530 гг.)

Наследником Трасамунда стал Хильдерих, сын Гунериха и Евдокии, дату рождения которого можно очень приблизительно отнести к периоду между 456 и 472 гг. От уже довольно пожилого, изнеженного и как по своему происхождению, так и по своим симпатиям находящегося под римским влиянием правителя, который встал во главе государства непосредственно после смерти Трасамунда 7 июня 523 г., вряд ли можно было ожидать проведения политики в подлинно вандальских интересах (69). За свое восшествие на королевский престол он, очевидно, должен был благодарить только Трасамунда, неукоснительно следовавшего установленному Гейзерихом порядку наследования. И все же Трасамунд испытывал к своему наследнику определенное недоверие, из-за чего он взял у него клятвенное обязательство в качестве короля вандалов не поддерживать и не восстанавливать ортодоксальную веру. Порицаемый многочисленными источниками за свою нерешительность, но восхваляемый другими за мягкость и терпимость король — которого безмерно превозносит *Житие Фульгенция*, написанное Феррандом, в то время как Прокопий примечательным образом колеблется в своей оценке — обошел клятву, данную своему предшественнику, призвав обратно изгнанных ортодоксальных епископов еще до своего формального восшествия на трон, одновременно позволив

назначить перевыборы в осиротевших епископствах (70). Позитивное решение проблемы ортодоксальной церкви являлось, очевидно, личным желанием короля, но, вполне возможно, соответствовало также его внутривластическому плану и его внешнеполитическим устремлениям, упиравшимся в тесное сотрудничество с Византией.

Ортодоксальная церковь, естественно, сразу же воспользовалась предоставившимися ей возможностями. Были вновь заняты многочисленные епископства, и уже в 523 г. только в Бизацене состоялись два поместных собора (в Юнке и Суфесе), в которых принимал участие и Фульгенций Руспийский. Ортодоксальная церковь была восстановлена также в имущественных правах, и 5 февраля 525 г. под председательством нового митрополита (Бонифация) в Карфагене даже состоялся общий африканский собор (71), в котором участвовали 61 епископ из Проконсульской Африки, Бизацены и Нумидии, а также из Мавритании и Триполитании. На первый взгляд удивляет незначительное число епископов — по сравнению с числом клириков (около 460), участвовавших в гораздо более опасных религиозных дискуссиях 484 г. Следует подчеркнуть, что, несмотря на благожелательное отношение Хильдериха, не все епископские кафедры были заняты вновь. И это не было решающим обстоятельством. Среди участников этого собора находились преимущественно епископы из Проконсульской Африки, в то время как Бизацена и Нумидия прислали лишь нескольких «наблюдателей»; появились также два триполитанских епископа, в то время как от обширной Мавритании присутствовал лишь один участник. Как объяснить это удивительное распределение, ведь следовало бы предположить, что по благожелательности Хильдериха все северо-африканские диоцезы или по крайней мере провинции скорее всего с благодарностью использовали бы возможность совместно устроить свои церковные дела? Акты собора показывают, что в то время, когда карфагенская и другие епископские кафедры оставались вакантными, между отдельными епископами и между епископами и аббатами возникали многочисленные споры по поводу разграничения сфер деятельности, для устранения которых требовались значительные усилия; основанием для иерархических преобразований были постановления собора 418 г., в котором принимал участие еще Августин. Этих старых установлений, однако, было недостаточно для решения многих новых проблем, которые зачастую были связаны с личными противоречиями руководителей церкви. Так, достоверно засвидетельствованы такие противоречия между митрополитом Бонифацием и бизаценским примасом Либератом; последний хотел доказать свою независимость от Карфагена и для этого «блокировал» большинством своих провинциальных клириков карфагенский собор. Вряд ли собор 525 г. мог рассчитывать на мавританских епископов, в столь большом количестве появившихся на «соборе» 484 г., так как вандалское влияние сохранилось только в нескольких прибрежных городах этой провинции; то же самое относится и к Нумидии, и удивления достойно уже то, что в Карфагене вообще появились четыре епископа из южной Нумидии, так как это могло произойти, собственно говоря, только с согласия соответствующих берберских князей, если не брать в расчет вандало-мавританское совладение в областях этих городов. Таким образом, собор 525 г. обнаруживает многочисленные парадоксы, два из которых кажутся особенно поразительными: 1. В ортодоксальной церкви, с трудом восстановленной в ее внешнем благосостоянии, тотчас обнаруживаются значительные внутренние противоречия. 2. Упадок вандалской мощи прямо и косвенно наносит вред ортодоксальной церкви, которая теперь располагает в Северной Африке крайне ограниченным «оперативным пространством». Эта взаимосвязь показательна, естественно, и в отношении вандалской политики.

И все же во многих аспектах тогдашняя африканская церковь вскоре вновь вступила в пору расцвета. Без сомнения, при этом большую роль сыграл авторитет испытанных и закаленных в изгнании епископов, и в особенности большой вклад в дело церковного преобразования, строительства монашества и развития современного богословия, несмотря на маргинальность своего статуса провинциального епископа, внес активно действовавший еще до 2 января 527 г. Фульгенций (72). В арианстве, по всей видимости, уже почти не предпринимали никаких действий против Фульгенция и его «школы», хотя арианская реакция, несомненно, планировала новое наступление при следующем короле — Гелимере.

«Разрыв» с арианством, как мы можем назвать проортодоксальную религиозную политику Хильдериха, во всяком случае поначалу не повлек за собой никаких нежелательных последствий. Поэтому король считал новое внутривластическое положение довольно стабильным и лишь пытался еще больше укрепить его с помощью изменения внешней политики. Говоря кратко, он отказался от

союза с остготами и пошел на тесное сближение с Византийской империей Юстина и Юстиниана, вновь возвращающейся в лоно ортодоксальной церкви. Нет ничего необычного в том, что Хильдерих чеканил монету с изображением Юстина, принимая во внимание сходную практику некоторых его предшественников или королей других переселившихся народов. Однако и литературные источники считают его почти что клиентом Юстина или Юстиниана, причем они, естественно, имеют в виду его «римское» происхождение. Кроме многочисленных вандальских группировок (например, окружение Гелимера), кажется, провизантийской и проортодоксальной политике Хильдериха сопротивление оказывали также Амалафрида и ее готская свита. И все-таки король мог с легкостью действовать наперекор вдове своего предшественника и ее свите: очевидно, к этому времени (начало 526 г.) он еще крепко сидел в седле. Когда Теодорих Великий узнал о смерти своей сестры в тюрьме, он начал подготовку к походу возмездия. Однако он скончался, а его внук и наследник Аталарих, находившийся под опекой своей матери Амаласвинты, вынужден был ограничиться письменным протестом (73). Если угроза со стороны остготов была предотвращена волей случая, тем больше беспокойства причиняли королю грабительские походы мавров, которые в конце концов стали доходить до восточного побережья Туниса. Племянник Хильдериха Гоамер, чье прозвище «вандальский Ахилл» позволяет говорить о соответствующем уровне его военном искусстве, смог одержать над маврами Дорсальских гор под предводительством Анталы лишь временную победу. Когда в конце концов он последовал за ними в горы (528—529 гг.), его войска, привыкшие только к конному бою, попав в засаду, потерпели сокрушительное поражение, о котором наряду с Прокопием убедительно и наглядно повествует поэт Корипп (74). Отныне восточное побережье вандальского государства с такими городами, как Руспа, Тапс и Гадрумет, лишилось какой-либо защиты и было тем самым отдано во власть берберских набегов; после смерти Фульгенция эти портовые города были преданы огню или по крайней мере основательно разграблены мавританскими войсками.

Само собой, внутренняя оппозиция до конца использовала военное фиаско Хильдериха и его сторонников. Заговор высокопоставленных вандалов сгруппировался вокруг Гелимера, который и был провозглашен претендентом на престол. Хильдерих был свергнут и заключен в тюрьму вместе с Гоамером и другими членами своей семьи. На его место 15 июня 530 г. вступил Гелимер, внук Гензона и сын Гейлариса. На нем заканчивается «галерея» вандальских королей (Куртуа).

Государство вандалов при Гелимере (530—533/34 гг.)

Так как Гелимер был замешан в заговор против своего предшественника и сразу же приступил к переменам во внутренней и внешней политике, направленным против ортодоксальной церкви и в определенном отношении против Византии, он вскоре столкнулся со значительными трудностями. Не случайно источники, отражающие в конечном счете ортодоксальные и римско-византийские представления, изображают его узурпатором и тираном, причем исключения не составляет даже объективный и приводящий довольно обоснованную аргументацию Прокопий (75). Вряд ли фактор «узурпации» произвел сильное впечатление на мавров (хотя Гелимер участвовал в разгроме войск Анталы), однако ортодоксальное провинциальное население, должно быть, отстранилось от нового короля, осознанно проводящего проарианскую политику, и в то же время оно могло надеяться на византийское освобождение и вряд ли опасалось больших притеснений со стороны императора.

Если положение Гелимера во внутренней политике с самого начала было очень тяжелым, то в политике внешней он вскоре столкнулся с еще более значительными трудностями. Остготы отказались признать его из страха перед Византией, с вестготским королевством не существовало тесных отношений, а стремящийся к экспансии император Юстиниан с самого начала занял враждебную позицию. Так как на первых порах император был занят неудачной войной с персами, сначала он ограничился нотой протеста, главной целью которой была попытка оставить Хильдериха по крайней мере в качестве «фиктивного» короля. Когда Гелимер ответил на это дерзкое требование лишь ужесточением содержания Хильдериха и ослеплением Гоамера, император письменно потребовал выдачи Хильдериха и Гоамера. Согласиться на это было бы безумием, ибо «фиктивный король» в руках Юстиниана мог, да и должен был стать поводом для разнообразных политических спекуляций. По сообщению Прокопия, Гелимер, разумеется, не только сообщил императору о своем

отказе, но и поставил себя в своем письме на одну ступень с Юстинианом в качестве василевса, что не могло быть воспринято иначе как беспримерная дерзость и провокация. Месть за это не заставила себя долго ждать.

Разразившаяся вскоре после этого война, которую, отталкиваясь от авторитетного описания Прокопия, следует называть «войной с вандалами», отягчена, так сказать, преднамеренной виновностью обеих сторон. Средства и цели были сомнительными как у Гелимера, так и у Юстиниана. Один пришел к власти как узурпатор или тиран и проявлял решимость безусловно отстаивать свои сомнительные права на престол, для другого узурпация явилась поводом вмешаться в далекие африканские проблемы и заявить свои притязания на территории, по договору уже давно отошедшие от империи. Прокопий ясно осознавал эту обоюдную виновность, однако Бертольд Рубин имел полное право с соответствующим ударением подчеркнуть, что историк «при всей антипатии к Гелимеру испытывал гораздо большую неприязнь к Юстиниану, иначе вряд ли бы он столь неприкрыто давал понять противоправность византийского вмешательства в африканские дела» (76). Юстиниану удалось в 532 г. заключить выгодный для обеих сторон мир с персидским царем Хосровом, и после поражения опасного восстания Ника он смог приступить к снаряжению войск Велизария против вандальского государства. Окончательное решение об объявлении войны состоялось только после долгих дискуссий, так как против очевидно дорогостоящего предприятия выступали важные финансовые и военные советники. В конечном итоге решающее значение для Юстиниана возымело, по всей видимости, указание одного епископа на страдания африканских ортодоксов. Таким образом, вновь был задействован фактор «Священной войны», который по крайней мере в формальном отношении придавал этим действиям желанный оттенок и смог бы сбалансировать провал, возможность которого все-таки не исключалась, по крайней мере в моральном плане.

Возможности набора войска были очень ограничены; наряду с личной гвардией главнокомандующего Велизария, которого сопровождали его супруга Антонина и историк Прокопий, армия насчитывала лишь 10 000 пехоты и 5000 всадников. Однако было собрано значительное количество военной техники и предоставлен в распоряжение довольно большой флот из 500 кораблей. Когда экспедиция началась летом 533 г., вследствие этих причин можно было рассчитывать на успех, нанеся удар по центральным областям вандальского королевства. Поспешно собранная экспедиция все-таки вряд ли могла пойти на войну на море. Однако вскоре оказалось, что опасаться контрудара со стороны вандалов было нечего; во-первых, Гелимер, по видимости, не ожидал скорого нападения византийцев, а во-вторых, его руки были связаны набегам мавров, отпадением знатного провинциала Пуденция в Триполитании и восстанием на Сардинии. Таким образом, византийцы появились как раз в тот момент, когда их противники оказались в довольно сложной ситуации, которую можно было использовать. Конечно, Гелимер и сам с почти преступным легкомыслием недооценил образ действий противника и тем самым способствовал его успехам. Не поверив в возможность византийского нападения, он послал элитные войска числом 5000 человек под командой своего брата Таты (Цазона) на 120 быстроходных парусниках на Сардинию, чтобы вновь овладеть островом, отпавшим вследствие измены наместника Годы (королевского раба готского происхождения). Тем самым он не только ослабил свои наземные вооруженные силы, но и скорее всего уже не располагал кораблями для обороны побережья. Естественно, эти обстоятельства пошли на пользу Велизария. После промежуточной высадки на Сицилии, где остготская королева Амаласвинта даже позволила византийцам закупить провизию и Прокопий предпринял необходимую разведку положения врага, византийский флот отплыл к африканскому берегу. 31 августа 533 г. войска высадились у предгорья Капут Вада (Рас Кабудия) и двинулись в сопровождении флота на север (77). К ходу экспедиции, до сих пор успешному, вскоре присоединились и преимущества в пропаганде. Велизарий повсюду находил сторонников среди населения провинций, по большей части придерживавшегося ортодоксального вероисповедания, заявлением, что византийские войска пришли только как «освободители» от тирании. Поначалу, пожалуй, этот лозунг был встречен с большим доверием, так как гражданское население еще не познакомилось с грабежами солдат Велизария, а еще меньше с византийскими налогами.

После оказавшейся для него внезапной высадки врага Гелимер потерял много времени на материальную, а также на психологическую подготовку к войне. Столица также осталась беззащитной перед возможным нападением византийского флота, когда Гелимер попытался

остановить вражеское продвижение у Децима (около 15 км на юг от Карфагена). Он смог лишь перегородить гавань цепями, взять под стражу византийских купцов, подозреваемых в заговоре, и казнить Хильдериха вместе с его римскими сторонниками. То, что Гелимер чувствовал себя уже крайне неуверенно, явствует не только из направленной вестготскому королю Тевду просьбы о помощи, но и, скорее, из того обстоятельства, что король вандалов послал своего тайного секретаря Бонифация со своей королевской сокровищницей в Гиппоне-Регии, откуда в случае проигрыша войны он должен был отплыть в государство вестготов. И все-таки король предпринимал энергичные попытки окружить византийцев у Децима, южнее Тунисского озера, тремя воинскими отрядами, имея в виду, несомненно, классические античные примеры подобных сражений. Это намерение провалилось, так как вандалские отряды были не очень сильны, а наступательные действия были плохо согласованы. Правда, король достиг тактического успеха, но не использовал его, так как после гибели своего брата Амматы он перестал надлежащим образом заниматься военными делами. Между тем Велизарий перестроил свои войска и конной атакой вечером 13 сентября 533 г. добился легкой победы над Гелимером. Так как Гелимер не мог думать о том, чтобы защищать от врага едва укрепленную столицу, он бежал в направлении Нумидии. Поэтому Карфаген достался византийскому полководцу без боя; там он попытался, также и с помощью мягкого обращения с попавшими в плен вандалами, создать благоприятное для себя настроение и нормализовать течение жизни. Поначалу население, очевидно, ничем не обременялось, а солдатские бесчинства строго карались. В особенности Велизарий заботился о скорейшем восстановлении укреплений. В Византии первые известия о победе вызвали быструю реакцию; жадный до успеха Юстиниан уже в постановлении от 21 ноября 533 г. принял триумфальные имена Alanicus, Vandalicus и Africanus (Аланский, Вандалский, Африканский), что все-таки кажется несколько преждевременным.

Ибо вандалы ни в коем случае еще не считали себя окончательно побежденными. Хотя Гелимер потерпел поражение, общее положение все же давало ему повод ко многим надеждам. Хотя испрашиваемая вестготская помощь не пришла, однако после удачного завершения сардинского похода со своими отборными частями вернулся Тата. Кроме того, вандалский король развернул активную пропаганду среди карфагенского населения и даже среди византийских войск, так что многие военные части Велизария, в особенности гунны и массагеты, стали колебаться. Мавританские князья, которые после успеха Велизария по большей части объявили себя сторонниками императора, также были увлечены этой агитацией, во всяком случае, они разрешили своим подданным сражаться на стороне вандалов.

Кроме того, Гелимеру удалось организовать нечто вроде партизанской войны населения страны против византийских войск, над которой хотя и иронизирует Прокопий, но которая сильно вредила по крайней мере византийскому обозу. Вряд ли будет преувеличением рассматривать эти различные выражения провандалских симпатий в Северной Африке как начало антивизантийского движения, которое, разумеется, приобрело активный характер только после долгого подготовительного периода. Во всяком случае, эти факторы дали Гелимеру сильный моральный импульс, и вскоре он решил предложить противнику бой у ворот Карфагена. Велизарий, естественно, не ответил на этот дерзкий вызов, а двинулся за отступающим вандалским королем, который отошел, будучи не в состоянии вести правильную осаду. Таким образом, в середине декабря 533 г. у Трикамара, приблизительно в 30 км от Карфагена (точная локализация невозможна), состоялось новое сражение. Вандалское построение было достаточно умелым; центр сформировали войска Таты, к которым были добавлены фланги из вандалских частей; второй (тыловой) эшелон был полностью составлен из мавританских вспомогательных отрядов. В некотором соответствии с этим построением византийский центр состоял из личного отряда Велизария, в то время как федераты образовали левый, а регулярные войска — правый фланг. Определенная нерешительность вандалов, которых Гелимер не сумел вовремя пустить в атаку, вновь обернулась роковой ошибкой. Тэта до самой своей гибели в гуще сражения оказывал ожесточенное сопротивление атаковавшей гвардии Велизария. Затем дело дошло до общего бегства вандалов, прежде всего до бегства короля в сопровождении немногочисленной свиты в отдаленный горный массив Эдуг к западу от Гиппона-Регия (78). То, что король признал свое дело проигранным, послужило началом всеобщего распада. Лагерь с женщинами, детьми и богатой казной попал в руки Велизария, который в кратчайшие сроки приступил к полной ликвидации остатков вандалского королевства. Бежавшие вандалы по

возможности захватывались в плен, а важнейшие опорные пункты бывшего государства вандалов, такие как Сардиния, Корсика, Балеарские острова и укрепления Гиппона-Регия, Цезарея, Септон и Гадейра, занимались небольшими отрядами Велизария. На всей завоеванной территории очень скоро начала работать византийская администрация, что тождественно тяжелому гнету налогов, обрушившемуся на гражданское население. Война и бюрократия чрезвычайно быстро поглотили благосостояние, накапливавшееся в течение вандальского правления.

Между тем Гелимер еще до марта или апреля 534 г. держался в недоступном горном массиве Эдуг, где он пользовался также защитой верных мавританских подданных. Однако к делу целенаправленно приступил специальный отряд под руководством Фары, которому почти что удалось уморить несчастного короля голодом. Дело дошло до переговоров, и Гелимер в конце концов сдался, получив гарантии того, что он будет возведен в звание патриция и получит обширные земельные владения.

Тем самым история последнего короля вандалов подходит к концу. Дружелюбно принятый Велизарием в Карфагене, он вместе с другими военнопленными и добычей тотчас был перевезен в Константинополь, где шла подготовка к торжествам по случаю победы, в центре которых стояло триумфальное шествие удачливого полководца. Как высоко, должно быть, оценил победу над вандалами Юстиниан, если он, для которого в других случаях важна была лишь собственная слава, оказал такие почести Велизарии! Гелимер был тут же наделен владением в Галатии и закончил свой жизненный путь, начинавшийся со столь большими надеждами, как «ленник» императора. Так как он продолжал придерживаться своих арианских убеждений, он не получил обещанного ему поначалу титула патриция.

Кр. Куртуа недавно вновь совершенно справедливо указал на чрезвычайно эпигонские, даже патологические черты характера последнего короля вандалов (79). Наделенный блестящими дарованиями, даже можно сказать, преданный музам король был, во всяком случае, совинновником разрушения своего государства. О его узурпации можно думать все что угодно: как бы то ни было, ему следовало бы придерживаться однажды выбранной энергичной политики, не позволяя сомнениям и упрекам отклонять себя с взятого курса. Описанный Прокопием эпизод, в соответствии с которым король вскоре после начала войны послал своего тайного советника с королевской казной в Гиппон-Регий, чтобы спасти бесценные сокровища — которые затем все равно попали в руки византийцев — и в случае необходимости увезти их в королевство вестготов, наводит на размышления. Гелимер не был уверен в своей победе и, пожалуй, также в своем государстве и потому очень плохо организовал и проводил сопротивление против Византии как в целом, так и в деталях. Ответственность, добровольно взятая им на себя, была для него слишком тяжела. Конечно, не он один противостоит Гейзериху в качестве эпигона; династия Хасдингов, как почти все династии Великого переселения народов, очень быстро истощилась и показала себя неспособной совладать с идущим высокими темпами процессом романизации. Естественно, этот приговор относится ко всей совокупности вандалов и аланов, поселившихся в Африке. После первых блестящих успехов они ослабели в своем благополучии и пали жертвой влияния чуждого окружения, не вступив в позитивный контакт с местным населением. То, что конец наступил так быстро, все же следует приписать личным недостаткам Гелимера. Более удачная внешняя политика или же более умелое военное руководство короля могли бы скорее всего обеспечить вандальскому государству существование еще на несколько десятилетий.

Глава VI

Византийские преобразования и последние вандалы

Быстрое и почти беспрепятственное завоевание Северной Африки византийскими войсками под предводительством Велизария рассматривалось современниками как большой успех. Сторонники Рима и приверженцы ортодоксальной веры повсюду испытали величайшее удовлетворение от поражения еретиков-вандалов, тем более что эта победа, казалось, несла возможность восстановления Римской империи в ее прежнем величии. Император Юстиниан сплел лично себе триумфальный венок из успехов своего полководца и почувствовал себя великим

повелителем позднеримской эпохи. Об этом свидетельствует не только принятие триумфальных имен *Vandalicus*, *Alanicus* и *Africanus* (Вандальский, Аланский, Африканский), связанное с временами расцвета политики римской экспансии, но и помещение на бронзовых воротах константинопольского дворца большой мозаики. На ней изображен сам император с Феодорой в окружении славословящего сената, принимающий знаки верности от победоносного военачальника и побежденного короля, в последний раз облаченного в пурпур. О триумфе красноречиво свидетельствует также большой золотой медальон (1) стоимостью 36 солидов, на котором изображен одетый в панцирь император с нимбом, крылатым шлемом и диадемой; император держит в правой руке копье, в то время как левое плечо прикрыто щитом. На оборотной стороне представлен сидящий верхом Юстиниан с нимбом, крылатым шлемом и диадемой, перед которым шествует крылатая Ника с пальмовой ветвью и трофеями. Надписи на передней и оборотной стороне гласят: *D(omi)n(us) Iustinianus p(ater) p(atriciae) Aug(ustus) — Salus et Gloria Romanorum* ([Наш] господин Юстиниан, отец отечества [и] август — спасение и слава римлян). Хотя медальон и в изображении, и в надписи передает исключительно древние представления о победе и славе, не следует недооценивать его как исторический документ, ибо тем самым был дан формальный повод к прославлению императора. По сообщению позднего византийского писателя Кедрата, в честь Велизария и его победы над вандалами был также отчеканен особый медальон, славивший военачальника как «славу римлян».

Оборотная сторона торжеств и славословий по случаю победы проявилась прежде всего в трудностях, сразу же возникших при административном преобразовании Северной Африки. Мы, естественно, должны считаться со значительным попустительством поздневандалского управления страной, принявшим скорее всего катастрофические размеры из-за войны и постоянных берберских набегов. Взимание налогов было, несомненно, в очень плохом состоянии, и вследствие опустошений в городе и сельской местности — как и во время нашествия вандалов — дело дошло до повального бегства рабов и колонов, что повлекло за собой возникновение нехватки рабочей силы. Африканская префектура претория, наряду с Востоком и Иллирией теперь третья префектура империи, пыталась ускоренными темпами устранить эти неисправности. И это ей удалось, прежде всего под руководством Соломона, преемника Велизария, только при поддержке большого бюрократического аппарата, который затмил даже систему позднеримской эпохи (2). Так, в подчинении у префекта претории находились десять бюро с 118-ю функционерами и к тому же девять корпораций вспомогательных служащих. Губернаторы провинций, состоявшие в ранге «*consulares*» и «*praesides*», равным образом располагали многочисленным персоналом. Однако в особенности больших денежных и людских затрат для прямого участия и для управления требовала оборона страны: во главе африканского войска стоял не *comes* (комит), как это было приблизительно до 432 г.; была предусмотрена более высокая должность «*magister militum*» (магистр милитум), которому подчинялось большое число «*duces*» (дуксов). Так как ввиду отдаленности Африки от Константинополя оборона страны с самого начала сталкивалась со значительными сложностями (мавританская угроза!), было создано большое регулярное войско, правда, по преимуществу с оборонительными задачами. Принцип глубоко эшелонированной обороны границ, ставший обычным прежде всего со времен Диоклетиана, был приспособлен Соломоном к новым африканским условиям. Наряду с портами Русгунией (Лаперуз), Цезареей (Шершель) и т. д. внутри страны были сильно укреплены — большей частью после подавления мавританского сопротивления — такие города, как Тубуны (Тобна), Ламбесис (Ламбез), Маскула (Кенхела) или Тамугади (Тимгад), причем весьма охотно использовались и прежние субструктуры. Исследования последних лет и десятилетий точнее определили или исследовали также укрепления Ситифиса (Сетиф), Тебесты (Тебесса), Аммедара (Хайдра) или Лимисы (Ксар Лемса). По различным причинам мавританское кольцо часто очень сильно сжималось; если надстраивали или встраивали что-либо в остатки прежних сооружений, тем самым экономились деньги и усилия. С другой стороны, мощные, но маленькие крепости с довольно незначительным числом обороняющихся тоже можно было удерживать с хорошими шансами на успех. Естественно, во время византийского строительства были разрушены многие здания большой историко-художественной ценности, а арабское нашествие с середины VII века вторично прошло по еще сохранившимся памятникам зодчества, так что археологические остатки из античного времени на сегодняшний день остаются большой редкостью.

В византийском преобразовании Северной Африки первостепенное место с самого начала заняла и ортодоксальная церковь (3). Она частью автоматически, частью по своей воле оказалась в роли союзника новых политических властей. Ортодоксальная церковь получила обратно всю свою прежнюю недвижимость, если она уже не была восстановлена в правах на нее при Хильдерихе, и ей было предоставлено абсолютное преимущество перед другими религиозными общинами. Ариане, донатисты или иные еретики вследствие восстановления антиеретического законодательства были лишены почти что любой возможности противодействовать вновь занявшей господствующее положение ортодоксальной церкви. У иудеев теперь также были отняты все синагоги. Решения соборов этого времени, прежде всего акты карфагенского собора 535 г., проходившего под председательством нового митрополита Репарата, подтверждают серьезность намерений поставить церковную и моральную жизнь на твердый фундамент. Ущерб, нанесенный церковной организации правлением вандалов, был быстро преодолен, а общины, как и монастыри, по большей части получили возможность беспрепятственно развиваться дальше. Естественно, ортодоксальный мир в первые годы восточно-римского господства был настроен чрезвычайно провизантийски. Прежде всего почитался император Юстиниан, называвшийся освободителем церкви «из столетнего заключения». То, что тогда византийское влияние принималось охотно, проявляется прежде всего во внешнем убранстве зданий. Так, церковная архитектура и орнаментальное искусство обогащались восточными мотивами; в культовых сооружениях Мастера мозаики также «ориентировали» свои работы, отличавшиеся богатой полихромией, на византийские образцы и потому сближались с равеннским направлением.

Однако уже в ходе 40-х годов из-за спора о Трех главах, возникшего в результате стремления Юстиниана победить монофизитов, не отказываясь от халкидонского учения, дело дошло до серьезного разрыва. Так как папа Вигилий в 548 г. согласился с императором, наряду с другими областями от папы отреклась и Африка. Закаленная памятью о прежних периодах гонений, африканская церковь, догматика которой основывалась на примерах таких церковных авторитетов, как Киприан, Августин или Фульгенций, из-за своей несговорчивости вновь оказалась в положении преследуемой. Для современника этих событий, епископа Виктора из Тоннута (ум. после 566 г.), Юстиниан опять был гонителем.

В то время как ортодоксальная церковь все-таки относительно поздно оказалась в противостоянии с византийской администрацией, среди довольно значительной части провинциального населения оппозиционные течения возникли почти непосредственно вслед за завоеванием Северной Африки. Тогда же возобновились и набеги со стороны берберов и мавров. Активность и личные качества префекта претория Соломона (4) устранили множество кризисов, но и привели к возникновению новых трудностей. Сначала Соломон в 534 г. отбивал нападения князя Иауды, который в качестве правителя Авреса производил опустошительные набеги на Нумидию, и триполитанских кочевников на верблюдах, которые ворвались в Бизацену. Естественно, в результате такой «войны на два фронта» византийские контингенты расплылись; некоторые конные подразделения, находившиеся под началом гунна Эгана и фракийца Руфина, даже были полностью уничтожены. И все же вскоре Соломон возымел успех: в 535 г. он даже, как сообщают, уничтожил свыше 50 000 берберов, что звучит совершенно неправдоподобно, так что в данном случае следует учитывать античную или псевдоантичную традицию количественных преувеличений. Теперь византийский полководец смог очистить от наступающих кочевых племен среднюю полосу и наконец решил приступить к полному захвату массива Аврес, который в сущности не находился во власти Рима и в эпоху империи. Однако из-за ненадежности местных вспомогательных контингентов от этого плана пришлось отказаться, и вскоре префект был вынужден заняться другими, внутренними проблемами. В Северной Африке все больше и больше выкристаллизовывалось движение сопротивления, состоявшее из отбившихся от своих частей вандалов, ненадежных византийских солдат и провинциалов, обремененных тяжелой византийской налоговой системой. Берберы также легко вступали в это движение. По сообщению Прокопия (5), обострению напряжения способствовали доставшиеся византийским солдатам в качестве военной добычи вандальские женщины; часто они побуждали своих теперешних супругов заявлять свои притязания на их прежние владения в наделах вандалов (*sortes Vandalorum*), которые между тем были конфискованы в казну и в личную собственность императора. Объявленный между тем запрет на арианское богослужение вызвал много волнений и предоставил рассеянным по стране арианским

священникам широкие возможности для антивизантийской агитации. Возможно, особенный толчок движению сообщили бежавшие из византийского плена вандалы. Среди них находился целый отряд, который Велизарий составил наряду с четырьмя другими подразделениями из плененных вандалов и направил на восток: по пути часть взбунтовалась и, одолев византийские корабельные команды, вернулась в Африку. На пасхальные торжества 536 г. (23 марта) в кафедральной церкви Карфагена было запланировано убийство Соломона, резкость которого особенно раздражала солдат. Префект вовремя узнал о готовящемся покушении и бежал на Сицилию, которую Велизарий к тому времени уже отнял у остготов. Опытный полководец тут же двинулся в Африку, чтобы уничтожить заговор.

Между тем под руководством Стоцы, бывшего византийского телохранителя, на равнине Булла Регия собралось по меньшей мере 8000 восставших, среди которых было множество вандалов. Стоца предпринял внезапное нападение на Карфаген, но получив известие о прибытии Велизария, спешно отошел назад. Полководец начал преследование и застиг мятежников под Мембресой (Меджес эльБаб в долине реки Баграды), где одержал легкую победу. Наряду с другой добычей в его руки попало множество вандальских женщин, считавшихся зачинщицами мятежа. Главкомандующим византийским войском в Африке стал затем двоюродный брат Юстиниана Герман, также успешно сражавшийся со Стоцей. Герман одержал у Горы Ватерес решающую победу над предводителем восставших, которому удалось бежать в Мавританию в сопровождении небольшого числа вандалов.

Когда Соломон в 539 г. вновь получил должность африканского главкомандующего, он приказал выдворить из страны многих подстрекателей, среди них прежде всего вандалов и вандальских женщин. Затем военачальник сражался с маврами Анталы и погиб в битве при Колонии Киллитана (544 г.). Теперь Стоца, который тем временем женился на берберской принцессе, вновь начал действовать, набрав берберские, вандальские и римские войска. Ему противостоял способный византийский командующий Иоанн, сын Сисинниола; и все же войска Стоцы присоединились к нумидийскому командующему-узурпатору Гонтарису, который в марте 546 г. приказал убить нового главкомандующего Ареовинда. И опять, казалось, дело восставших ожидает успех. Однако на праздничной трапезе Гонтарис был убит своей свитой, в том числе несколькими знатными вандалами. Его приверженцы, по большей части вандальского происхождения, выжили только потому, что прибегли к защите церкви, но все-таки были выдворены в Византию. Тем самым закончилось последнее достойное упоминание сопротивления в Северной Африке с участием вандалов. Остатки вандальского населения в области Магриба были, несомненно, крайне незначительны и растворились в ходе истории среди массы римских и берберских группировок. Маловероятно, что существующий еще и сегодня среди берберского населения светлокожий и долихоцефальный тип восходит к вандальскому или вообще германскому присутствию.

Глава VII

Вандальское государство как политически-военная и культурная общность

Королевская власть и государство

Ход нашего изложения, без сомнения, показал, что внешний вид и мощь вандальского государства основывались прежде всего на авторитете и достижениях королевской власти (1). Статус государя, достигнутый Гейзерихом, сначала оправдывал все ожидания, и — как явствует из событий 454 г. или из мирного договора 474 г. — королевская власть привела вандальское государство к высшей точке развития, о которой свидетельствуют внешнеполитический вес, а также коллективное и индивидуальное благосостояние вандалов-аланов. К сожалению, имеющиеся источники не дают возможности судить о степени участия вандалов и аланов в достижении такого положения; и все-таки король не мог проводить свою политику без активного содействия своих соплеменников и многочисленных «коллорационистов» из римского и берберского населения. Осуществление вандальских притязаний и связанное с этим обогащение вплоть до смерти Гейзериха во многом обуславливалось чрезвычайно благоприятными обстоятельствами. Поэтому не следует

переоценивать политико-военные достижения короля и его соотечественников: по меньшей мере спорно, смог бы Гейзерих, столкнувшись с Юстинианом, Велизарием или Нарсесом, достичь того, что почти как перезревший плод упало в его руки в спорах с Валентинианом III, Львом I, Зиномом и их советниками или военачальниками. Упадок вандальского государства при Гунерихе и прежде всего при Хильдерихе ясно говорит об этом. Однако для нас в первую очередь важны роль и место короля в государстве в течение всего времени существования африканского королевства.

Король еще с иберийских времен именовался «*rex Wanda-logum et Alanorum*» (король вандалов и аланов) и тем самым обладал высшей властью над обоими племенами, которые и являлись действительными носителями государственного суверенитета (2). В соответствии с античной мыслью, государство и представляющие государство слои неразделимы, по крайней мере в теории. То, что на практике может быть иначе, учит история Римской империи, так же как и история государства вандалов, в котором, естественно, римские представления постоянно сталкивались с германским образом мышления. Представления о власти, суверенитете или разделении властей не становились яснее от постоянного сравнения; впрочем, это вряд ли входило в намерения королей, которые при неустойчивом толковании этих понятий всегда могли интерпретировать их в свою пользу и выработать идеологию власти из самых гетерогенных элементов. В этом отношении интересно, что вандальские короли — а также, разумеется, знать — под римским влиянием присвоили титул «*dominus*» (господин); соответствующий статус «*maiestas regia*» (королевское величество) упоминается чаще, и даже противники вандальского арианства говорят о главных добродетелях короля (*clementia, pietas, mansuetudo* (милосердие, благочестие, кротость)) (3), который тем самым в какой-то степени приближается к классическому идеалу «наилучшего императора» (*optimus princeps*) (4). Поразительно, но даже ортодоксальные источники поддерживают такое самотолкование вандальской королевской власти, которое часто проявляется в используемых церковными авторами цитатах из актов — в официальных, таким образом, документах. Судя по изображениям на монетах, вандальский король носил нагрудный панцирь и военный плащ, а также — как знак суверенитета — диадему. О знаках царского достоинства вроде жезла и короны до сих пор ничего не известно. Прокопий сообщает, что Гелимер носил пурпурное одеяние, которое было с него снято только после триумфального шествия в Константинополе (5).

После захвата Карфагена в 439 г. на территориях, находившихся под властью вандалов, летоисчисление велось по годам правления короля, что стало привычно также и для римлян провинции (6). В чеканке монет Хасдинги также проявляли — хотя и с большими различиями в деталях — свою независимость от Византии, чего мы не видим, например, у Теодориха Великого. Власть и формальные прерогативы короля особенно ярко выражались в политической и военной деятельности, которая основывалась на его полной власти над государственным управлением, наборами в армию и флотом. Особенной характеристикой королевской власти и княжеского почета являлась все же свита, телохранители и вообще двор (*domus regia, aula, palatium*). С некоторыми отклонениями от Людвиг Шмидта (7) в качестве обобщения можно сказать, что полномочия суверена — прежде всего с 442 г. — распространялись на военное командование, высшую судебную власть наряду с законодательной и исполнительной властью, на администрацию, на финансовую и полицейскую службы и церковную власть; король в качестве кого-то вроде верховного епископа стоял над арианским патриархом, он же в качестве политического главы государства присвоил себе и верховную власть над ортодоксальной церковью. Разделение государства и церкви, стремление к которому возникло в позднеримскую эпоху и которое в конечном итоге во многом было претворено в жизнь, не принималось вандальскими правителями. Гунерих сверх выдвигавшихся уже Гейзерихом требований претендовал, очевидно, в некоторой степени даже на высшую духовную власть над всеми подданными государства.

В то время как вандальская королевская власть, связанная с родом Хасдингов, до иберийских времен и, по-видимому, еще в период африканского вторжения подвергалась определенным ограничениям со стороны родовой знати, то после подавления восстания знати в 442 г. она превратилась в абсолютную деспотию. Наряду с материальными опорами — войском, флотом и служилой знатью, а также государственной бюрократией — Гейзерих заложил и идеологические основы такого государственного устройства: во-первых, принцип наследования по старшинству, а во-вторых, арианскую церковь, которая, очевидно, соответствовала требованиям короля. Так как самое позднее начиная с 442 г. свободные соплеменники в качестве подданных («*subiecti*»)

сравнивались с римским провинциальным населением, вследствие чего король приобрел право наказывать их, руководствуясь исключительно своей волей. Это королевское право стало для многих вандалов роковым, и не только при Гунерихе, причем политические обоснования наказаний конкурировали с религиозными. И все-таки эта деспотическая власть, прямо зафиксированная в законодательстве, не наталкивалась ни на какие принципиальные возражения со стороны германцев. Жителями провинции, гораздо лучше знакомыми с судебским произволом, она была признана равным образом, коль скоро вандалское государство приобрело необходимый авторитет как во внешне-, так и во внутривластной сфере. Это показывают не только высказывания придворных поэтов (Драконция [!], Луксория, Флорентина), но и многочисленные замечания ортодоксальных писателей, которые, несмотря на разнообразные опасения, теперь не могли не учитывать самого факта вандалского господства. Наряду с Виктором из Виты епископ Фульгенций Руспийский представляет собой лучший пример сотрудничества с идеологией вандалских властителей — что включало и признание права наложения наказаний! — без какого-либо признания связанного с вандалами арианства. Естественно, королевский деспотизм в более спокойные периоды развития считался как с интересами собственных соплеменников, так и (частично) с интересами провинциалов, чтобы предотвратить опасность объединения всех недовольных. Кажется, правление Гунериха и в этом отношении по большей части носило исключительный характер. Впрочем, в обмен на лишение политических прав вандалы и аланы получили равноценные привилегии: их земельные наделы — в противоположность остготам Теодориха — не облагались налогами, а вследствие частых военных походов они получали достаточно возможностей отличиться и обогатиться за счет захваченной добычи.

Возможно, лишь незадолго до 477 г. так называемым завещанием Гейзериха был окончательно установлен порядок наследования престола по принципу старшинства. Власть, считавшаяся родовой собственностью королевской династии («*stirps regia*»), должна была переходить к старейшему на данный момент потомку Гейзериха мужского пола, чтобы избежать любой междоусобицы. Кажется, благодаря этому плану династия Хасдингов значительно укрепилась, а разнообразные опасности регентства или даже разделения государства были исключены. Мудрое и предусмотрительное решение Гейзериха вскоре, однако, показало свою недостаточность: сам он и прежде всего Гунерих были вынуждены уничтожить своих родственников, и все же после смерти Трасамунда трон получил слабый Хильдерих, неспособность которого к управлению страной повлекла за собой незаконный захват власти Гелимером. Очевидно, с принципом старшинства были связаны различные положения законов, которые относились к неправящим Хасдингам и массе рядовых вандалов. Однако традиция в данном случае не высказывается точнее, так что по этому вопросу мы не знаем никаких подробностей, как и в целом по многим деталям истории вандалского права. Так как преемники Гейзериха также не предприняли никакой кодификации действующего законодательства, наши источники в этом отношении предоставляют гораздо меньше сведений, чем источники по истории вестготов, бургундов или франков, которым мы обязаны объемными собраниями законов (8).

Анализируя силу, суверенитет и легитимность королевской власти у вандалов (к сожалению, этот анализ с неизбежностью носит чрезвычайно отрывочный характер), приходится пользоваться самыми различными источниками (германскими, римскими, берберскими и восточными) и материалами (надписи, монеты, литературные произведения, иногда содержащие отрывки актов). Кроме того, следует учитывать хронологические различия: в то время как сам Гейзерих сформировал и укрепил свою королевскую власть на основании собственных военных и политически-дипломатических успехов, почти все его преемники только пользовались его наследием, но зачастую тем сильнее обращали внимание на внешнее значение королевского достоинства (Гунерих, Трасамунд).

Мы не придем к четким выводам, если попытаемся отделить королевскую власть от власти государственной: деспотизм государя столь пронизал все государственные функции и сделал их столь зависимыми от себя, что публичная власть казалась практически невозможной без короля; в этом проявляется основополагающее различие с Римской империей; позднеимперское *res publica* (государство) было способно существовать и без императора, в то время как вандалское государство после насильственной смены своего устройства в 442 г. — как показывает его конец при Гелимере — существовало и умерло вместе с королем. В этом мы могли бы видеть дополнительное

свидетельство недопущения к политической жизни свободных вандалов и аланов, которые хотя и стали со времен нашествия правящим классом, все же уступили королю все прерогативы, вытекающие из прав завоевателей. Тем самым, естественно, можно признать определенную справедливость определения Г. Ферреро, критиковавшегося выше (9). В сущности, в новообразованиях, появившихся на территории империи в результате переселения народов, возникает положение, аномальное с точки зрения государственного права. Эти государства — представляемые королем и широким слоем знати и свободных соплеменников — в результате соответствующих договоров с Западной или Восточной Римской империями приобретают независимость; однако вскоре этот суверенитет переходит исключительно на государей, которые пытаются повысить свою власть и легитимность с помощью дальнейших завоеваний, соглашений и династических браков. В ходе этого процесса политического развития короли все еще нуждались в помощи собственных соплеменников, и все же те были низведены до положения военной касты и тем самым лишены всех возможностей дальнейшего развития. В типичном случае важнейшие функции управления, к выполнению которых часто привлекались также церковные служащие, были заняты римлянами, так что возникает противоборство военной и политической функций и самих функционеров (самый близкий пример: государство остготов при Теодорихе). Короли попеременно использовали германцев против римлян, а римлян против германцев и тем самым окончательно изменили свой статус, который стал сильно отличаться от их положения в эпоху завоевания Северной Африки, когда короли были лишь немногим выше родовой знати.

В той мере, в которой государствам, образовавшимся в результате Великого переселения народов, удалось наряду с суверенитетом обрести легитимность, речь идет скорее, естественно, о монархической, а не о демократической легитимности. Именно вандальское королевство является наглядным примером того, как, начиная с 442 г., был достигнут полный государственный суверенитет, одновременно «перенесенный» на государя, который затем создает свою династию и стремится к установлению ее легитимности. Если, как мы показали выше в анализе различных письменных свидетельств, подобная легитимность постоянно оспаривалась у варваров как таковых, то у короля новообразованного государства, в котором варвары составляли одновременно правящий класс и меньшинство населения, было больше перспектив, если он стремился к легитимизации своей личной власти. Династический брак наряду с другими дипломатическими средствами оказался для Хасдингов подходящим инструментом, чтобы заставить стихнуть до сих пор еще выдвигавшиеся возражения против легитимности вандальского господства. Положение дел вполне можно объяснить простой конфронтацией: Валентиниан III с того времени, как он обручил свою дочь Евдокию с наследником вандальского престола Гунерихом, больше не мог выдвинуть никаких основательных возражений против равенства и легитимности династии Хасдингов; однако он и позже продолжал критиковать последствия вандальских опустошений. Во всяком случае, общей тенденцией поздних римских политиков и писателей является прославление варварских правителей, часто импонировавших им своими достижениями, но одновременно третирование их соплеменников как грабителей и дикарей. Нельзя недооценивать лежащее в основе такого подхода намерение разделить «короля» и «народ». Какая ошибка содержится в подобной оценке, не требует дальнейших разъяснений.

Ибо именно в случае вандальского государства вся власть принадлежала королю, которого и следовало бы называть «грабителем» или основателем грабительского паразитирующего общества. Государство и образующие его слои населения находились в полном распоряжении монарха, к которому можно было бы уверенно приложить термин Нового времени «суверен». Гейзерих мог бы с полным правом взять в качестве девиза слова Людовика XIV «Государство — это я»; в действительности он сумел сконцентрировать государственную власть в своих руках в еще большей степени, чем абсолютный монарх, и рассматривал территорию своего государства как нечто вроде королевского домена. При его наследниках началось определенное послабление, из-за чего в конце концов стала возможна узурпация Гелимером трона своего «суверена» Хильдериха.

Родовая знать, служилая знать и рядовые вандалы

Институционально главными опорами вандальского трона являлись войско, флот и бюрократия, однако персонально мы можем — несмотря на все ограничения — считать такими же опорами и различные вандальские «сословия». Несмотря на королевский деспотизм, вандалы, к которым мы, естественно, причисляем и группы аланов, участвовавшие в переселении, во многом определяли судьбы североафриканского государства, так как «de facto» иначе не могло и быть. Если король, начиная с 442 г., сильно урезал политическую роль родовой знати, которая, по нашим сведениям о положении дел, состояла в основном из не-правлящих Хасдингов, то он все же был вынужден от случая к случаю сотрудничать с ее представителями; то же самое относится и к остальным свободным вандалам. Внешне жизнь аристократии выглядела достаточно блестяще. Подобно королю, она жила в своих замках и усадьбах, окруженных парками, и распоряжалась множеством рабов, колонов и подчиненных римского или германского происхождения. В аристократических домах были даже свои «придворные капелланы». До нас по большей части дошли имена знатных вандалов, и часто мы располагаем сведениями и об их родственных и иных отношениях с королем (10). Нередко аристократы выступали в качестве руководителей войсковых и флотских соединений. О таких принцах, как Гоамер, Гоагейс, Тата, Аммата или Гибаmund известно, что они были хорошими воинами, в то время как другие знатные люди, по всей видимости, больше занимались своими домашними делами или, например, славились как строители. Говоря о времени Гейзериха и Гунериха, мы, несомненно, должны считаться с «внутренней эмиграцией» этих кругов, чья общественная деятельность довольно часто встречала препятствия. Вполне объяснимо и то, что многие аристократы в последний кризисный период существования государства, при Хильдерихе и Гелимере, вновь ярко начинают проявлять себя на политической арене. При Хильдерихе снизилось влияние королевской власти на военный сектор, а благодаря узурпации Гелимера оно ослабло еще больше, так как королевская власть другими государствами больше не рассматривалась как легитимная. Теперь вновь потребовалась помощь аристократов, которые тем самым показали, что, несмотря на королевскую опеку, их сословие смогло развиться до уровня своеобразного феодального класса. Конечно, по этому поводу было бы преждевременно составлять сколько-нибудь обобщающее суждение. Знатные «господа» ни в коем случае не являются для нас столь известными личностями, чтобы можно было представить их сколько-нибудь подробную биографию. В отдельных случаях можно говорить только о том или ином роде деятельности или периоде жизни. Если какой-нибудь Гоамер считался «вандальским Ахиллом» и — до последней битвы с Анталой — успешно оборонял вандальскую территорию, это определенным образом освещает его военные способности. В остальном этот пленник Гелимера, ослепленный в тюрьме и умерший там по неизвестным причинам, предстает перед нами лишь по косвенным сведениям (11). Даже такой несомненно выдающийся для своего слоя и времени человек, как племянник Гелимера (или его брат) Гибаmund, известен нам исключительно в качестве предводителя одного из войсковых соединений в битве при Дециме, в которой он погиб от рук массагетов, и как строитель знаменитых зданий туниских терм (12). Таким образом, мы не можем восстановить жизненный путь вандальских аристократов, что не удивительно, если и некоторых королевей все еще окутывает туман.

Еще хуже обстоят дела со сведениями о так называемой служилой знати, которая, начиная с 442 г., стала выдвигаться в качестве изолирующего слоя между королем и аристократией, однако по своему социальному статусу, естественно, находилась ниже «высшей знати». В целом известно только 14 имен таких «министериалов», а именно четыре вандальских и десять римских (13). Их количественное соотношение хоть и обусловлено определенными случайными факторами, но все же дает представление о структуре служилой знати, чрезвычайно смешанной в этническом отношении. Скорее всего, начиная с 442 г., это сословие служащих набирало все большую силу как в количественном отношении, так и по своей значимости: король нуждался в них как в военной сфере, так и в управлении государством и доменом; нам также известно о многочисленном персонале аристократических домов, который следует причислять к служилой знати. Часто сложно отличить высокопоставленных рабов и колонов от служилой аристократии. Служилая знать, должно быть, состояла из свободных граждан, однако мы не можем привести никаких доказательств этого предположения. По крайней мере, встречались промежуточные варианты, так, например, раб готского происхождения по имени Гоа, принадлежавший Гелимеру, в качестве наместника

Сардинии достиг одного из наивысших и важнейших в военном отношении постов в государстве. В ортодоксальной литературе позднего вандальского периода говорится также о королевских рабах, пользовавшихся доверием повелителя и исполнявших важные поручения (14). Следует учитывать сильную градацию внутри самой служилой аристократии, а также различные виды деятельности, обусловленные принадлежностью к разным ведомствам. Так, существовало учрежденное в первую очередь для провинциалов самоуправление, во главе с «proconsul Carthagini» (проконсулом Карфагена) (15), под началом которого, вероятно, состояли губернаторы провинций. В этом ведомстве имелись также различные категории финансовых служащих (procuratores) и судей (iudices). Во главе же вандальской администрации, которую следует, пожалуй, рассматривать просто как государственную администрацию, стоял «препозит империи» (praepositus regni), которому подчинялись министерялы, обозначаемые как «referendarius», «notarius» и «primiscriniarius». В рамках военной карьеры, с другой стороны, наибольшей важностью обладали millenarii (тысячники), которым также были доверены задачи управления поселениями, соответствующими «тысячам». При королевском дворе находились функционеры с названиями должностей «baiuli», «ministri regis» (королевские чиновники), «domestici» (служители) или «comites» («комиты»), причем последние, подобно графам каролингской эпохи, очевидно, занимали очень высокое положение. Слуги, заведовавшие королевскими и аристократическими хозяйствами, назывались, подобно финансовым служащим городов и провинций, «procuratores». Вся эта система должностей мало исследована из-за недостатка источников по истории права, однако восходит, как показывает языковая и литературная традиция, к римским и германским корням. Исследование вестготского, бургундского или франкского права проясняет справедливость такого сопоставления, не проливая свет на детали собственно вандальского права. Особенно существенным мне кажется часто высказывавшееся предположение, что служилая знать во многом демонстрирует зачатки дофеодальной и феодальной системы. Для этой системы характерны тесные личные отношения подчинения и верности королю и принцам, за что те «наделяли леном», оказывали покровительство и содержали служилый люд. Предательство «вассалов» чрезвычайно жестоко наказывалось при Гейзерихе и Гунерихе, и королевская подозрительность в этом отношении никогда не переставала бодрствовать. С другой стороны, служилая знать обеспечивалась денежными и натуральными вознаграждениями, в случае если не «наделялась земельными ленами». Эти формы натурального хозяйства также напоминают феодализм; правда, невозможно определить, насколько феодальным стал и способ производства. Положение одного тысячника, довольно точно описанное у Виктора из Виты, по всей видимости, репрезентирует переходную стадию между рабовладельческим и феодальным обществом: этот чин обладал большим состоянием, а также многочисленными стадами и рабами. Не-свободные исполняли самые разные функции, также и функции оружейника, и ни в коей мере не угнетались, но и не могли не подчиняться распоряжениям господина. В противном случае они должны считаться с возможностью суровых кар, даже с вмешательством короля в исполнение наказания. Последнее поразительно, так как по римской традиции, в соответствии с действующим правом, раба мог наказывать один лишь господин. Однако, очевидно, вандальские рабовладельцы, особенно министерялы, больше не обладали такими полномочиями. Вследствие иерархического размежевания отношения зависимости стали иными, но, во всяком случае, и не более понятными для нас. Простое римское отношение господин — раб, которое почти не подверглось никакому внешнему влиянию, по всей видимости, было включено в чужеродное строение общества вандалов и потому также подверглось изменениям. Важное положение служилой знати выявляется для нас также из того обстоятельства, что она играла определенную самостоятельную роль при раздорах между королевской властью и родовой знатью: Гунерих, должно быть, наказывал многих министерялов как открытых или потенциальных противников, так как они были ортодоксами или же выступали на стороне аристократической оппозиции. Во многих случаях к служилой знати прилагался отличительный предикат dominus (16), а время от времени вознаграждением за заслуги служила высокая честь быть названными друзьями (amici) короля (17).

Будучи ниже служилой знати по социальному положению, рядовые вандалы и аланы также представляли собой привилегированный слой северо-африканского государства. Менее влиятельные, естественно, в политическом отношении, чем аристократия и служилая знать, они все же являлись главной частью населения в военном и, возможно, экономическом плане. Они участвовали в военных походах на море и на суше и должны были нести также соответствующую караульную

службу; при Гейзерихе они занимались почти исключительно военным делом. И все-таки уже этот король часто дополнял и заменял слишком слабых в количественном отношении соплеменников мавританскими вспомогательными контингентами. При его преемниках благодаря миру 474 г. все же наступила более спокойная фаза развития. После того как вандалское государство полностью сосредоточилось на оборонительных действиях, вандалские воины были менее востребованы, чем во времена экспансии при Гейзерихе. Разумеется, здесь также сказались взаимодействие между внешнеполитической угрозой, оборонительной позицией правительства и нежеланием вандалских воинов идти на военную службу. Однако заданное Гейзеритом направление в конечном итоге не оправдало себя. Он выделил соплеменникам в пределах «*sortes Vandalorum*» (наделов варваров) земли, свободные от налогообложения, с достаточной рабочей силой (рабы, колонны), ожидая, что они захотят постоянно преумножать свою собственность грабительскими походами. При этом он не учел быстрого процесса романизации, который вскоре сделался очень заметным вследствие влияния многочисленного провинциального населения. Правда, следует подчеркнуть, что аристократия и служилая знать, также как и клирики арианской церкви, подверглись процессу романизации быстрее, чем основная масса вандалов: эти привилегированные слои больше сходились с влиятельными провинциалами, быстрее овладевали латынью и перенимали с ней многое из образа мышления и круга представлений покоренного населения. Кроме того, ввиду своих довольно значительных экономических возможностей они быстрее предавались удовольствиям прежнего высшего слоя, театральным представлениям, баням или радостям охоты, чем простые вандалы. Эти «воины», как их вполне можно назвать из-за их простоты, еще вплоть до похода Велизария сохраняли привычку к лишениям походной службы или морских переездов, и их нельзя считать столь изнеженными, как это делает Прокопий, который, видимо, слишком сильно ориентировался в своих суждениях на великолепие дворцов знати (например, королевского дворца в Грассе, который оказался промежуточной остановкой в походе Велизария) или на роскошь богатых жителей Карфагена. Если Людвиг Шмидт (155) подчеркивает, что «сильнейшие элементы сословия растворились в новой служилой знати», то возникает определенное противоречие с источниками, которые представляют мягкими и изнеженными служилую знать или арианский клир, но не массы рядовых вандалов. По крайней мере, при Гейзерихе и его наследнике народные и вооруженные силы вандалов в целом находились еще в исправном состоянии. Однако проявлялись опасные признаки ослабления, так что у Гунериха наряду с династическими и религиозными было достаточно иных причин, чтобы попытаться по возможности остановить процесс романизации и обращения в ортодоксальную веру своих соплеменников. Его наследники, напротив, вновь стали проводить более мягкий и непоследовательный курс, который шел навстречу одновременно и положительным, и отрицательным аспектам романизации. К сожалению, в источниках не задокументирован конечный итог этого развития. Из искаженных ненавистью описаний ортодоксальных авторов можно извлечь конкретную картину вандалства времен Гелимера в столь же малой мере, как и из восхвалений «придворных поэтов», которые, естественно, давали романизации самую позитивную оценку.

Войско и флот

По поводу войска и флота нового вандалского североафриканского государства высказывались самые разные точки зрения (18). Оба «рода войск» находились в распоряжении короля, обычно являвшегося и верховным главнокомандующим. Этот обычай, существовавший и до, и после Гейзериха, который можно справедливо охарактеризовать как традицию, восходящую к германским племенам Тацита, был поколеблен уже, возможно, при Гунерихе. Хильдерих из-за своей неспособности к управлению государством совершенно изменил ему и тем самым окончательно вызвал государственный кризис. Важнейшей войсковой единицей была тысяча, которая, подобно соответствующей единице поселения, находилась под началом тысячника. Нам ничего не известно о менее крупных подразделениях, хотя они, несомненно, должны были существовать. В период военных действий несколько тысяч часто объединялось под руководством одного принца; возможно, военным руководством занимались и *comites* («комиты»), зачастую появляющиеся в качестве королевских посланцев; подтверждением тому служит их выступление в качестве «полицейских чинов» (19). Для вандалских методов ведения войны был характерен исключительный упор на

конный бой, что следует возводить еще к традициям силезского и венгерского периодов. Представление о вандалском коневодстве дают многие письменные источники, но прежде всего обнаруженная под Карфагеном (Бордж Джедид) мозаика, на которой изображен хотя и невооруженный, но определенно вандалский всадник в куртке и узких штанах, несомненно принадлежащий к служилой знати (20). Вооружение воинов состояло из копий и мечей, но иногда сражались и дротиками или луком и стрелами. Это «распространение» кавалерийских возможностей на «бой на расстоянии» было, пожалуй, неизбежным, тем более что практически полностью отсутствовали собственно пехотные формирования и, кроме того, оборонительные сооружения и осадные орудия. Уже в период завоевания Африки вандалы потерпели множество неудач при попытках захватить укрепленные города. Позднее в пределах собственного государства они оставили города в целом неукрепленными, чтобы облегчить себе их захват в случае их восстания или отпадения. Такая тактика была оправданной, пока на достаточно высоком уровне поддерживалась наступательная мощь вандалов, а вандалские всадники наводили страх на врагов (21). Однако после смерти Гейзериха сообщается о частых случаях отступлений и поражений вандалских воинов в горах и в пустынно-степной местности, а при Трасамунде и Хильдерихе эти неудачи участились еще более. Дальновидное правительство в этот момент должно было бы подумать о создании системы укреплений, которая могла бы и не быть столь далеко выдвинутой вперед, как позднеримская, но была бы в состоянии защитить центральные области с «*sortes Van-dalorum*» (наделами варваров) или приморскими городами восточного Туниса. Однако в этом направлении не предпринималось никаких шагов, так что в поздневандалский период укрепленных городов было совсем немного, например Гиппон-Регий, мавританская Цезаря, Гадейра и Септон; еще при Гелимере Карфаген не обладал никакими укреплениями, так что король не решился оборонять его против Велизария. Естественно, на островах Средиземного моря, таких как Сардиния, располагались гарнизоны, но о тамошних укреплениях нам также ничего не известно. Так как исследования по фортификации этой эпохи еще далеко не закончены, и следует считаться с возможностью определенного пересмотра этих утверждений. И все-таки общее впечатление от нарисованной здесь картины скорее всего не подвергнется изменениям; литературные источники, в том числе Прокопий, своими глазами повидавший многие области вандалского государства, единодушны в своем суждении о беззащитности населения королевства вандалов; в типичном случае они подчеркивают также, что многие жители сами укрепляли свои дома и поместья, чтобы по крайней мере иметь возможность сопротивляться внезапным нападениям.

Вандалский флот был в целом боеспособней сухопутного войска, хотя не следует придерживаться и преувеличенных представлений о морской мощи вандалского государства. Уже в иберийский период вандалы проявили интерес и склонность к морским переездам; естественно, сначала их учителями были римские матросы и штурманы, использовавшиеся начиная приблизительно с 425 г. Э. Ф. Готье подчеркивает (22), что и позднее флотские команды составлялись по большей части из иноплеменников, а именно, из пунийско-североафриканских и мавританских матросов и воинов, так что вандалы при случае выставляли лишь высший и средний «офицерский» состав, который иногда мог подкрепляться еще силами обеспечения безопасности. Такой взгляд на положение вещей скорее всего совершенно оправдан, хотя ведение войны на море, естественно, сильно зависело от времени и места военных действий. Как команды, так и корабли поначалу были нацелены на военные и грабительские походы. Новые эскадры, как правило, состояли из маленьких, легких «крейсеров», которые в среднем принимали на борт не больше 40 или 50 человек. Конечно, были и военные и транспортные корабли большего размера, на которых можно было перевозить, например, лошадей. Основным опорным пунктом флота был Карфаген, располагавший соответствующей, созданной еще пунами гаванью и многочисленными арсеналами и верфями. Сообщения о работе осужденных ортодоксальных епископов на Корсике в качестве лесорубов позволяют предположить, что вандалы строили корабли и на этом богатом деревом острове.

Численность флота скорее всего была подвержена сильным колебаниям. Л. Шмидт предполагает, что морская мощь вандалов после Гейзериха снизилась и в качественном отношении (23). И в самом деле примечательно, что Гелимер не выступил против довольно пестрого флота Велизария своими собственными кораблями. Очевидно, королевские эскадры летом и осенью 533 г. были полностью задействованы в сардинской экспедиции. Момент оказался упущенным; в любом

случае, последний вандалский король до битвы при Трикамаре даже не пытался предпринять контрдействия против византийского флота. Уже сам Гейзерих демонстрировал большую сдержанность в ведении морской войны. До нас не дошло никаких сведений о сколь-нибудь крупной морской битве, и решающее значение имели скорее военные хитрости — такие, как атака брандеров в 468 г., — чем собственно военное превосходство.

Несмотря на разнообразные недостатки, вандалский военный потенциал был все же столь велик, что мог до последнего момента гарантировать «внутреннюю» безопасность в государстве. Наряду с армией существовали полицейские части, способные устранить или подавить временные волнения. Следует также учитывать и применение кавалерийских формирований в полицейских целях, как во времена религиозных гонений Гунериха. При Трасамунде, кроме того, были созданы части так называемых «vigiles» (караульных), которые восходят к римскому или остготскому образцу. О них сообщает обнаруженная в Нумидии (у Маркимени = Айн Беида) надпись, из которой можно извлечь, что эти формирования отвечали за безопасность поселений и тюрем; место находки — пограничная область Нумидии — позволяет заключить, что новые караульные войска каким-то образом использовались и для обороны границ от мавров. Во всяком случае, плохо сохранившаяся надпись не позволяет сделать никаких детальных выводов (24).

Люди, приверженные своим прежним представлениям о блеске военной мощи вандалов или других племен эпохи Великого переселения, должны быть разочарованы нарисованной здесь картиной. Государство, созданное Гейзерихом со столь большим размахом, не располагало длительным запасом прочности; оно должно было перейти от наступательных действий к обороне, но не смогло своевременно приспособиться к новым условиям. При желании можно установить несколько периодов, в которые были допущены основные просчеты. Особенно показательны начальный этап при Гунерихе, который предпочел преследования ортодоксов основательному обеспечению безопасности государства во внешнеполитической сфере, и заключительный этап при Хильдерихе, который оказался во всех отношениях неспособным к ведению войны. Гелимер за короткий срок своего правления вряд ли смог бы наверстать упущенное и был вынужден вступить в решающую битву, располагая лишь незначительным количеством войск, кораблей и укреплений. Естественно, возникает вопрос, почему ввиду количественной слабости вандалов не был сделан больший упор на «рекрутские наборы» среди мавров или провинциальных римлян. В качестве вандалских вспомогательных частей часто упоминаются мавры и берберы, но не римляне. В вандалских вооруженных силах засвидетельствовано только два офицера с латинскими именами. Вероятно, в этом отношении недоверие германцев к провинциалам никогда не улеглось; к тому же, естественно, местное смешанное население Северной Африки считалось неполноценным в военном отношении и не было пригодно для таких «блиц-походов», как предприятия против Каваона или против Сардинии.

Кроме того, короли вплоть до острой угрозы со стороны Юстиниана, пожалуй, и не задумывались о возможности значительной военной опасности. Конечно, Гелимер сразу же после узурпации реорганизовал войско и флот, так как он должен был предпринять незамедлительные действия против мавров и подготовить экспедицию на Сардинию. Таким образом, все еще оставалась возможность проведения быстрых военных действий, что облегчалось концентрацией сухопутных и морских вооруженных сил вокруг Карфагена, чей тыл образовывали «sortes Vandalorum» (наделы варваров). Очевидно, эта местность предоставляла самые наилучшие возможности для вооружения и обучения военных контингентов (25). По этому видно, что вандалы до последнего момента умели использовать выгоды своего геополитического положения. Концентрация поселений и вооруженных сил в области северо-восточного Туниса, из которой легко можно было осуществлять контроль над островами и путями сообщения между западной и восточной частью Средиземного моря, была в крайней степени благоприятной. Поэтому можно было позволить себе потерю западной и южной пограничных областей, которые были отделены от зоны собственно вандалской колонизации промежуточной зоной провинциально-римских областей. Открытые, незащищенные границы ни в коем случае не представляли собой только недостаток. Они делали возможным разумную экономию денег и войск и подходили для затяжного ведения войны на широких пространствах, не сдерживаемого никакой пограничной стеной. Тактика «выжженной земли», о которой сообщает еще Геродот в связи с древними скифами, была задействована и Гейзерихом. Конечно, нельзя сказать, осознавали ли его преемники преимущества открытой границы, которую можно было защищать в

любом месте без потери военного и политического престижа. Может быть, для них «отказ от фортификаций» был скорее реакцией на недостатки римской системы пограничных укреплений, которая в конечном итоге оказалась ошибочной или бесполезной и в Африке.

Управление и экономика

Внутренняя слабость вандальской армии, как уже было сказано, компенсировалась интенсивным развитием полицейской бюрократии. В отношении усиления полицейской системы показательна политика Гунериха, который смог осуществить свои реформы только при помощи грубой силы и, возможно, придал многим войсковым соединениям — говоря сегодняшним языком — полицейские функции. Разумеется, основа бюрократической структуры, которая регулировала отношения как германской, так и римской частей населения, была заложена уже при Гейзерихе; вскоре после окончательного завоевания Африки были созданы полицейские органы и судебный аппарат, также как и общее управление или управление налогов и финансов, при этом вандалы воспользовались римскими образцами и привлекали к выполнению этой задачи способных провинциалов (26). Языком управления повсюду была латынь; принципиального исключения не составляла даже арианская церковь. Методы управления, о которых мы, впрочем, имеем довольно скудные сведения, также сходны с римскими, так что следует учитывать относительную многочисленность персонала, занятого в отдельных ведомствах и службах. Поэтому содержание вандальской «государственной администрации» наряду с подчиненными ей ветвями скорее всего стоило не меньше, чем содержание римской. И все-таки государство вандалов могло позволить себе такую высокую стоимость, приобретая все большее влияние на провинциальное население именно за счет многочисленного и разветвленного аппарата. В различных ветвях власти, очевидно, играла особенно большую роль служилая знать, охарактеризованная в предыдущей главе. Вряд ли она составляла все ступени администрации, однако мы видели, что она занимала господствующее положение в управлении хозяйством короля и принцев, а также и в собственно вандальской администрации; администрация, занимавшаяся делами населения провинций, проявляет скорее всего лишь определенные тенденции к образованию такого управленческого слоя.

Полицию и суд вполне имеет смысл представлять в виде единого аппарата. В рамках этих учреждений находятся чиновники, исполнители наказаний, палачи, стражники, а также рабы или другой нижестоящий персонал, в которых отчасти уже по названиям их должностей можно узнать судебных приставов, палачей или тюремщиков. Более высокие функции исполняли *iudices* (судьи), *comites* (комиты), *notarii* (секретари), а возглавлял эту структуру *praepositus regni* (канцлер империи). Особые задачи были у тайной полиции (*occulti nuntii*) или уже упомянутых *vigiles*. Характерно, что при Гунерихе полицейские органы укрепились еще больше. Наряду с войсками он в разное время привлекал к работе в исполнительной власти даже функционеров арианской церкви, которые в своем религиозном рвении могли оказаться более пригодными для борьбы с ортодоксами, чем наскучившие рутинной работой официальные органы суда и управления. Этим учреждениям в декрете от февраля 484 г. даже пришлось напомнить их обязанности, пригрозив суровым наказанием (27).

Между тем высшим судьей являлся сам король. Очевидно, он оставил за собой общее право вынесения приговора за политические проступки, что часто, при Гейзерихе или Трасамунде, играло важную роль в связи с религиозными преследованиями. Ибо каждый отказ отречься от ортодоксального вероисповедания мог рассматриваться как доказательство нелояльности, а при определенных обстоятельствах даже как государственная измена. С четкостью судебного разбирательства и суровыми наказаниями знакомят нас такие авторы-ортодоксы, как Виктор из Виты, хотя зачастую под влиянием своих ортодоксальных взглядов они, естественно, слишком строго судят вандальскую исполнительную власть. Поэтому они забывают упомянуть, что в типичном случае суды, насколько они были предназначены для рассмотрения дел романского населения, обладали определенной независимостью. Конечно, иногда при Гейзерихе и прежде всего при Гунерихе эта самостоятельность превращалась в иллюзию, если вопрос веры приобретал преимущественно политическое значение. Все-таки и при Гунерихе, несомненно, судебное производство протекало более планомерно, чем хочет это представить Виктор, сообщая о

чрезвычайных жестокостях и скандальных процессах; приведенный самим Виктором (III, 3—14) декрет Гунериха своей тесной, часто дословной связью с римским антиеретическим законодательством демонстрирует, что преследование задумывалось как планомерное и легальное. Несмотря на это, превышения власти во многих публичных процессах могли возникать под влиянием арианских клириков и фанатичных масс, которые часто воспринимали мучения ортодоксов как событие, вносящее долгожданное разнообразие в повседневную жизнь. Впрочем, вандалская система наказаний демонстрирует соответствующую градацию, определяющуюся, естественно, степенью тяжести проступка. На основании римских и германских образцов и под влиянием Северной Африки и, пожалуй, Востока существовали следующие узаконенные наказания: преступников казнили мечом, сжигали на костре, топили или бросали диким зверям; применялись и иные телесные наказания, включая увечья (отрезание носа и ушей); изгнания различных степеней; штрафы, включая конфискацию; наказания позорной принудительной работой (для высокопоставленных лиц). Как уже было сказано, эти наказания присуждались и устанавливались или королем, или в соответствии с точно проведенным судебным разбирательством.

Многие источники сообщают, что разбирательство часто прекращалось, а наказания отменялись, если желаемая цель — прежде всего обращение в арианство — достигалась угрозами, убеждениями или вознаграждением (28).

К сказанному о законодательной власти вряд ли можно добавить что-то еще. Наряду с важными установлениями Гейзериха о порядке наследования престола до нас дошло очень небольшое количество декретов, преимущественно посвященных борьбе с религиозной и политической оппозицией (ортодоксы, манихеи) или наказаниям за тяжкие преступления, такие как супружеская измена (29).

Хотя Гейзерих поначалу приказал уничтожить римские налоговые кадастры, что можно истолковать как — возможно, лишь демагогический — протест против обременительности и аморальности прежнего фискального порядка, очень скоро он осознал полезность, и даже необходимость упорядоченного налогового и финансового устройства. При этом во многих отношениях были вновь задействованы постоянно находившиеся перед глазами римские образцы; прежде всего это заметно в монетном деле и в системе пошлин (30). Обе эти области, к сожалению, очень мало исследованы. Налоговыми органами не были охвачены вандалы и аланы; в противоположность другим государствам, образовавшимся в результате Великого переселения, в этом отношении вандалское правительство поступило очень великодушно, обеспечив своих соплеменников в экономическом плане и пойдя им навстречу во внешнеполитической сфере. Естественно, тем беспощаднее облагались налогами провинциалы, о чем говорят Прокопий и другие хронисты. Сбор налогов часто был тяжел не только для налогоплательщиков, но обременителен и для властей — особенно для городских прокураторов с их аппаратом; многие служащие, которые, как в римское время, отвечали за поступление определенного количества налогов своим состоянием, даже были разорены в результате своей (и без того неоплачиваемой, а считавшейся только почетной службой) деятельности. *Житие Фульгенция* дает наглядное представление о тяжелом положении, в котором должен был чувствовать себя знатный молодой человек, исполняя почетные обязанности прокуратора. Он стоял перед выбором: либо притеснять население, либо по меньшей мере выйти из доверия у своего начальства (31). С другой стороны, по сообщению Прокопия, византийский налоговый гнет был тяжелее вандалского (32), а антивизантийское движение при Соломоне получило мощный импульс именно со стороны налоговых должников. Крупные расходы на содержание византийской бюрократии и предпринятые префектами в Северной Африке походы и строительство укреплений, само собой, также не могли не оказать своего воздействия на экономику. Из того факта, что наряду с прокураторами провинций и городов за поступление налогов также отвечали городские декурионы, явствует, что система взимания налогов до мелочей была подобна римской. В отличие от других вандалских имений, управление королевским хозяйством все-таки показывает определенные отклонения от римского периода, хотя мы не в состоянии изложить их детали. В целом господствовало стремление извлечь как можно больше выгоды из сельскохозяйственных предприятий или из рудников, лесов, виноградников и каменоломен; и все-таки доход доставался не только королю или принцам, но в значительной мере и ответственной за управление доменом служилой знати (прокураторам, министрам) (33).

Социальное положение этих служащих было подробно охарактеризовано выше; здесь же следует еще раз подчеркнуть, что в среднем они находились в лучшем экономическом положении, чем их коллеги позднеримского периода. В этом вряд ли можно сомневаться, так как их благосостояние и связанное с ним уважение подчеркивают как раз враждебные к вандалам источники (Виктор из Виты). Следует предполагать, что поступления с налогов, пошлин и королевских доменов приносили, прежде всего в период расцвета вандалского государства, большие доходы. Во всяком случае, дела как государственной казны, так и королевской сокровищницы обстояли гораздо лучше, чем в позднеримское время, тем более что они также пополнялись за счет денежных штрафов, военной добычи и подарков других князей (34). Королевская сокровищница Гелимера, которую тщетно пытались вывезти в королевство вестготов, все еще представляла собой огромную ценность и произвела в Константинополе потрясающее впечатление. То, что вандалские финансы в целом сохраняли положительный баланс, во многом объясняется ограничением расходов на вооружение.

Если мы говорим об управлении и экономике вандалского государства как о едином целом, то не потому, что в особую сферу следовало бы выделить государственное хозяйство. Во всяком случае, мы не располагаем об этом точными сведениями; в целом отношения между государственным и частным хозяйством скорее всего были приблизительно такими же, как и в познеримскую эпоху, и вандалские короли ни в коем случае не вмешивались в экономические процессы больше, чем римские императоры. Однако как в экономике, так и в управлении хорошо прослеживается взаимозависимость вандалов и римлян. Кр. Куртуа с полным правом охарактеризовал в заглавиях «Неотвратимая борьба» и «Вандалский мир» две противоположные линии вандалской внутренней политики: беспощадную борьбу с ортодоксальной церковью и всеми остальными «оппозиционными» организациями и течениями, с одной стороны, и стремление к восстановлению мирной повседневной жизни, с другой (35). Обе эти тенденции на практике приходили в тесное соприкосновение, и можно спорить о том, не были ли они зачастую даже связаны друг с другом. В соответствии с принципами государственной целесообразности вандалы не должны были терпеть никакой оппозиции, если они не хотели поставить на карту само существование своего государства; с другой стороны, они были вынуждены привлекать к сотрудничеству жителей провинции и одновременно компенсировать их политическую и правовую ущемленность за счет экономических выгод. Эта «основная линия» на практике пережила самые разнообразные выражения. С социологической точки зрения, экономически обеспечивались прежде всего нижние слои романского населения в той мере, в какой они могли выполнять соответствующие работы в сфере производства или управления. Ибо по понятным причинам более высокопоставленные провинциалы привлекались скорее назначением на почетные должности или принятием в круг «друзей короля». Разумеется, вандалское правительство стремилось обеспечить лояльность или сотрудничество высокопоставленных провинциалов и особыми материальными льготами, причем источники, по всей видимости, справедливо указывают на то, что в критических ситуациях высокие вознаграждения сопровождалась тяжелыми штрафами: например, лицам, занимавшим высокие должности, обещали большие выгоды, если они обратятся в арианство, и одновременно угрожали им конфискациями и телесными наказаниями в случае отказа (36). При этом, во-первых, свою роль могла сыграть ненависть к ранее влиятельным сословиям, которая в особенности ярко выразилась в период гонений, в то время как, во-вторых, никогда не затихали и опасения перед тайной деятельностью или иными оппозиционными побуждениями менее богатых и образованных слоев. Эти негативные психологические мотивы, однако, ни препятствовали вандалскому правительству принимать на свою службу все больше влиятельных римлян, ни мешали этим римлянам занимать самые различные оплачиваемые и неоплачиваемые должности. При этом римляне часто сознательно шли на большой риск. В особенности это относится к тем знатным семьям, которые были изгнаны вандалами и позднее вернулись в Африку, чтобы вновь вступить в свои владения. В этом отношении интересными примерами являются отец и дядя Фульгенция Руспийского (37). То, что крупные римские землевладельцы или высшие должностные лица вандалского королевства из провинциальных римлян по большей части были аристократического или же высокого происхождения, является одной из тех исторических аномалий, которые во многом характеризуют историю государств, образовавшихся в результате Великого переселения.

В психологическом и социологическом отношении соответствующее положение, в котором находились массы провинциальных римлян, было гораздо проще; они отнеслись с сменой господина между 429 и 442 гг. по большей части безразлично или даже положительно и без колебаний пошли на сотрудничество с вандалами (38). Поскольку в экономическом плане их дела теперь обстояли лучше, чем прежде, они нередко становились яростными сторонниками новых правителей, что прежде всего выражалось в их переходе в арианство. Естественно, это стало точкой расхождения и для духовных лиц. Само собой, было бы ошибкой постулировать для времени Августина *cum grano salis* (здесь: даже в шутку) связь имущих слоев с ортодоксальной церковью, а неимущих с донатизмом и иными схизматическими церквями. Это соотношение, судя по всему, было во многом противоположным. Сейчас ортодоксальная церковь в целом рассматривается как общество бедных или обедневших, в то время как арианская церковь в любом случае могла считаться представительницей состоятельных слоев. Переход в арианство практически гарантировал также экономические выгоды, как вновь и вновь подчеркивают наши источники; как следствие, этот переход представлял собой большой соблазн как для богатых, которым угрожало разорение, так и для бедных. Таким образом, пылкости веры ортодоксов все время противостояли такие мотивы, как экономическая нужда, удобство или повышение социального статуса, которые иногда легко перетекали один в другой. Эта ситуация была, во всяком случае, менее сложной для кругов, не интересовавшихся церковной борьбой; они по возможности всегда предпочитали службу вандалам или по меньшей мере сотрудничество с варварами тяжелой конкурентной борьбе в чисто «гражданском секторе». Наряду с государственным аппаратом и арианской церковью, которая охотно принимала римских клириков, благоприятные условия этому давали такие производственные сферы, как оружейные мастерские, текстильные предприятия, верфи или рудники, леса и владения, которыми располагал король (39).

Разумеется, часто административное и экономическое сотрудничество были тесно связаны между собой таким образом, что вандалы по большей части сохраняли в своих руках все рычаги управления, в целом не оказывая почти никакого влияния на производство. Это позволяет отчетливее выделить те сферы экономики, в которых варвары принимали самостоятельное участие: сельское хозяйство, прежде всего животноводство, и оружейное производство; в соответствии с традициями силезского и венгерского периода к ним присоединились новые ветви металлообработки (утварь и украшения). В этих областях также были задействованы вандалы, причем они, естественно, использовали труд рабов и колонов. Все остальные ветви ремесла и производства были полностью предоставлены местному элементу, хотя мы должны считаться с многочисленными инициативами и контролирующими мероприятиями вандальского правительства (прежде всего в производстве оружия и кораблей). Отстраненность вандалов от ремесла и промышленности скорее пошла на пользу, чем навредила экономике Северной Африки. Работа продолжалась в привычном ключе, многие виды товаров, которые в римское время — часто в качестве уплаты налогов — направлялись в Италию, доставлялись теперь и в другие заморские страны. Естественно, во многих отношениях производство должно было перестроиться в соответствии с вандальскими требованиями; с другой стороны, в период нашествия, во времена гонений Гунериха и поздние периоды мавританской угрозы были времена, когда оно почти замирало. В юго-западных пограничных областях ремесла и промышленность все больше приходили в упадок, и из-за недостаточного ухода за системой орошения эти территории постепенно становились все бесплодней и в сельскохозяйственном отношении. В целом экономический потенциал Северной Африки во времена вандалов все же был весьма значительным. Так, нельзя недооценивать объемы строительства, которые могли служить примером для многих других государств. В Карфагене и в других городах были по большей части вновь заполнены возникшие из-за нашествия пустоты. Писатели часто сообщают о строительстве роскошных дворцов и бань, а также церковных и монастырских зданий, которые могли быть предприняты, пожалуй, только после устранения самых срочных гражданских потребностей (40). Транспорт и пути сообщения, пожалуй, едва ли отставали от позднеимперских (41). Мировой порт Карфаген гарантировал морское сообщение по всем направлениям и в то же время был связан соответствующей сетью дорог с обширными территориями страны. Торговцы и наездники на верблюдах (42) заботились о перевозке товаров и людей по суше; в Карфагене наряду с местными моряками и торговцами упоминаются и византийские. Экспорту зерна, масла, мрамора и диких зверей противостоял импорт ткани, шелковой одежды, украшений и других предметов роскоши.

Необходимое для вандалского кораблестроения дерево добывалось на сегодняшней тунисо-алжирской границе, а также на острове Корсика.

. Сельскохозяйственное производство, как и прежде, основывалось на возделывании зерновых и олив; в северных областях определенную роль играли также виноградники и плодовые плантации (фиги, миндаль). Животноводство (в особенности разведение крупного скота и овец), должно быть, получило значительный импульс со стороны вандалов (лошади!) и берберов Сахары (дромадеры!) (43). В принципе, сохранялись культуры, уже распространенные в данной области, так как преобразования — прежде всего при переходе к древесным культурам — стоили многолетней работы без надежды на скорый урожай. Поэтому сколько-нибудь значительная перемена в сельскохозяйственных культурах могла быть проведена только с большими денежными затратами и в основном ограничивалась королевскими владениями. Король также располагал наибольшим количеством рабочей силы, так как он в любой момент мог приставить к работам осужденных (часто упорствующих ортодоксов). «*Raritas colonoium*», как обозначается в по-зднеримских законах нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве, конечно, совершенно не отмечается в вандалском государстве. Для многих периодов, как для голода 484 г., указывается даже переизбыток желающих работать. Благодаря этому и средние землевладельцы были в состоянии время от времени проводить дорогостоящие мелиорационные работы за более ли менее сносные расходы или поддерживать в порядке оросительные системы. Как свидетельствуют много раз упомянутые *Таблицы Альбертина*, сельскохозяйственное производство в целом не прекращалось и в менее плодородных, находившихся под угрозой нападения мавров пограничных областях, в случае если производитель был готов довольствоваться незначительным урожаем.

С этой точки зрения можно взглянуть на чрезвычайно варьирующий, как и в позднеримский период, «жизненный уровень». Король и аристократия, как и определенные лица из провинциального населения (высшая служилая знать), жили в богатстве. Вандалы в своей массе могут считаться состоятельным сословием, в то время как уровень благосостояния основной части римских провинциальных жителей, очевидно, был чрезвычайно неодинаков. В городе и деревне имелось много бедных, которые были рады, если их принимали в монастырь. Как упомянуто, тенденция к обнищанию была особенно велика прежде всего среди ортодоксального населения, которое часто каралось штрафами и не допускалось к занятию доходных должностей.

В то время как экономическое положение вандалской Африки в целом было благоприятнее, чем в позднеримский период, благосостоянием или богатством наслаждались опять-таки относительно узкие слои населения. Вандалы обеспечивали себя и своих непосредственных сотрудников прибылью, которую приносила собственная — более не сдерживаемая налоговыми поставками в Италию — экономика или которая достигалась паразитированием — грабежом чужих берегов.

Арианская и ортодоксальная церкви

Об отношении арианской церкви к ортодоксальной можно во многом сказать все то же самое, что и об отношениях вандалов и жителей провинции. И все же заметно существенное отличие: между обоими институтами и конфессиями, все резче отличающимися друг от друга в догматическом отношении, не было никакого подобия мирного сосуществования. Поэтому борьба — открыто и подспудно — должна была продолжаться до тех пор, пока одна из этих церквей не будет окончательно повержена и тем самым не очистит место для другой. Мероприятия Хильдериха предопределили победу ортодоксальной церкви, которая завершилась походом Велизария и византийскими преобразованиями. Противоречия между обеими церквями обострялись благодаря личным раздорам между епископами, клириками и мирянами; вражду разжигали прежде всего вновь обращенные, множество которых было в обеих церквях, так как при победе другой стороны им следовало опасаться худшего лично для себя. Естественно, германцы в ортодоксальной церкви обладали точно такими же правами, как и римляне в арианской; это относится и к сфере замещения должностей. Мы уже видели, что арианская церковь находилась под определенным влиянием обращенных и поэтому в ходе общего процесса романизации заимствовала у ортодоксальной церкви многие ее институты. В этом отношении возникло внешнее сходство, к которому ариане приходили

из соображений целесообразности и от которого они, тем не менее, резко отказывались или которое они по меньшей мере оспаривали. Вместе с латинским языком были позаимствованы многие ритуалы; и все же по большей части богослужение проводилось на вандальском языке (44). Арианская иерархия была очень сходна с ортодоксальной: иерархическая лестница ведет через диакона, пресвитера и епископа до патриарха; однако наличие у ариан монашества не засвидетельствовано. Хотя Л. Шмидт (184) рассматривает арианские частные церкви и придворных капелланов как черты особой, собственно германской церкви, следует обратить внимание на то, что донатистская церковь, а в отдельных моментах даже ортодоксальная церковь времен Августина также демонстрировали сходные явления.

«Церковную борьбу» мы уже рассматривали в связи с периодами правления отдельных королей. За ее усилением при Гунерихе последовало затишье при Гунтамунде и возобновление при Трасамунде. Трасамунд, получивший некоторое богословское образование, в течение десятилетий весьма дипломатическими методами стремился к победе арианства, которое было обязано ему своим последним периодом расцвета в Северной Африке. Конечно, свой наивысший подъем арианская церковь пережила уже при Гунерихе, который предоставил ей возможность вести миссионерскую деятельность даже в Триполитании и южной Бизацене, а также в Цезарейской Мавритании (Типасе) (45); таким образом, в 484 г. арианство находилось на гребне своего успеха, который закончился со смертью Гунериха. Здесь, естественно, возникает вопрос о внутренней и внешней силе арианской ереси, которая была провозглашена вандалами государственной церковью. Вандалы опирались на богатую арианскую традицию IV века (Арий, Вульфила, Синод в Арминии 359 г.) и пытались также развивать свою догматику в борьбе с ортодоксальными теологами. И все же главную силу арианской церкви вандальского королевства следует усматривать в ее фанатизме, который чувствовал за собой поддержку государственной полицейской власти, и в ее организации. Во всяком случае, достаточным объяснением временных успехов может служить тесное сотрудничество с королем, выступающим в качестве верховного епископа. Именно поэтому, когда Гунтамунд проявил терпимость к ортодоксам, а Трасамунд боролся с ними почти исключительно дипломатическими и духовными методами, сразу стали заметны неудачи. Арианская церковь даже не смогла воспользоваться многолетним отсутствием сосланных на Сардинию ортодоксальных епископов, а появление Фульгенция в Карфагене (около 515—517 гг.) нанесло ей следующий удар. По сравнению с Фульгенцием, который успешно боролся также с пелагианством и восточными ересями, придворные духовники Трасамунда выглядели бесцветными и неквалифицированными. Фульгенцию и его сторонникам, кроме того, удалось творчески развить и убедительно изложить учение Августина, так что все выдвигаемые арианами спорные вопросы относительно христологии или учения о Троице казались разрешенными; казуистический образ действий Руспийского епископа оказал воздействие даже на схоластику. Не менее важным, чем и богословское превосходство, было, разумеется, моральное единство большинства ортодоксов, которые терпеливо, не колеблясь, сносили все гонения. После изгнания епископов при Трасамунде монастыри стали главными средоточиями ортодоксальной духовности и миссии; они быстро росли и концентрировались в основном на восточном побережье Бизацены. Внешнее укрепление ортодоксальной церкви после 523 г. следует рассматривать главным образом как следствие ее внутренней устойчивости. Хильдерих не смог бы предпринять или допустить столь широкого восстановления гонимой до тех пор церкви, если бы она пребывала в совершенном упадке. К тому же он был вынужден, лишившись поддержки арианской церкви, искать какую-то новую опору. В конечном счете, правда, ортодоксальная церковь не сумела сколь-нибудь серьезно поддержать легитимное правление Хильдериха против узурпации Гелимера. Причины этого неясны; и все же характерно, что Юстиниан вступился как за Хильдериха, так и за ортодоксальную церковь, которые в целом находились по одну сторону фронта, противостоя арианству и «новой политике» Гелимера.

Синоды в Юнке, Суфесе и Карфагене (525 г.) отражают быстроту ортодоксальной реорганизации в Северной Африке. Так как всегда сохранялось внутреннее и внешнее единство верующих, многие внутренние противоречия — между митрополитом и епископами или епископами и настоятелями — улаживались и преодолевались. Так как эти разногласия даже выносились на открытое обсуждение, их вряд ли можно расценивать как выражение слабости. Несомненно, ортодоксальная церковь осознавала, что она выдержит эти испытания на прочность после того, как перенесла почти столетний период гонений. С этой точки зрения особое значение приобретает

следующее утверждение О. Бруннера: «Институты обладают весом ещё и тогда, когда они продолжают существовать, будучи лишены своих основных функций. Они препятствуют, пока они — хотя бы только номинально — существуют, радикальному разрыву с традиционным порядком (46)». Ибо в действительности ортодоксальная церковь, несмотря на экспроприации и определенное ослабление, в качестве института всегда сохраняла определенный вес, который оказывал свое воздействие наряду с моральным авторитетом исповедников их веры и мучеников. Синоды 523—525 гг. и карфагенский собор 535 г. отчетливо демонстрируют, что ортодоксы были столь же озабочены восстановлением институтов или внешних форм, сколь и порядком исполнения пастырских обязанностей или духовной жизнью. Часто вопросы внешнего порядка выступали на передний план так сильно, что можно было бы говорить о примате формализма: наряду с замещением епископских кафедр играли большую роль вопросы церковного устройства и монастырской жизни (47); еще во время гонений проявилось и стремление к более тесной связи с папством, в пользу примата которого высказывались такие авторитетные африканские богословы, как Виктор из Виты и Фульгенций Руспийский (48).

Искусство: язык и литература

На эти периферийные в тематическом отношении «сферы» сами вандалы оказали крайне ограниченное влияние, как, впрочем и на экономическую область. Варвары занимались искусством и культурой в очень незначительной степени, хотя короли и высшая знать играли не малую роль в качестве заказчиков или поощрителей творчества. И все же вандальское влияние обнаруживается в оружейном деле, а оружейные мастера, очевидно, занимали значительное место в общем производстве. Художественное ремесло в фибулах, кольцах, браслетах или цепях демонстрирует знаменитый южнорусский-готический стиль высокого уровня (49).

Великолепные изделия были найдены в могильниках или в королевской сокровищнице. Естественно, в металлообработке и прежде всего в строительном ремесле, о котором мы что-то знаем только благодаря надписям на зданиях или литературным заметкам, следует считаться с частой кооперацией вандалов и римлян. Несомненно, такие короли, как Трасамунд, или такие князья, как Гибамунд, чья строительная деятельность была прославлена придворными поэтами, в частности интересовались и строительными планами, а может быть, и архитектурным и орнаментальным оформлением.

Вандальское участие в дальнейшем развитии литературной и научной жизни было более чем скромным. Вандальский язык с наибольшим успехом использовался в арианской церкви; однако он, по всей видимости, едва ли употреблялся в богословской литературе. До нас дошли почти исключительно вандальские личные имена того времени (в надписях). Таким образом, латынь по-прежнему являлась языком управления и культурных кругов, а также большинства населения. Во многих отношениях среди вандало-аланского населения скорее всего возникала все большая пропасть между теми, кто владел латынью, и теми, кто мог объясняться только на вандальском языке. Во всяком случае, нельзя недооценивать духовно-культурную сторону процесса романизации; не только такой полукровка, как Хильдерих, но и просто образованный вандал, как Трасамунд, в своих духовных наклонностях гораздо больше походил на высокопоставленного римлянина-провинциала, чем на одного из своих необразованных соплеменников. Таким образом, у вандалов, впрочем, как и у берберов, параллельно процессу социальной дифференциации протекает сходный процесс и в культурном плане. Само собой разумеется, поздняя латынь V и VI вв. не была способна на сколько-нибудь блестящее развитие. Произведения поэтов и богословов демонстрируют это со всей очевидностью. «Классический» период расцвета латинской риторики и литературы Африки, связанный с именами Апулея, Тертуллиана, Киприана, Арнобия, Макробия и Августина, закончился, оставив лишь еле заметные следы. В области грамматики большие заслуги принадлежат Фелициану, обучившему множество молодых людей. Однако чрезвычайно разочаровывают форма и содержание произведений придворных поэтов, таких как Луксорий, Флавий Феликс или Флорентин, которые обращались к мифологическим темам или воспевали добродетели вандальских правителей (50). Они пускались в свободное фантазирование, воспевая красоту и великодушие, образованность и архитектурные таланты какого-нибудь Трасамунда. Естественно, их восхваления не всегда

основывались на пустом месте, и все же они практически выродились в придворную лесть. Такие писатели больше беспокоились о величине вознаграждения, чем о поэтической славе, и все равно они представляют для нас определенную ценность как источники по поздней истории государства вандалов. По сравнению с этой группой адвокат и поэт Блоссий Эмилий Драконций, ученик Фелициана, все-таки занимает более высокую ступень. Своим обращением к византийскому императору, повлекшим за собой длительное заключение, он сохранил определенную дистанцию по отношению к вандалскому королю, даже если речь не шла о серьезной критике этого варвара. Правда, он встретил неожиданную строгость Гунтамунда с беспредельным самоуничижением: поэтому «*Satisfactio ad Gunthamundum regem*» («Извинение перед королем Гунтамундом») выглядит достаточно отталкивающе. И все-таки Драконций, которому мы обязаны трехтомным христианским богословским стихотворением под названием «*De laudibus Dei*», стоит много выше среднего уровня остальных писателей своего времени (51).

Вследствие недостатков светских писателей большее внимание привлекают писатели духовные. Их число весьма значительно, и все же большинство из них ограничивается очень узкой областью защитой своего ортодоксального или арианского вероисповедания. Позиции арианских богословов (Кирилы, Пинты, Абрагилы) вообще с большим трудом выявляются из соответствующих ортодоксальных полемических сочинений; от вандало-арианской (тем не менее написанной на латыни) литературы того времени сохранилось столь же мало, как и от письменного наследия донатистов. Ортодоксальная оппозиция после своей победы навела в этом деле основательный порядок.

Ортодоксальные писания, напротив, большей частью сохранились, хотя часто возникают трудности с определением авторства этих произведений (52). Так, некоторые написанные после 430 г. проповеди приписываются, с одной стороны, Августину, с другой — его ученику Кводвультдеусу, который стал карфагенским митрополитом около 437 г. Сходная ситуация сложилась с сочинениями Вигилия Тапсского (участник религиозной дискуссии 484 г.). Выдающимися богословами наряду с вышеназванными были также митрополит Евгений, написавший в роковые 483—484 гг. «*Liber fidei catholicae*», епископы Виктор из Виты и Фульгенций Руспийский, а также ученик Фульгенция Ферранд. В то время как Ферранд неукоснительно следует по стопам своего учителя, Виктор вносит в теологию свой вклад, прежде всего в области агиографии. Мнение Л. Шмидта, что «*Historia persecutionis Africanae provinciae*» («История разорения африканской провинции») Виктора представляет собой ни что иное, как «одностороннее тенденциозное сочинение, которому не хватает объективности» (53), после исследований Куртуа больше не может считаться определяющим. Ибо наряду с переработкой агиографии Виктор приводит бесценные культурно-исторические сведения о времени Гейзериха и Гунериха, так что без него история Северной Африки конца V в. была бы «почти белой страницей». Если ценность Виктора заключается прежде всего в его вкладе в агиографию и описании истории своего времени, то в духовной истории и теологии непревзойденной величиной является Фульгенций Руспийский. В его трудах во всех подробностях отражается духовная борьба между ортодоксией и ересью (арианством, пелагианством, донатизмом). Его интерпретация Августина была столь великолепна, что многие его произведения приписывались гиппонскому епископу и потому оказали воздействие на средневековую теологию. Некоторые его сочинения утеряны, другие не могут считаться безусловно подлинными; несмотря на это, Фульгенция следует считать самым значительным богословом и писателем вандалского периода (55).

Глава VIII

Вандалы, жители провинции и берберы

В предшествующем изложении уже достаточно часто упоминались отношения между этими группировками населения. Они постоянно менялись в зависимости от времени, места и ситуации. Общую «норму» поэтому определить нельзя, однако, пожалуй, по некоторым примерам можно сказать кое-что об общих тенденциях истории населения Северной Африки в вандалскую эпоху.

Прежде всего следует обратить внимание на распределение и пересечение этих трех группировок. В то время как берберы (мавры, ливийцы), распадающиеся на множество отдельных кочевых и полукочевых племен, владели всей территорией за пределами римской системы лимесов и проникали также в пограничные территории, в распоряжении провинциалов находились остальные области поселений. Правда, в результате колонизации вандалов и присоединения ими *sortes Vandalorum* (наделов вандалов) они были лишены большей части Проконсульской Африки. Во времена королей-хасдингов свободных римлян можно было обнаружить, пожалуй, только в Карфагене и некоторых других городах проконсульской провинции. Вандало-аланская колония, со своей стороны, ограничивалась — как доказывают свидетельства, обработанные Куртуа (1), — почти исключительно Карфагеном и *sortes Vandalorum* (наделами вандалов). Вне пределов этой зоны присутствие вандалов обнаруживается только в некоторых городах, таких как Тисдрус (эль-Джем), Мактар (Мактарис), Тала (Тала), Тебеста (Тебесса), Аммедара (Хаидра) или Гиппон-Регий (Бон; однако, относится к Проконсульской Африке). Можно было бы предположить, что вандалская колонизация, по крайней мере присутствие служащих и арианских клириков, распространилась еще дальше и могла прежде всего охватить города алжирского и тунисского побережья. Переименование Гадрумета (Сус) в Гунерихополис или задокументированное Виктором из Виты появление вандалских клириков и полицейских властей в мавританской Типасе служит определенным указанием в этом направлении. Однако из-за нехватки археологических и эпиграфических данных мы не можем утверждать этого с полной определенностью. Вследствие численной ограниченности вандалско-арианской части населения подлинная колонизация была, естественно, невозможной; тем самым у провинциалов оставалось достаточно жизненного пространства. Правда, это смешанное население из римской, пунийской и берберской составных частей было сильно затронуто вандалской колонизацией в экономическом плане; поскольку провинциалы были вынуждены уйти из Проконсульской Африки, они все же нашли достаточно места в Бизацене или в Нумидии, в случае если не предпочли бегство за море. Со времени правления Гунериха берберские набеги, доходившие до все более важных территорий, все же привели к кризису миллионного провинциального населения. В то время как городские жители или обнесенные стеной поместья часто могли противостоять набегам, остальные части населения должны были искать спасения в бегстве и часто больше не возвращались на прежнее место жительства. Характерен для этого состояния дел факт сокрытия торговых договоров, известных нам под именем *Таблицы Альбертина*. Во время набега мавров в 496 г. колонны этой тунисо-алжирской пограничной области рассеялись по всем направлениям; то же происходило и с остальными. Монашеская община св. Фульгенция — в 90-х годах V в. — бежала от мавров и при этом прошла большое расстояние от среднего или южного Туниса (область вокруг Капсы — Гафсы) до южной части Проконсульской Африки (Сикка Венерия — Эль Кеф) (2). Юго-западная часть вандалского государства, таким образом, несла постоянные потери в лице оседлого населения.

Население Северной Африки в вандалское время вообще находилось в гораздо большем движении, чем в позднеримский период. Римская система лимесов выполняла свою основную функцию до самого конца столь хорошо, что культурные области вряд ли страдали от сколь-нибудь крупных и продолжительных нашествий; восстания и мятежи также были ограничены во временном и пространственном отношении. Но вандалское нашествие между 429 и 442 гг. вызвало перегруппировку большей части северо-африканского населения, как в Нумидии, так и в областях восточнее нее. Однако кочевое и полукочевое население Мавритании все больше приходило в движение и напирало на позиции, оставленные до 455 г. Западным Римом. Постепенно в этих областях равнины и почти все города попали в руки мавританских князей; лишь немногочисленные прибрежные города и области в 455 г. или вскоре после этого достались вандалам, которые даже не могли и помышлять о контроле над западным Магрибом. Вследствие этого реберберизация Северной Африки, которая была заметна уже при Диоклетиане, в V веке сделала большие успехи. При этом в качестве влиятельных кланов из горных массивов (Кабилия, Аврес, тунисский Дорсале) на передний план вышли пустынно-степные племена гетулов и арцугов, и обе группировки создали государственные образования, отталкиваясь от римских форм (3). Политика этих новых государств преследовала различные цели, так что они зачастую оказывались в раздоре друг с другом или с вандалами. Эта тема заслуживает того, чтобы по меньшей мере дать краткий очерк некоторых из этих государств и их князей.

Берберский князь Массона из Альтавы (Ламорисьер) в надписи, датируемой 508 г., провозглашает свои притязания на титул «rex gentium Maurorum et Romanorum» (король мавров и римлян), который может служить определенным показателем; видно, что и правители довольно небольших областей заботились о своей легитимности и опирались на римскую традицию. Область, которой правил Массона, лежала далеко на западе и потому вряд ли могла находиться в тесных отношениях с вандалским государством. Иначе обстоит дело с Мастиной, правителем области Ходна, который, вероятно, основал свое королевство, опираясь на должность командующего римского пограничного отряда, и в конце концов даже принял титул императора. Куртуа, пожалуй, справедливо полагает, что Мастина сначала был независим от Карфагена, но после удачного мятежа населения Авреса против вандалов, следствием чего стало основание нового государства, вступил в контакты с Гунерихом. Вполне возможно, именно поэтому Мастина послал в 483 г. сильный мавританский контингент в Лары и Сикка Венерию (Эль Кеф) в Проконсульской Африке, чтобы принять там около 5000 изгнанных ортодоксов и переправить их на запад (4). Если такое толкование Куртуа соответствует действительности, можно предположить, что Мастина в случае нужды предоставлял в распоряжение своему союзнику и войска. Государство Аврес было почти взято в клещи с востока и с запада, что позволяло стратегически поставить задачу его уничтожения или по меньшей мере помешать его дальнейшей экспансии. Если отношения между Гунерихом и Мастиной были столь близки, напрашивается мысль об их совместном владении определенной частью Нумидии. Во всяком случае, еще в начале VI века довольно большая часть Нумидии являлась одновременно сферой вандалских и берберских интересов. Впрочем, союзническая политика вандалов и многочисленных мавританских племен проявляется и в том, что карфагенское правительство в общем располагало мавританскими матросами и солдатами. В 534 или 535 г. Византия сражалась на Сардинии и с мавританскими войсками, которые были туда доставлены вандалами в качестве военных поселенцев; в этом отношении вандалы на столь важном для них острове использовали тактику, сходную с применявшейся римлянами по отношению к многим варварским племенам, которые расселялись на подходящих местах в качестве федератов, несших рекрутскую повинность. В отношении вандало-берберского сотрудничества интересен также опыт Гелимера, который еще после битвы у Децима смог провести набор среди мавританских племен и даже после окончательного поражения при Трикамаре нашел в жителях дикого горного массива Эдуг последних защитников своего королевства (5). Конечно, в целом враждебность к вандалам со стороны берберских племен при последних Хасдингах усилилась. Сначала трудным противником стало государство Аврес, в то время как начиная с 511 г. поражения и урон германскому государству стало приносить дорсальское государство Гуэфана и Анталы. Естественно, вновь всплывает вопрос, с неизбежностью возникший уже в разделе о Гунтамунде, не привели ли постоянные нападения кочевников к более тесному сотрудничеству между вандалами и провинциалами. Мы уже имели возможность ответить на этот вопрос отрицательно, но должны еще раз повторить его, принимая во внимание берберскую тактику. Ведь Прокопий подчеркивает (6), что Каваон не только мог наблюдать за наступающими вандалскими кавалерийскими частями, но и что его разведчики чистили оскверненные вандалами ортодоксальные церкви и оказывали помощь священникам. Это указание очень существенно, тем более что оно получает подтверждение в некоторых замечаниях *Жития Фульгенция*; в соответствии с ними, прежде чем отправиться в «опасную зону» арианских противников, Фульгенций, поставленный перед альтернативой, выбрал в качестве места жительства области, находившиеся под угрозой берберских нападений (7). Эти замечания говорят сами за себя. Естественно, «фронты» постоянно менялись, и все же в целом вандалам и маврам или маврам и провинциалам было легче прийти к взаимопониманию, чем вандалам и провинциалам: решающую роль здесь играл, конечно же, религиозный вопрос. Противоречия между обеими христианскими церквями, ортодоксальной и арианской, действовали сильнее, чем все этнические и даже культурные различия. Ортодоксальному духовенству язычники-берберы часто были милее, чем ариане-вандалы, потому что их было легче обратить. Для такой миссионерской работы было много примеров из прежних времен, и можно было опираться даже на полезные указания Августина. Может быть, симпатии ортодоксов привлекало и то, что они предполагали за разбойничей и дикой внешностью кочевников безобидность и неспорченность человеческой природы. Эти противоречия были в целом гораздо сложнее, чем можно отобразить в этом очерке. главную вину за окончательный разрыв тесного вандало-римского сотрудничества против берберского наступления, естественно,

следует возлагать на вандалов. Несмотря на многие шаги навстречу Гунтамунда и прежде всего Хильдериха, количественно превосходящая ортодоксальная часть населения не соглашалась с вандалским господством; кто не протестовал открыто, был по меньшей мере равнодушен и мог даже приветствовать берберские нападения, так как они подрывали престиж вандалов и в конечном счете даже размывали государство Хасдингов. Римская служилая знать в целом, несомненно, была привержена вандалам и желала дальнейшего существования их королевства; однако их численность была очень мала, и они вряд ли могли — особенно после возвращения ортодоксальных епископов — оказать значительное влияние на массы провинциалов.

Тем самым в плане истории населения (и социологии) в поздние вандалские времена, как и в последнюю фазу римского владычества Северной Африкой, проявлялись чрезвычайно резкие противоречия, облегчившие византийское завоевание и победу Велизария. Вопрос о том, сыграли ли решающую роль противоречия между вандалами-арианами и провинциалами-ортодоксами, мы можем оставить открытым; ибо вместе с тем существовало противоречие между местным населением в культурных областях (как можно вкуче назвать вандалов и провинциалов) и наступающими из степных и горных областей кочевниками, которые были уже готовы отказаться от примитивной стадии языческой и племенной организации в пользу порядка более высокого уровня. Эти союзы выкристаллизовались вокруг монархической верхушки именно в ходе борьбы против управляемого из Карфагена государства и в результате во многом преодолели примитивное состояние бродячего пастушества, которое было вынуждено поддерживать и наращивать свои скромные жизненные возможности за счет разбойничих походов. Правда, современные писатели неизменно придерживались мнения о примитивности берберов и тем самым становились сторонниками вандалов, а затем прежде всего византийцев. Поэтому из этой литературы нельзя извлечь исторически достоверной картины жизни этих племен и динамических процессов их развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы подошли к концу нашего очерка истории вандалского государства. Сейчас речь не идет о том, чтобы в прагматичной манере, к сожалению, получившей чрезвычайно широкое распространение, поставить вопрос об «уроках», которые можно извлечь из истории вандалов — прежде всего из судьбы их африканского государства; в этом эпилоге уместнее спросить, оказали ли вандалы существенное влияние на историю стран Атласа и прервали ли они или нет неизменность развития — нечто подобное говорил еще Куртуа. К этому можно добавить вопрос о влиянии на неафриканские области. Ответ сам собой вытекает из предыдущего анализа. Не желая преуменьшить решающее воздействие переселения народов на историю и территорию Римской империи, мы должны подчеркнуть, что последствия вандалского завоевания и основания государства в Северной Африке были довольно незначительны. Характерно, что короли-хасдинги властвовали только над частью бывших римских владений в странах Атласа; позднее они наблюдали, как эта территория постоянно сокращается под ударами мавров еще до того, как хотя бы один византийский солдат ступил на африканскую землю. И все-таки мы продолжаем твердо придерживаться высказанного выше мнения, что вандалское государство, не будь удачного нападения Юстиниана, могло бы продержаться еще несколько десятилетий. Однако, так как его роль мировой державы уже давно была исчерпана, его влияние на северо-африканское развитие должно было бы постепенно уменьшаться.

Не только во время мусульманского нашествия, но уже спустя пару десятков лет после похода Велизария следы вандалов в Северной Африке полностью стерлись. В то время как цивилизующее влияние Рима в этой области, осуществлявшееся при помощи латинского языка, ортодоксальной церкви и многочисленных экономических форм, действовало еще несколько десятилетий, любое заметное воздействие вандалов прекратилось вскоре после победы византийцев. Итак, вандалы развернули в Северной Африке — как и в Испании — лишь временную, а именно, постоянно ослабевающую историческую активность, которая оказалась неспособной к сколь-нибудь длительному существованию. Следует также допустить, что имевшее место воздействие вандалов на Северную Африку носило скорее отрицательный, чем положительный характер. Если отвлечься от

зачатков феодализации, проявившихся в среде вандальской служилой знати, вандальская колонизация и основание государства не повлекли за собой никакого существенного перспективного развития. Ничего нового не возникло и на месте римской структуры общества, сильно поврежденной нашествием. В сфере культуры вандалы, по отдельности легко поддававшиеся процессу романизации и кафолизации, не смогли внести никакого собственного вклада в латинский язык и литературу, научные и церковные институты. В этом отношении их деятельность в целом носила разрушительный характер; пассивно восприняв римскую культуру, систему управления и экономику, они не сумели предложить ничего конструктивного для развития этих областей. В этом проявляется внутривосточная неспособность, ставшая особенно действенной в период внешнеполитических поражений. Ни одно государство не может на протяжении длительного времени выказывать внутри- и внешнеполитическую несостоятельность: обычно естественным следствием является исчезновение, а значение такого государства для «мировой истории» в этом случае определяется скорее периодом его упадка, чем расцвета.

Несмотря на это, ни один специалист не будет утверждать, что вандальское королевство не имело значения для мировой истории. В качестве внешней опоры совокупности государств, образовавшихся в результате переселения народов, и разрушителя изживших себя порядков и институтов Римской империи оно выполнило важную функцию; хотя вандалы не смогли долго продержаться, они по меньшей мере косвенно гарантировали достаточно спокойное развитие других варварских государств, прежде всего государства франков, так как они, равно как и остготы, отвлекли на себя удары Византийской империи. Кроме того, разрушение африканских позиций Рима дало большие возможности для развития берберско-мавританским силам, с готовностью использовавшим их: тем самым дело дошло, естественно, до процесса дероманизации, сыгравшего значительную роль для дальнейшего культурного развития, который был задержан вмешательством византийской державы, но был доведен до конца после успешного вторжения ислама.

Таким образом, если стремиться к объективности, мы не можем составить однозначного заключения: следует одновременно подчеркнуть негативные черты вандальской власти, ее непреклонность и заторможенность, и в то же время учитывать позитивные признаки, проявлявшиеся большей частью косвенным образом. В любом случае функция и значение вандальского государства далеко выходят за рамки промежуточного этапа между римским и византийским господством в Северной Африке.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к главе I

1. Имеются в виду такие романы, как «Борьба за Рим» Дана, «Гипатия» Кингсли, «Северин» Дерфлера и т. д.
2. Ср., например, Heuss, 492.
3. Heuss, 496.
4. Heuss, 494.
5. Heuss, 495.
6. Об этом свидетельствует большинство германских правовых источников, например, в германских государствах доступны были своды римского права. См., например, N. Kunkel, *Römische Rechtsgeschichte*, Weimar 1964, 140ff. Что касается королевства вандалов, то я снова могу сослаться на статью «Vandalen (2)» (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
7. Courtois, 59.
8. Courtois, 59.
9. Courtois, 59.
10. См. обзор этих вопросов: Pfister, *Zur Discussion: Volkssunde und Volkerskunde* (Forschungen und Fortschritte 28/1954. 113ff); G. Waiser, *Rom, das Reich und die fremden Völker in der Geschichtsschr. d. frühen Kaiserzeit*, Baden-B. 1951; A. Briessmann, *Tacitus und das flavische Geschichtsbild*, Wiesbaden 1955.
11. См., например, *Salian v. Massilia, De gubernatione Dei*, VII, passim.
12. См. Новеллы Валентиниана III (13; 34).
13. Courtois, 61ff.
14. См., например, В. Taubler, *Imperium Romanum*, I, Leipzig-Berlin 1913, passim.
15. См. Diesner, *Kirche und Staat...*, Nr. 9.
16. См., например, Orosius, *Historia adversum paganos*, VII, 41, 7 et passim; Salvianus, *De Gubernatione Dei*, VII, 7ff.
17. См. ссылки, например, Orosius, *Historia adversum paganos*, VI, 41, 7; Salvianus, *De Gubernatione Dei*, VII, 16, 17; ср. также Damenbauer, passim.
18. Ср. по данным вопросам также книга Courcelle, Dannenbauer, Fischer, Heuss.

Примечания к главе II

1. Tacitus, *Germania*, 2; 43; Plinius Major, *Historia Naturalis*, IV, 14, 99. Ср. Courtois, 22 (ff.); к данной проблематике также см. книги Jahn, Schwarz, L. Schmidt и Miltner (Pauly-Wissowa).
2. Schwarz, 68.
3. L. Schmidt, 7, 33, 39; Courtois, 21, 31, 237, 391 и сл.
4. Zosimus, *Historia Nova*, I, 68; по существу L. Schmidt, 9; Courtois, 37.
5. L. Schmidt, 9.
6. По этим вопросам высказываются L. Schmidt, Schwarz и Courtois (см. карту 5: 30).
7. S. 66; а также Jahn, 980ff.
8. L. Schmidt, 3f.
9. Schwarz, 66ff.
10. Schwarz, 66.
11. Schwarz, 66.
12. Поднимаемые здесь проблемы, разумеется, достаточно сложны. Ср., например, G. van der Leeuw, *Phänomenologie der Religion*, 1956.
13. Miltner, 300.
14. Schwarz, 68.
15. Jahn, 1011 ff.
16. Jahn, 1000 f.
17. Jahn, 999.
18. L. Schmidt, 13ff; Schwarz, 69; Miltner, 303ff.; Courtois, 38ff.
19. L. Schmidt, 13f.
20. Об этих и обсуждающихся далее вопросах см. L. Schmidt, 17ff.; Miltner, 305ff.; Courtois, 38ff.
21. L. Schmidt, 15f.
22. К этим произведениям относится и знаменитое 228-е письмо Августина (от 429 г.).
23. L. Schmidt, 22; Courtois, 52ff.

Примечания к главе III

1. Courtois, 236ff.
2. Courtois, 27.
3. Ср. L. Schmidt, который (28) рассматривает Гейзериха как командующего флотом Гундериха.
4. Diesner, *Der Untergang...*, 168.
5. Об этом размышляют в своем 228-м письме Августин и Посидий в Житии Августина (28 и 30).

Примечания к главе IV

1. Diesner, *Der Untergang...*, passim.
2. Frend, passim.
3. Frend, passim. Diesner, *Kirche und Staat...*, Nr. 4, 5, 8 h 9.
4. Stein, 355.
5. См. прежде всего чрезмерно критичную книгу Тентстрема, в которой он пытается поставить под вопрос даже вполне надежные результаты исследований.
6. *Codex Theodosianus* VII, 19, 1.
7. van der Meer, 59f.
8. Frend, Гл. 17 (и 18).
9. Stein, 402; в целом эту тему интересно трактует также книга Г. П. Конса.
10. Diesner, *Studien zur Gesellschaftslehre...*, passim.
11. Frend, passim.
12. В этом отношении мы несколько модифицируем положения, приведенные в «*Studien zur Gesellschaftslehre und sozialen Haltung Augustins*».
13. Stein, 504ff.; Diesner, *Der Untergang...*, 149.
14. H. Damenbauer, *Die Entstehung Europas, Von der Spätantike zum Mittelalter*, Stuttgart 1959-1962, 1 Т., Гл. 5 и 6.
15. См. интересную африканскую надгробную надпись в *Corpus Inscriptionum Latinarum*, VIII, 11824.
16. Leschi, 246ff. (об альбоме из Тамугади).
17. Possidius, *Vita Augustini*, 28; Victor Vitensis, *Historia persecutionis Africanae provinciae*, I, 3.
18. J. Sundwall, *Weströmische Studien*, Berlin 1915, Гл. 5.
19. О Бонифации ср. список источников и литературы в Diesner, *Kirche und Staat...*, Nr. 8.
20. См. мои возражения против Ф. Г. Майера в «*Kirche und Staat...*», Nr. 8.

Примечания к главе V

1. Prosper Tiro, *Epitome* 1348 k 442 rony.
2. В своем труде «*De gubernatione Dei*», VII, 1 ff.

3. E. Bayer, Wörterbuch zur Geschichte, Stuttgart 1960, 305.
4. Ср. предложенное Фишером различие аскетического и апологетического рассмотрения феномена переселения народов.
5. Об этом Diesner, «Kirche und Staat...», Nr. 11.
6. Salvian, «De gubernatione Dei», VII, 16f.
7. Iordanes, Getica 169.
8. Vita Augustini, 28 (ff.).
9. Ср. L. Schmidt, 30; Courtois, 157.
10. Об этом и дальнейшем см.: L. Schmidt, 30ff.; Miltner, 312f.; Courtois, 158ff.
11. Victor Vitensis, Historia persecutionis Africanae provinciae, I, 3.
12. Речь идет о проповедях 344 и 345; ср. об этом Diesner, Kirche und Staat..., Nr. 9.
13. Courcelle, 108.
14. Courtois, Append. II, 70.
15. Migne, Patrologia Latina, Bd. 53, 845; ср. Diesner, Der Untergang..., 183.
16. О договоре 435 г. и о передаче Гунериха в качестве заложника см. также: L. Schmidt, 64f; Miltner, 316; Courtois, 169f; 173f.
17. L. Schmidt, 65 (f.).
18. Stein, 481.
19. Stein, 482.
20. Об этом и далее: Stein, 482; L. Schmidt, 67ff; Courtois, 171ff.
21. О мире 442 г.: Stein, 484; L. Schmidt, 71ff.; Miltner, 320; Courtois, 171ff.
22. Ср. Vita Fulgentii Оеppааа, Di. 1.
23. Vita Fulgentii, Гл. I и 16.
24. О заговоре знати и связанных с этим проблемах: L. Schmidt, 74; Courtois, 236 (ff.).
25. L. Schmidt, 150ff.; Courtois, 234ff; 248ff.
26. Н.-J. Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
27. Об этих проблемах см. также главу 7 настоящей работы.
28. См. ниже, а также главы 7 и 8.
29. L. Schmidt, 76.
30. L. Schmidt, 76; Courtois, Append. III, 15 n 17.
31. Victor Vitensis, Historia persecutionis Africanae provinciae, I, 24.
32. Об этом и следующем: Stein, 540ff.; L. Schmidt, 76ff.; Miltner, 321ff.; Diesner, Der Untergang..., 60ff.; 188ff.
33. Об этом и дальнейшем: L. Schmidt, 84ff.; Miltner, 324ff.
34. К тактике «выжженной земли» см. уже образ действий скифов против царя Дария (Геродот, История, Книга IV).
35. Miltner, 326.
36. Это подчеркивает готский историк Иордан (Гетика, 244).
37. О походе к вандалам Льва I см.: L. Schmidt, 89ff.; Miltner, 332.
38. L. Schmidt, 99.
39. О мире 474 г.: L. Schmidt, 92f.; Miltner, 332.
40. Courtois, 190ff.
41. Apollinaris Sidonias, Carmina V, 328; 339ff.
42. Об этом см. важную монографию Энслина.
43. Ср. также ниже главу 7.
44. Ср. также ниже главу 7.
45. Готье, разят; очень позитивно оценивает первого вандальского короля Северной Африки и Miltner, 334f., в то время как L. Schmidt и Courtois придерживаются гораздо более осторожных позиций.
46. Об этих проблемах см. также главы 7, 8 и 9 этой книги.
47. О личности и правлении Гунериха: L. Schmidt, 99ff.; Courtois, особенно 395f.; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
48. См. ниже 5. 96.
49. См., например, Victor Vitensis, Historia persecutionis Africanae provinciae, II, 14.
50. Конечно, это достаточно спорный вопрос, см. Courtois, 238ff.
51. Из слов Виктора из Виты, Hist. pers. Afr. prov., II, 8ff., остается неясным, были ли те, кто посещал ортодоксальные богослужения в варварской одежде, вандалами или римлянами; так как служилая знать состояла из вандалов и римлян, я склонен полагать, что имелись в виду обе категории.
52. Victor Vitensis, Hist. pers. Afr. prov., II, 41f.
53. О религиозной дискуссии 484 г. и о королевских декретах и их воздействии: L. Schmidt, 102ff.; Courtois, 296ff.; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
54. Victor Vitensis, Hist. pers. Afr. prov., III, 55ff.
55. О личности и правлении Гунтамунда: L. Schmidt, 108ff.; Courtois, особенно 400; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl. Bd. 10).
56. Persecutor (= Avellana Collectio 95, 63, b; Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, Bd. 35).
57. L. Schmidt, 110.

58. Введением в эту проблематику служит комментированное издание Таблиц Альбертина (см. указатель литературы).
59. О берберских государствах: Courtois, особенно 325—339.
60. По этому вопросу ср. главу 7.
61. О личности и правлении Трасамунда: L. Schmidt, Ulf.; Courtois, особенно 401; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
62. Об Амалафриде: Courtois, 401.
63. Corpus Inscriptionum Latinarum, Bd. 10, Nr. 7232 (= Courtois, Append. II, 138).
64. Ensslin, Art. Thrasamund (Pauly-Wissowa, Bd. 6 A 1, 555).
65. W. Wroth, Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and of the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum, London 1911, 10f.
66. Прокопий Кесарийский, Война с вандалами, I, 8.
67. О деятельности этих епископов, в особенности Фульгенция, см. Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
68. О культурных и церковных вопросах см. также ниже главу 7.
69. О личности и правлении Хильдериха: L. Schmidt, 117ff.; Courtois, особенно 397Г.; 397f.; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
70. Courtois, 304 (ff).
71. О соборе 525 г. и связанных с ним вопросах: Courtois, 305ff.
72. Предложенную Куртуа датировку времени жизни Фульгенция как 462—527 гг. (стр. 300, прим. 3) я собираюсь подтвердить в другой работе.
73. L. Schmidt, 118 f.
74. Прокопий Кесарийский, Война с вандалами, I, 9; Corippus, Iohannis, III, 198 по 261.
75. О личности и правлении Гелимера: L. Schmidt, 121ff.; Courtois, особенно 402; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
76. Art. Prokopios von Kaisareia (Pauly-Wissowa, Bd. 23, 1, 409).
77. О ходе войны: W. Schubart, 97ff.; ср. далее прим. 75 и 76.
78. Courtois, 348; 354.
79. Courtois, 269ff.

Примечания к главе VI

1. О мозаике и золотом медальоне: W. Schubart, 101.
2. О преобразованиях в Северной Африке: Ch.-A. Julien, Histoire de l'Afrique du Nord (Tunisie, Algérie, Maroc), I, 260ff.
3. О преобразовании церкви: Julien, I, 269ff.
4. О деятельности Соломона и его преемников: Julien, I, 267ff; L. Schmidt, 144ff.
5. Война с вандалами, II, 14, 8ff.

Примечания к главе VII

1. К этому абзацу: L. Schmidt, 154ff; Courtois, 2. Teil, Kap. 2; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
2. L. Schmidt, 156; 162.
3. L. Schmidt, 156f.; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
4. Ср. L. Wickelt, Art. Princeps (Pauly-Wissowa, Bd. 22, 1998 no 2296).
5. Прокопий Кесарийский, Война с вандалами, II, 9 10ЙГ.
6. L. Schmidt, 68. Многочисленные надписи служат свидетельствами того, что в центральных областях Северной Африки датировка велась по королям (см. Courtois, Append. II, 54; 96; 98; 103; 104; 106), в Мавритании, напротив, по летоисчислению провинции.
7. L. Schmidt, 162.
8. О Салическом праве и Рибуариях, а также о законах вестготов, бургундов, лангобардов и т. д. см. Н. Conrad, Deutsche Rechtsgeschichte, Karlsruhe 1954, passim; ср. также главу 1, прим. 6.
9. См. выше стр. 46.
10. См. прежде всего Courtois, Append. III.
11. О Гоамере Courtois, Append. III, Nr. 23.
12. О Гибамунде Courtois, Append. III, Nr. 51.
13. См. список в Courtois, 255, прим. 12.
14. Житие Фульгенция, 20; ср. L. Schmidt, 155.
15. Victor Vitensis, Hist. pers. Afr. prov., III, 27; о дальнейшем ср. также L. Schmidt, 152ff; Courtois, passim; Diesner, Art. Vandalen (2) (Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10).
16. L. Schmidt, 175.
17. Victor Vitensis, Hist. pers. Afr. prov., I, 19; Incerti auctoris passio septem monachorum, 8.
18. См. выше стр. 61f.; ср. L. Schmidt, 164ff.
19. Victor Vitensis, Hist. pers. Afr. prov., II, 28.

20. L. Schmidt, 152 (оригинал в Британском музее).
21. Об этом см. также выше 73Г.
22. Gautier, 245ff.
23. L. Schmidt, 167.
24. Courtois, Append. II, Nr. 167; подробная служебная инструкция для соответствующих остготских частей содержится в Cassiodor, *Variae* VII, 7.
25. Возможно, в распоряжении вандалов там находились также материалы (например, карты) ставки бывшего римского командующего, *comes Africae*.
26. Об управлении — при несколько иной рубрикации — прежде всего L. Schmidt, 164ff. (военное управление), 169ff. (представительская власть, право, суд), 172 ff. (законодательство), 173 ff. (королевский двор и королевские служащие), 179 ff. (управление финансами).
27. Victor Vitensis, *Hist. pers. Afr. prov.* III, 11; 13.
28. См., например, Victor Vitensis, *Hist. pers. Afr. prov.* III, *passim*; *Incerti auctoris passio septem monachorum*, 8; 12; Прокопий Кесарийский, *Война с вандалами*, I, 8, 10.
29. L. Schmidt, 172.
30. L. Schmidt, 181; о монетном деле см. прежде всего уже упоминавшуюся работу Рота.
31. Vita Fulgentii, 1f; 14. Ср. Diesner, *Art. Vandalen* (2) (Pauly-Wissowa, *Suppl.*-Bd. 10).
32. Прокопий Кесарийский, *Война с вандалами*, II, 8, 25; об этом же L. Schmidt, 180.
33. Эта сторона вопроса, по моему мнению, недостаточно принимается во внимание Л. Шмидтом и Куртуа, подробно рассматривающими общество и экономику, в том числе и служилую знать.
34. L. Schmidt, 181f.
35. 3-я часть, глава 1, разделы 2 и 3.
36. См., например, Victor Vitensis, *Hist. pers. Afr. prov.*, I, 48; III, 27.
37. Vita Fulgentii, 1.
38. Ср. также главы 4 и 5 этой работы.
39. Об отдельных сферах экономик прежде всего см. Соипо18, 31 Ой".
40. См., например, Vita Fulgentii, 10; 16; (19; 24).
41. L. Schmidt, 183f.; Courtois, 320ff.
42. Victor Vitensis, *Hist. pers. Afr. prov.*, I, 48.
43. О проблеме разведения верблюдов и о дромадерах, использовавшихся в военных целях, см. особенно P. Altheim, *Niedergang der Alten Welt, Frankfurt/Main 1952, Bd. 1, 157ff.*
44. L. Schmidt, 185.
45. Victor Vitensis, *Hist. pers. Afr. prov.*, III, 29f.; 42ff.
46. O. Brunner, *Feudalismus. Ein Beitrag zur Begriffsgeschichte. Abh. d. Geistes- und Sozialwiss. Kl. d. Ak. d. Wiss. und der Lit. in Mainz. Jg. 1958, Nr. 10, 624.*
47. См. последнюю главу Vita Fulgentii; также в J. D. Mansi, *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, Paris 1901ff, Bd. VIII, 635ff.*
48. Diesner, *Art. Vandalen* (2) (Pauly-Wissowa, *Suppl.*-Bd. 10).
49. M. Jahn, 1000ff.; 1020ff.; L. Schmidt, 194f.
50. M. Schanz, G. Krüger, C. Hosius, *Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian, München 1920, 71ff.*; L. Schmidt, 191.
51. Schanz-Krüger-Hosius, 58ff.; L. Schmidt, 190f. et *passim.*
52. Об ортодоксальных писателях: L. Schmidt, 191ff.; Diesner, *Art. Vandalen* (2) (Pauly-Wissowa, *Suppl.*-Bd. 10).
53. L. Schmidt, 193.
54. Courtois, *Victor de Vita et son oeuvre*, 87.
55. Подробно в G.-G. Lapeyre, *Saint Fulgence de Ruspe, un d'evêque camolique africain sous la domination vandale, Paris 1929.*

Примечания к главе VIII

1. Courtois, карты № 14 и 18.
2. Vita Fulgentii, 5ff.
3. Об этом прежде всего Courtois, 325ff.; Diesner, *Der Untergang...*, 57ff.
4. См. выше 5. 79 и Courtois, 338.
5. Courtois, 348.
6. *Война с вандалами*, I, 8, 15ЯГ.
7. Vita Fulgentii, 7.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

- Albertini, E., Marc, ais, G., Yver, G., *L'Afrique du Nord française dans l'histoire*, Paris 1937.
- Altaner, B., *Patrologie, Freiburg/Br. 1960.*

- Audollent, A., *Carthage romaine*, Paris 1901.
- Baradez, J., *Fossatum Africae. Recherches aóriennes sur l'organisation des confins sahariens à l'époque romaine*, Paris 1949.
- Bates, O., *The Eastern Libyans*, London 1914.
- Berthiers, A., *L'Algérie et son passé*, Paris 1951.
- Brisson, J.-P., *Autonomisme et Christianisme dans l'Afrique romaine de Septime Sövere à l'invasion vandale*, Paris 1958.
- Büttner, Th. \ *Die Circumcellionen — eine sozial-religiöse Bewegung.* (Th. Büttner — E. Werner, *Circumcellion und Adamiten. Zwei Formen mittelalterlicher Haeresie*, Berlin 1959 S. 1-72).
- Bunan, J., *Die einheimische Bevölkerung Nofdafiikas von den punischen Kriegen bis zum Ausgang des Prinzipats* (F. Altheim — R. Stiehl, *Die Araber in der Alten Welt*, 1. Band, Berlin 1963 S. 420-549).
- Cagnat, R., *L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs*, Paris 1913.
- Camps-Fabrer, H., *L'olivier et l'huile dans l'Afrique romaine*, Alger 1953.
- Carooppino, J., *Le Maroc antique*, Libraire Gallimard 1943.
- Courcelle, P., *Histoire litté"raire des grandes invasions germaniques*, Paris 1948; 1943.
- Courtois, Chr., *Victor de Vita et son oeuvre*, Alger 1954.
- Courtois, Chr., *Les Vandales et l'Afrique*, Paris [1955].
- Dannenbauer, H., *Die Entstehung Europas. Von der Spätantike zum Mittelalter*, 2 Bde., Stuttgart [1959-1962].
- Diesner, H.-J., *Studien zur Gesellschaftslehre und sozialen Haltung Augustins*, Halle (S.) 1954.
- Diesner, H.-J., *Possidius und Augustinus* (*Studia Patristica*, 6, S. 350 bis 365).
- Diesner, H.-J., *Der Untergang der römischen Herrschaft in Nordafrika*, Weimar 1964.
- Diesner, H.-J., *Art. Vandalen (Schlussteil)* (*Pauly-Wissowa, Suppl.-Bd. 10, 957-992*).
- Diesner, H.-J., *Kirche und Staat im spatrömischen Reich, Aufsätze zur Spätantike und zur Alten Kirche*, Berlin 1963; 1964.
- Diesner, H.-J., *Gildos Herrschaft und die Niederlage bei Theueste (Tebessa)* (*Klio*, 40, 1962 S. 178-186).
- Die Völker Afrikas, ihre Vergangenheit und Gegenwart*, 2 Bde., red. v. D. A. Olderogge u. I. I. Potechin, dtsh. Übers., Berlin 1961.
- Diligenskij, G. G., *Sevemaja Afrika v IV—Vvekach*, Moskva 1961.
- Ensslin, W., *Theoderich der Grosse*, München [1947; 1959].
- Fiebigger, O., Schmidt, L., *Inchriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen* (*Denkschriften der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften in Wien, phil.-hist. Klasse*, 60, 1917, Abh. 3).
- Fischer, J., *Die Völkerwanderung im Urteil der zeitgenössischen kirchl. Schriftsteller Galliens unter Einbeziehung des hl. Augustinus*, Heidelberg [1948] (*Theol. Diss. Würzburg* 1943).
- Frend, W. H. C., *The Donatist Church, a Movement of Protest in Roman North Africa*, Oxford 1952.
- Gautier, E. F., *Le passé de l'Afrique du Nord, les siècles obscurs*, Paris 1937.
- Gautier, E. F., *Geiserich, deutsche Übers*, v. J. Lechler, Frankfurt/M. 1934.
- Geffcken, J., *Der Ausgang des griechisch-römischen Heidentums*, Heidelberg 1929.
- Gsell, St., *Atlas archeologique de l'Algerie*, Alger 1911.
- Hartke, W., *Römische Kinderkaiser*, Berlin 1951.
- Jahn, M., *Die Wandalen (b Vorgeschichte der deutschen Stamme, hisg. v. H. Reineith, Bd. III, 943-1032)*.
- Julien, Ch.-A., *Histoire de l'Afrique du Nord, Tunisie, Algerie, Maroc, I, des origines à la conquete arabe (647 ap. J.-C)*, Paris 1956; II, *de la conquete arabe à 1830*, Paris 1956.
- Käser, M., *Das römische Privatrecht*, 2 Bde., München 1955-1959.
- Kohns, H. P., *Versorgungskrisen und Hungerrevolten im spatantiken Rom*, Bonn 1961.
- Lapeyre, G., Pellegrin, A., *Carthage latine et chretienne*, Paris 1950.
- Lepper, J. L. M. de, *De rebus gestis Bonifatii comitis Africae et magistri militum*, Tübing-Breda 1941.
- Leschi, L., *Etudes d'epigraphie, d'archeologie et d'histoire africaines*, Paris [1957].
- Lietzmann, H., *Geschichte der Alten Kirche*, Leipzig-Berlin 1937/44.
- Löwith, K., *Weltgeschichte und Heilsgeschehen*, Stuttgart [1953].
- Maier, F. G., *Augustin und das antike Rom*, Stuttgart-Köln [1955].
- Marec, E., *Hippone la Royale, antique Hippo Regius*, Alger [1954].
- Marrou, H. L., *Saint Augustin et la fin de la cultur antique*, Paris [1958].
- Mazzarino, S., *Aspetti sociali del quarto secolo*, Roma 1951.
- Meer, F. van der, *Augustinus der Seelsorger, deutsche Übers*, von N. Greitemann, Köln 1953.
- Mesnager, J., *L'Afrique chrétienne. Eveche's et ruines antiques*, Paris 1912.
- Messmer, H., *Hispania-Idee und Gotenmythos*, Zürich 1960.
- Miltner, F., *Art. Vandalen* (*Pauly-Wissowa, Bd. 8 A 1, 298-335*).
- Monceaux, P., *Histoire litteraire de l'Afrique chretienne depuis les origines jusqu' à l'invasion arabe*, 3.—7. Bd., Paris 1905—1923.
- Ostrogorsky, G., *Geschichte des Byzantinischen Staates*, Mü nchen 1952 (*Handbuch der Altertumswissenschaft, fortgef. von W Otto, XII 1,2*).
- Pellegrin, A., *Histoire de la Tunisie depuis les origines jusqu' à nos jours*, Tunis 1944.
- Picard, G. Gh., *Les religions de l'Afrique antique*, Paris 1954.
- Picard, G. Ch., *La civilisation de l'Afrique romaine*, Paris [1959].
- Romanelli, P., *Storia delle province romaine dell'Africa*, Roma 1959.

- Rubin, B., Prokopios von Kaisareia, Stuttgart [1954] (=Pauly-Wssowa, Bd. 23, 1).
 Schmidt, K. D., Die Bekehrung der Ostgermanen zum Christentum, 1. Bd., Göttingen 1939.
 Schmidt, L., Geschichte der Wandalen, München 1942.
 Schneider, G., Geistesgeschichte des antiken Christentums, 2 Bde., München 1954.
 Schubart, W., Justinian und Theodora, München [1943].
 Schwarz, E., Germanische Stammeskunde, Heidelberg 1956.
 Seeck, O., Geschichte des Untergangs der antiken Welt, 6 Bde., Berlin 1895 ff.
 Seeck, O., Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311—476 n. Chr., Stuttgart 1919.
 Seyfarth, W., Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus, Berlin 1963.
 Stajerman, E. M., Die Krise der Sklavenhalterordnung im Vvfesten des römischen Reiches, übers. und hrsgb. v. W. Seyfarth, Berlin 1964.
 Stein, E., Geschichte des spätromischen Reiches, 1. Bd., Wien 1928.
 Stroheker, K. F., Germanentum und Spätantike, Zürich-Stuttgart 1965.
 Tablettes Albertini, Actes privés de l'e'poque vandale, ed. par Chr. Courtois, L. Leschi, Ch. Perrat et Ch. Saumagne, Paris [1952].
 Tengström, E., Donatisten und Katholiken, Soziale, wirtschaftliche und politische Aspekte einer nordafrikanischen Kirchenspaltung, Göteborg 1964.
 Teutsch, L., Das Städtewesen in Nordafrika in der Zeit von C. Gracchus bis zum Tode des Kaisers Augustus, Berlin 1962.
 Vermington, B. H., The North African Provinces from Diocletian to the Yandal Conquest, Cambridge 1954.
 Warmington, B. H., Carthage, London 1960.
 Westermann, W. L., The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia 1955.
 Zunkeller, A., Das Mönchtum des hl. Augustinus, Würzburg 1950.

Хронологические таблицы

Вандалы

100 г. до н. э.	Вандалы в Силезии
Со II в. н. э.	Вандалы в Восточной Венгрии и Словакии
278	Император Проб побеждает силингов
ок. 335	Вандалы в Восточной Венгрии
IV в.	Вандальские «княжеские дворы» в Силезии
406/7	Вандалы вместе с аланами перешли верховье Рейна
411	Вандалы, аланы и свевы заключают в Испании договор с Западной Римской империей, став ее федератами
418	После поражения в борьбе с вестготами аланы и вандалы заключают союз.
428—477	Король Гейзерих
429	Переправа в Северную Африку
435	Заключение договора с Западной Римской империей
19.10.439	Гейзерих завоевывает Карфаген
442	Независимость королевства вандалов в Африке
455	Гейзерих завоевывает Рим. Присоединение к королевству вандалов Балеарских островов, Корсики, Сардинии и Сицилии
468	Уничтожение византийской морской экспедиции при Карфагене
474	Признание вандальского государства со стороны Зинона
477	Смерть Гейзериха
477-484	Король Гунерих
484-496	Король Гунтамунд
491	Потеря Сицилии, включение ее в состав остготского королевства
496	Король Трасамунд
500	Заключение брака между Трасамундом и сестрой Теодориха Амалафридой
523—530	Король Хильдерих
528—529	Победа берберов над войсками Хильдериха приводит к перевороту под руководством Гелимера
530—533/534	Поход Велизария уничтожает королевство вандалов
с 534	Византия переустраивает Северную Африку
546	Конец вандальского сопротивления
647	Вторжение арабов в Тунис со стороны Египта

Германцы

с I в. н. э.	Готы в устье Вислы (затем между Дунаем и Доном)
378	Битва при Адрианополе
410	Завоевание Рима вестготами (Аларих)
с 418	Возникновение королевства вестготов с центром в Тулузе
439	Независимость вестготского королевства
451	Победа над гуннами на Каталаунских полях (Аэций)
453	Смерть Аттилы. Распад империи гуннов
482—511	Хлодвиг основывает королевство франков.
493-553	Остготское королевство (Теодорих Великий)

Восточная Римская империя

394-408	Император Аркадий
408-450	Император Феодосий II
450-457	Император Маркиан
457-474	Император Лев I
474-491	Император Зинон
491-518	Император Анастасий I
518-527	Император Юстин I
527-565	Император Юстиниан I
535-553	Уничтожение остготского королевства Велизарием и Нарсесом

Западная Римская империя

284-304	Император Диоклетиан
393-423	Император Гонорий (Стилихон ум. в 408 г.)
425-455	Император Валентиниан III (мать Галла Плацидия)
454	Убийство Аэция
455	Убийство Валентиниана III
476	Падение Западной Римской империи (отстранение Ромула Августула) Правление Одоакра до вторжения остготов

Культура и религия

411	Религиозная полемика в Карфагене (поражение донатизма)
28.08.430	Умирает Августин в осажденном вандалами Гиппоне-Регии
с 439	Арианская «государственная церковь» в Северной Африке, гонение на ортодоксов и манихеев
451	Собор в Халкидоне
482	«Энотикон» приводит к схизме между Восточной и Западной Церковью
482—484	Жестокие гонения на ортодоксов при Гунерихе. Гунтамунд проводит либеральную религиозную политику
с 502	Деятельность последователя Августина, Фульгенция из Руспы, придворного поэта Драконция, Луксория, Флавия Феликса и Флорентина в Карфагене
525	Всеафриканский собор в Карфагене
529	Основание монастыря в Монте Кассино Бенедиктом Нурсийским
с 534	Победа ортодоксальной Церкви в Северной Африке
с 534	Кодификация римского права; описание войны с вандалами Прокопием Кесарийским
с 650	Исламизация Северной Африки

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрагила 171
 Августин Аврелий 18, 38, 42, 43, 45, 46, 47, 49, 50, 56, 57, 61, 63, 66, 87, 97, 102, 110, 112, 114, 129, 161, 166, 167, 170, 172, 178
 Авит, император 79, 80
 Аларих 43
 Алипий 50
 Амаласвинта 116, 120
 Амалафрида, сестра Теодориха 106, 108, 115
 Амвросий, епископ 97
 Аммата 121, 142
 Анастасий I, император 107
 Антала 108, 116, 117, 131, 142, 177
 Антемий, император 83
 Антонина, супруга Велизария 119
 Аполлинарий Сидоний 86
 Апулей 38, 170
 Аргайт 22
 Ареовинд 131
 Арий 167
 Аркадий, император 40
 Арнобий 170
 Аталарих, остготский король 116
 Атгила, гуннский король 11, 68, 75, 76, 77
 Аэций 67, 68, 76
 Бонифаций, комит Африки 49, 50, 51, 52, 53, 62, 63, 68
 Бонифаций, митрополит 113, 114
 Брукнер О. 168
 Валентиниан III, император 47, 51, 58, 67, 68, 69, 76, 77, 134, 140
 Василиск 82, 83
 Велизарий 88, 118, 119, 121, 122, 123, 125, 126, 130, 131, 134, 147, 149, 151, 165, 179, 182
 Вигилий Тапский 172
 Вигилий, папа 129

Вико Ж-Б. 10
 Виктор из Виты 58,59,61,70, 90, 95, 96, 99, 100, 137, 145, 156, 158, 169, 172
 Виктор из Тоннугы, епископ 129
 Вольтер 16
 Вульфила 167
 Галла Плацидия, императрица 51
 Гейзерих 27, 28, 34, 35, 53, 54, 55,57,58,60,61,63,64,65,67, 68,69,70,71,72,74,75,76,77, 78,79,80,81,82,83,84, 85,86, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 101, 106, 112, 124, 133, 134, 136, 137, 138, 141, 142, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 172
 Гейларис 116
 Геласий I, папа 103
 Гелимер 88,115,116,117,118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 135, 137, 138, 141, 142, 143, 148, 149, 151, 152, 153, 159, 168, 177
 Гензон 116
 Гераклиан 44
 Герман, брат Юстиниана 131
 Гермигар 59
 Геродот 16, 153
 Геронтий 31
 Гесалех 107
 Гибамунд 142, 169
 Гиббон Э. 10
 Гильдон 39, 40, 41, 48
 Гильдерих 88
 Гоагейс 142
 Гоамер 116, 117, 142
 Года 119, 143
 Годигизел 28, 29, 35
 Гонорий, император 30, 44
 Готье Э. Ф. 78, 150
 Григорий Блуаский 16
 Гундерих (Гунтарикс) 29, 35
 Гунерих 34, 58, 65, 69, 72, 73, 75,77,81,84,87,90,91,92,93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 105, 106, 109, 110, 112, 134, 136, 137, 138, 140, 142, 145, 147, 148, 151, 152, 154, 155, 156, 163, 166, 172, 174, 176, 177
 Гунтамунд 92, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 109, 166, 167, 171, 177, 178
 Гунтариф 131
 Гунтерих 22
 Гуэфан 108, 177
 Диоклетиан, император 39, 127, 175
 Драконций Блоссий Эмилий 103, 105, 136, 171
 Евгений, епископ 91, 96, 102
 Евдокия, дочь Евдоксии 58, 69, 75, 76, 77, 84, 90, 91, 92, 112, 140
 Евдоксия, императрица 76, 77,81
 Еврих, король вестготов 82
 Зинон, император 91,94,102, 134
 Игилос 23
 Иероним 18,43
 Иоанн, сын Сисинниола 131
 Иордан 23, 57
 Ираклий 82
 Каваон 104, 109, 152, 178
 Капреол 64
 Кассиодор 19, 86
 Кастиний 34, 35, 36, 50
 Кводвультдеус 172
 Кедрен 126
 Киприан 129, 170
 Кирилл (Кирила), арианский патриарх 96, 171
 Клавдиан 28
 Константин I, император 23, 28,49
 Константин III, император 30,31
 Корипп 116
 Куртуа Кр. 18, 78, 116, 124,159, 172, 174, 176, 181
 Курсей П. 62
 Лев I, император 81, 82, 84, 134

Лев I, папа 77
Либерат 114
Ливии Север, император 81
Литорий 67
Луксорий 106, 111, 136, 170
Людвик XIV 141
Майориан, император 79, 80
Макробий 170
Мариний 44
Маркиан, император 75, 77
Марс 82
Марцеллин 43, 44, 80, 82, 83
Массона из Альтавы 176
Мастина 176, 177
Нарсес 134
Немемха 104
Новат 66
Одоакр 104
Олибрий 81, 83, 84
Оптатий из Милевы 47
Оптатий из Тамугади 41
Ориентий 18
Орозий 18, 31, 33, 36, 43
Палладий 76
Петроний, Максим 76
Пинта 171
Плацидия, дочь Евдоксии 77, 81, 83
Плиний Старший 21, 24
Поссидий 42, 57, 58, 63, 66
Прокопий Кесарийский 51, 70, 72, 88, 109, 112, 116, 117, 118, 119, 122, 124, 130, 135, 147, 150, 157, 158, 178
Проспер Тиро 18, 19, 56, 58, 66
Пруденций 119
Радагайс 29
Ремисмунд 82
Репарат 128
Рецимер 79, 81, 83
Рубин Бертольд 118
Руфин 129
Руфиниан, епископ 109
Сальвиан из Массилии 19, 30, 34, 47, 54, 55, 56, 57, 70
Севериан 66
Секст Корнелий Климент 22
Сигисвульт 51
Симмах, папа 110
Соломон 126, 127, 129, 131, 158
Стилихон 28, 29, 43
Стоца 131
Тата (Цазон) 119, 121, 122, 142
Тацит 21, 24, 33, 148
Тевд, вестготский король 120
Теодорих I, вестготский король 90
Теодорих, остготский король 102, 104, 106, 107, 116, 135, 137, 139
Теодорих Страбон 82
Тертуллиан 38, 170
Трасамунд 89, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 137, 138, 149, 151, 155, 166, 167, 169, 170, 171
Тригений 64
Фара 123
Фелициан 105, 170, 171
Феодора 125
Феодосии II, император 68
Ферранд 100, 106, 111, 112, 172
Ферреро Г. 55, 56, 58, 139
Фирмий 39, 48
Флавий Аспар 63
Флавий Феликс 106, 111, 170
Флорентин 106, 111, 136, 170

Фредебал 33
 Фульгенций Руспийский 59, 102, 103, 106, 110, 111, 112, 113, 116, 129, 137, 161, 167, 169, 172, 178
 Хасдинги, династия 124, 135, 136, 137, 140, 141, 173, 177, 179
 Хельдика 93
 Хидаций 31
 Хильдерих 92, 100, 108, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 120, 128, 134, 137, 141, 142, 148, 149, 152, 165, 167, 168, 170, 179
 Хосров 118
 Чингис-хан 61
 Шварц Е. 23
 Шиллер 16
 Шмидт Людвиг 103, 107, 135, 147, 151, 166, 172
 Шпенглер 13
 Эган 129
 Юкунд 93
 Юлий Непот, император 84
 Юстин I, император 107, 115
 Юстиниан, император 51, 107, 115, 117, 118, 121, 123, 125, 126, 128, 129, 131, 134, 153, 168, 182
 Ябдас 129

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аврес (горный массив) 90, 91, 104, 108, 129, 130, 176, 177
 Австрия 29
 Агригент 79
 Адрианополь 11, 29
 аланы 8, 31, 32, 33, 34, 63, 100, 124, 134, 146, 174
 Александрия 28
 Альтава (Ламорисьер) 60, 176
 Аммедар (Хайдра) 41, 127, 174
 Арминия 167
 Аррас 29
 Артерн 23
 Амьен 29
 Ауция (Омаль) 61
 Африка 27, 35, 36, 38, 40, 41, 43, 44, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 63, 64, 67, 69, 70, 80, 87, 101, 107, 124, 127, 129, 130, 131, 132, 148, 154, 161, 166, 170, 179, 181
 Бавария 28, 29
 Багаи 108
 Баграда, река 131
 Балеарские острова 34, 78, 84, 123
 Балтийское море 24
 берберы 108, 116, 129, 130, 132, 138, 152, 164, 170, 173, 177
 Бетика 31, 59
 Бизацена 67, 98, 100, 103, 113, 129, 166, 167, 174
 Большой Порт 60
 БорджДжедид 148
 Бракара (Брага) 34
 Бреслау (Вроцлав) 24
 Британия 23
 Булла Регия 131
 Булонь 30
 бургунды 16, 19, 21, 67, 138
 вандалы 7, 10, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 51, 53, 54, 55, 57, 58, 61, 62, 63, 64, 68, 79, 100, 106, 107, 116, 121, 122, 123, 124, 130, 131, 132, 134, 135, 138, 146, 147, 148, 150, 159, 162, 174, 179, 182, 183
 Ванния 22
 Венгрия 22, 26, 27, 28
 Вендсюссель 24
 вестготы 53, 60, 67, 75, 107, 117, 120, 124, 138
 Ветгерау 23
 Византия 9, 11, 12, 13, 66, 81, 91, 95, 107, 113, 117, 121, 124, 131, 177, 183
 Винделиция 29
 Висла, река 24
 Вита 58, 59, 61, 70, 90, 95, 96, 99, 145
 Витгенберг 23

Волубилис 60
 Восток 10
 Восточный Рим 11,12,40,139
 Габеский залив 99
 Гадрумет (Сус) 75,92,116,174
 Гацейра 123, 149
 Галатия 123
 Галлия 29, 30, 36, 67, 68
 Гафса 175
 Германия 23, 25
 Гиппон-Регий 57, 62, 63, 64, 78, 120, 123, 124, 149, 174
 готы 106, 107
 Гора Ватерес 131
 Грасс 147
 Гунерихополис 92, 174
 гунны 67, 129
 Децим 120, 142, 177
 Дорсальские горы 104, 116, 176
 Дунай 28
 Египет 11
 Запад 7, 10
 Западная Римская империя 7, 10, 11, 13, 33, 40, 52, 64, 65, 66, 69, 75, 90,139, 175
 Иберийский п-ов 8,31,35,52, 53,75
 Иерусалим 84
 Икосий (Алжир) 60, 62,65
 Иллирия 81, 126
 Индия 11
 Испания 31,33, 34, 35, 36, 50,54, 55, 66,182
 Италия 8,29,43,44,63,67,69,70, 71, 76, 81, 84, 85, 104, 162, 165
 Кабилия 39, 176
 Калага (Гельма) 42, 61
 Каларис 110
 Капса (Гафса) 103, 175
 Калуг Вала (Рас Кабудия) 120
 Карпаты 23, 26
 Картенна 60
 Карфаген 43, 44, 57, 60,61,62, 65,67,69,70,71,73,74,77,84,99, 110, 111, 113,114, 120, 121,122, 123, 130, 131, 135, 144, 147, 148, 149, 150, 153, 163, 167, 168, 173, 174, 176, 179
 Каталунские поля 8, 76
 Кембриджшир 23
 Китай 11
 Колония Киллитана 131
 Константинополь 77, 81,123, 127, 135, 159
 Корсика 78, 79, 84, 98, 123, 151, 163
 Ламбесис (Ламбез) 127
 Ларес 95
 Лары 176
 Лех, река 23
 Лилибея Марсалы 106
 Лимиса (Ксар Лемса) 127
 Лузитания 31, 59
 Мавритания 34, 39, 67, 90, 113, 131
 Мавритания Тингитанская 175
 Мавритания Цезарейская (Ситифская) 65, 166
 мавры 10,87,88,103,108,117, 131,146,152,153,163,176,177
 Мафиб 40, 132, 175
 Майнц 29
 Мактар (Мактарис) 174
 Марокко 60
 Маскула (Кенхела) 127
 массагеты 143
 Массилия (Марсель) 30, 56
 Мембреса (Меджез эль-Баб) 131
 Меркурия (Кап Бон), мыс 82
 Милева 47

Мушенхайм 23
 Нарбонн 30
 Неаполь 67
 Неккар29
 Нербазийские горы 34
 Нижняя Мезия 22
 Нимпч 25
 Новепопулан 67
 Новый Карфаген 31, 35
 Норвегия 24
 Норик 29
 Нумидия 39, 61, 65, 67, 68, 103, 113, 114, 121, 129, 151, 152, 174, 175, 177
 Одер, река 21, 24
 Осло, бухта 25
 остготы 108, 117, 130
 Палермо 68
 Паннония 22, 28
 Пелопоннес 81
 Пиренейские горы 29, 30, 31
 Познань 23
 Проконсульская Африка 69, 70, 95, 98, 102, 113, 173, 174, 175, 176
 Равенна 30, 33, 40, 66, 69
 Реймс 29
 Рейн, река 29
 Реция 23, 28
 Рим 9, 11, 13, 22, 30, 31, 38, 39, 43, 44, 54, 55, 56, 57, 58, 67, 74, 78, 125, 130, 182, 183
 римляне 8, 17, 19, 25, 26, 34, 150
 Русгундия (Лаперуз), порт 127
 Руспа59, 116
 Сакрау 26, 27
 Сальды 78
 Сардиния 78, 84, 93, 96, 110, 111, 119, 123, 143, 149, 152, 153, 177
 Сахара 164
 свевы 19, 31, 32, 34, 53
 Северная Африка 8, 36, 37, 38, 40, 47, 51, 52, 53, 54, 59, 60, 62, 65, 84, 95, 102, 111, 114, 122, 125, 126, 128, 130, 152, 156, 158, 162, 163, 172, 173, 175, 182, 183
 Севилья (Гиспалис) 35
 Сегггон 123, 149
 Сикка Венерия [Эль Кеф] 61, 95, 175, 176
 Силезия 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28
 силинга 22, 23, 25, 28, 33
 Ситифис (Сетиф) 61, 127
 Сицилия 66, 67, 68, 78, 79, 84, 93, 104, 109, 120, 130
 Скаген, мыс 24
 Словакия 22, 26, 27
 Средиземное море 78, 149, 153
 Суфес 103, 113, 168
 Суфетулы 103
 Тагаст (Сук Ахрас) 61
 Тала (Тала) 174
 Тамугади (Тимгад) 41, 108, 127
 Тале 116
 Тарракон (Таррагона) 34
 Тасакора 60
 Тебеста (Тебесса) 103, 108, 127, 174
 Телепт 103, 108
 Тибр, река 77
 Тингис (Ганжер) 60
 Типаса 99, 166, 174
 Тироль 28
 Тисдрус (Эль-Джем) 174
 Тисса22
 Толос (Гулуза) 29, 30, 67
 Тоннута129
 Трикамар 122, 151, 177

Триполитания 68, 69, 113, 119, 166
Трир 29
Тубурбо майус [Касбат] 61
Тубуны (Тобна) 127
Тунис 65, 88, 108, 116, 149, 153, 175
Тунисское озеро 120
Турне 29
Уарсенис, горы 104
франки 16, 29, 30, 138
Халлингдаль 25
Ходна, горы 104
Цезаря 60, 62, 78, 123, 127, 149
Цирта (Константина) 61, 62
Цобтенберг, гора 22
Цорбит 23
Эгейское море 81
Эдуг, гора 177
Эльба, река 21
Эмерита (Мерила) 60, 67
Южная Нумидия 50
Юлия Традукта 60
Юнк 113, 168
Ютландия 23, 24